Е. Н. ШИРЯЕВ

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ *в современном русском языке*

«НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е. Н. ШИРЯЕВ

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ *в современном русском языке*

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Д. Н. ШМЕЛЕВ

МОСКВА
«НАУКА»
1986

Книга посвящена анализу бессоюзных сложных предложений. Дается новое, аргументированное толкование принципа организации бессоюзного сложного предложения. Структура предложений исследуется в разных языковых сферах: в разговорной речи, в языке художественной литературы, в функциональных стилях.

Рецензенты

В. А. БЕЛОШАПКОВА, Т. Г. ВИНОКУР

Ш-64

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

80859

Ш $\frac{4602010000\text{-}220}{042(02)\text{-}86}$ 321—86(III)

© «Наука», 1986 г.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема бессоюзного сложного предложения не нова. Тем не менее в описании бессоюзного сложного предложения много неясностей и противоречий. На одном из обсуждений в Институте русского языка АН СССР тогда еще только подготавливаемой к изданию «Русской грамматики»[1] ее главный редактор Н. Ю. Шведова констатировала: в современной лингвистике нет концепции бессоюзного сложного предложения, на которую можно надежно опереться в его описании. Было бы большой самонадеянностью думать, что предлагаемая вниманию читателей книга восполнит этот пробел. Будет хорошо уже и то, если удастся приблизиться к адекватной концепции.

Исходные посылки

Всякая новая постановка старой проблемы, как кажется, обоснована в двух случаях: (1) если общее развитие лингвистической теории таково, что ее применение к той или иной проблеме позволяет существенно продвинуть вперед изучение этой проблемы; (2) если становится известным такой новый языковой материал по данной проблеме, который не находит осмысления в старых концепциях и тем самым настоятельно требует развития теории. Оба эти условия оказываются значимыми для проблемы бессоюзного сложного предложения.

Мало у кого сейчас вызывает сомнения тот факт, что смысловые отношения между частями бессоюзного сложного предложения так или иначе опираются на конкретное, определяемое лексическим составом частей содержание: в бессоюзном сложном предложении: *На горизонте появилась черная туча — будет сильный дождь* семантические связи слов *дождь* — 'то, что льется из тучи' и *туча* — 'то, что содержит дождь' обусловливают следственные отношения между частями — 'на горизонте появилась черная туча, так что (и поэтому) будет сильный дождь'. Поэтому важность семантического аспекта в описании бессоюзного сложного предложения несомненна и признается многими исследователями[2]. И тем не менее дальше простой констатации этой

[1] Русская грамматика. М., 1980. Т. I—II.

[2] Как, например, пишет Б. А. Зильберт, смысловые отношения между частями бессоюзного сложного предложения регулируются «реальным содержанием соединяемых частей» (*Зильберт Б. А.* К вопросу о принципах классификации

важности дело не идет, и семантический аспект в описании бессоюзного сложного предложения остается мало разработанным в теоретическом плане. Имеются лишь некоторые частные наблюдения, иногда весьма интересные, о роли лексико-семантического содержания предикативных конструкций в выражении смысловых отношений между ними [3].

Полагаем, что широкое развитие исследований по языковой семантике, важные теоретические обобщения в этой области позволяют выйти в теоретическом плане и на семантику бессоюзного сложного предложения. Описание семантики бессоюзного сложного предложения — это не просто углубление наших знаний о данном языковом объекте, семантический компонент в описании бессоюзного сложного предложения — это такой компонент, без которого вообще, на наш взгляд, концепция бессоюзного сложного предложения состояться не может.

Исследование семантики любой грамматической единицы может быть успешным, по нашему мнению, только в том случае, если будет четко противопоставлена семантика грамматическая (формальная) и неграмматическая, в частности семантика, определяемая лексическим компонентом. Поэтому старый вопрос о грамматическом статусе бессоюзного сложного предложения имеет первостепенное значение и тогда, когда для исследования привлекается семантический компонент. Следует установить, является ли бессоюзное сложное предложение синтаксической единицей и имеет ли оно, следовательно, свою грамматическую (синтаксическую) семантику. Исходя из того, что синтаксическая единица — это одна из грамматических единиц, а всякая грамматическая единица является таковой потому, что имеет свои грамматические формы, одним из центральных вопросов концепции бессоюзного сложного предложения считаем вопрос о синтаксической форме бессоюзного сложного предложения.

Любая грамматическая форма не существует в языке изолированно, а имеет свое место в системе других форм и определяется

сложных бессоюзных предложений. — В кн.: Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов, 1967, с. 297).

[3] В первую очередь, на наш взгляд, в этом плане должна быть отмечена весьма тонкая по своему семантическому анализу работа Н. В. Кирпичниковой о бессоюзных конструкциях со значением мотивации. Н. В. Кирпичникова показала, что значение мотивации может создаваться за счет того, что содержание первой предикативной конструкции несет в себе некоторый неизвестный для слушающего элемент смысла, который приводит его к вопросу *почему*?, что и обусловливает мотивационное отношение второй конструкции по отношению к первой, ср.: *Он расстроился: дочери нет дома*, см.: *Кирпичникова Н. В.* К изучению семантики сложного предложения (на материале бессоюзных конструкций со значением мотивации). — Вестн. Московского ун-та. Сер. 9. Филология, 1981, № 2. См. также лексико-семантический анализ некоторых типов бессоюзных сложных предложений в работах: *Михайлова В. С.* Логическое относительное подчинение в современном русском литературном языке. — В кн.: Русское языкознание. Алма-Ата, 1971. Вып. I; *Кузьмин В. В.* Лексические показатели единства бессоюзного изъяснительного предложения. — В кн.: Семантическая структура словосочетаний и предложений русского языка. Тула, 1978.

на основании своих системных связей. Обращение к проблеме грамматической формы бессоюзного сложного предложения — это одновременно вопрос о месте бессоюзного сложного предложения в системе других синтаксических единиц, прежде всего, естественно, в системе сложного предложения.

Итак, будем исходить в нашем исследовании из следующего априорного утверждения — построить концепцию бессоюзного сложного предложения можно на основании следующих кардинальных положений: (1) определение синтаксической формы бессоюзного сложного предложения; (2) определение места синтаксической формы бессоюзного сложного предложения в системе других синтаксических форм; (3) определение того, какой лексико-семантический материал может быть облечен в форму бессоюзного сложного предложения, или, по-другому: на каком лексико-семантическом материале работает синтаксическая форма бессоюзного сложного предложения.

Рассмотрим несколько подробнее каждое из этих ведущих априорных положений.

(1) Грамматическая форма. Понятие грамматической формы опирается на трактовку языка как знаковой системы. Грамматическая форма — это грамматическая семантика (план содержания) в единстве с грамматическими средствами ее выражения (план выражения). Грамматическая форма выделяется на основе парадигматических и синтагматических связей тех единиц, которые она оформляет. В русской лингвистике такое понимание грамматической формы последовательно развивал Ф. Ф. Фортунатов [4]. Аналогичное понимание грамматической формы предложено и Ф. де Соссюром в его широко известном «Курсе общей лингвистики» [5]. Понятие грамматической формы хорошо разработано и последовательно применяется только в морфологии [6], где речь идет о грамматической форме слова. Задача, на наш взгляд, заключается в том, чтобы столь же ясно и последовательно разработать и применить понятие синтаксической формы. Следует сказать, что пока нет синтаксического описания, в основу которого явным образом было бы положено понятие синтаксической формы, хотя многое в этом плане, несомненно, уже сделано [7].

[4] *Фортунатов Ф. Ф.* О преподавании грамматики русского языка в средней школе. — В кн.: Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды. М., 1957. Т. II, с. 446—447.

[5] *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. — В кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Пер. с франц. М., 1977, с. 98—100.

[6] Не лишним будет заметить, что такое авторитетное и развитое направление советской лингвистики, каким является Московская фонологическая школа (МФШ), в стремлении распространить свои фонологические идеи на морфологию опирается именно на фортунатовское определение грамматической (морфологической) формы, см., например: *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.

[7] Ближе всего к построению синтаксиса на основе понятия синтаксической формы стоят последователи МФШ, ср. описание синтаксиса современного русского языка М. В. Пановым в очерке «Русский язык» (см.: Языки народов СССР, т. I. Индоевропейские языки. М., 1966).

Сложное предложение, если иметь в виду только союзный тип, не представляет труда с точки зрения его интерпретации в плане синтаксической формы. Синтаксическое средство связи двух частей в одно сложное предложение — это союзы или союзные слова, в некоторых случаях во взаимодействии с относительными словами. Синтаксическое значение, выражаемое этим синтаксическим средством, — те смысловые отношения, которые устанавливаются между соединяемыми частями. Синтаксическая форма союзного сложного предложения, таким образом, весьма прозрачна. Есть ли своя синтаксическая форма у бессоюзного сложного предложения и в чем ее суть — на это нам предстоит дать ответ.

(2) Анализ грамматической формы в системе предполагает:

(а) установление парадигматических и синтагматических связей данной грамматической формы. В отношении бессоюзного сложного предложения особенно важен парадигматический аспект, поскольку бессоюзное сложное предложение находится в многообразных парадигматических связях с союзным типом сложного предложения. Анализ этих связей — непременная и, как правило, наиболее спорная часть любой концепции бессоюзного сложного предложения. Построение концепции бессоюзного сложного предложения с использованием понятия синтаксической формы также органически включает эту проблему.

(б) обобщение грамматических форм. Обобщения могут быть двух типов. Во-первых, обобщаются синтаксические формы с одинаковым планом содержания, но с различными средствами грамматического выражения этого содержания, пример из морфологии — категория конкретного падежа. Обобщения такого рода имеют место и в описаниях сложного предложения, например, выделение сложноподчиненного предложения с придаточным определительным: определительные придаточные, имея одно значение, могут, как и большинство других типов придаточного, оформляться разными союзными словами — *который*, *когда*, *где* и т. п. Для теории сложного предложения, в том числе и бессоюзного сложного предложения, актуальна задача — уяснить, какие синтаксические значения могут быть обобщены в те или иные категории. Во-вторых, различные и в плане выражения, и в плане содержания грамматические формы обобщаются на том основании, что они могут быть у одной единицы. Пример из морфологии — категория части речи; любая часть речи выделяется по набору грамматических форм; так существительное — это часть речи, имеющая грамматические формы падежа, рода, числа и т. д. Такие типы сложного предложения, как сложносочиненные, сложноподчиненные предложения, также включают ряд грамматических форм, в частности синтаксические формы сочинения, соответственно подчинения и синтаксические формы данного вида смысловых отношений (противительные, изъяснительные и т. п.). Предстоит выяснить, явля-

ется ли бессоюзное сложное предложение категорией, объединяющей ряд форм, как союзное сложное предложение или это категория, формируемая одной единственной формой.

(3) Семантический аспект. (а) Синтаксическая и несинтаксическая семантика. В предложении заключается, как уже сказано, семантика двух принципиально разных свойств, синтаксическая семантика, представляющая собой план содержания синтаксических форм, и несинтаксическая семантика. Между этими двумя типами семантики нет, однако, непроходимой границы: то, что выражается синтаксическими средствами, во многих случаях может быть выражено с помощью лексических и других несинтаксических средств. Например, модальная семантика 'желание' может выражаться формально — сослагательным наклонением: *Я бы пошел гулять* и лексически: *Я хочу погулять*. При анализе семантико-синтаксической структуры бессоюзного сложного предложения это положение приобретает особое значение: та семантика, которая в союзном типе сложного предложения передается союзом (союзным словом), в бессоюзном сложном предложении может выражаться с опорой на лексико-семантическую структуру соединяемых частей.

Описание семантического устройства бессоюзного сложного предложения, как и любого другого предложения, требует, как кажется, с одной стороны, четкого противопоставления синтаксической и несинтаксической семантики [8], а с другой — уяснения их взаимоотношения. Синтаксическая форма, а следовательно, синтаксическая семантика определяет, регулирует лексический состав и лексико-семантическое содержание предложения. Н. Ю. Шведова пишет: «Элементарная грамматическая организация предложения (структурная схема), безотносительно к ее конкретному лексическому наполнению, уже сама по себе является фактором, небезразличным для семантической структуры построенного по этой схеме предложения. Отвлеченные значения компонентов схемы и отношения между ними служат первоосновой семантической структуры предложения, представляя ее в максимально обобщенном виде» [9].

Итак, будем исходить из того, что лексико-семантическая структура предложения регулируется синтаксической формой предложения [10]. В сложном предложении лексико-семантическое

---

[8] Ср., например, последовательное различение формальной и смысловой организации предложения у В. А. Белошапковой (см.: Современный русский язык. М., 1981).

[9] *Шведова Н. Ю.* О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. — В кн.: Славянское языкознание. М., 1973, с. 461. — Следует заметить, что остается дискуссионным вопрос о принципах выделения структурных схем и, следовательно, о грамматическом значении предложения.

[10] Существует и резко отличный от сформулированного здесь подход к анализу семантики предложения. По мнению Г. А. Золотовой, лексико-семантическое содержание предложения не может быть абстрагировано от синтаксической структуры предложения, поскольку они представляют одно целое, а следовательно, и должны изучаться как одно целое (*Золотова Г. А.* Очерк функциональ-

содержание частей задается теми смысловыми отношениями, которые устанавливаются между этими частями и в союзном типе имеют синтаксическое выражение.

(б) Модус и пропозиция (диктум) в семантике предложения. Большое значение для понимания семантической структуры предложения вообще и бессоюзного сложного предложения в частности имеет анализ той семантики, которая связана с ролью в коммуникативном процессе «я» говорящих. После того, как Ш. Балли обнаружил в каждом предложении два слоя семантики, названные им модусом и диктумом [11], эти понятия (в разных направлениях под разными терминами: интенсиональный глагол — интенсиональный объект, иллокутивный глагол—локуция и пр.) прочно вошли в семантический анализ [12]. Пропозиция (диктум) — это то, что сообщается (содержание предложения); модус — это отношение (в широком смысле этого слова) к сообщаемому. Модус и пропозиция могут быть оформлены как разные части одного сложного предложения, классическим примером чего являются сложные предложения с изъяснительными отношениями типа: *Я полагаю, что это неверная мысль* или без союза *Я полагаю: это неверная мысль.*

(в) Эксплицитный и имплицитный смыслы в семантике предложения. Не весь смысл, который передается определенными предложениями в данном коммуникативном акте, обязательно эксплицируется вербальными средствами, в коммуникации возможен вербально не выраженный, имплицитный смысл. Имплицитный смысл обнаруживается путем сравнения некоторых идеальных конструкций, называемых часто глубинными, в которых весь смысл, передаваемый в данной коммуникации, так или иначе записан, с реальными, иначе поверхностными, конструкциями. В качестве идеальных конструкций могут выступать либо искусственные, записанные на определенном метаязыке конструкции, либо некоторый по определенным критериям отобранный набор конструкций естественного языка. Тот смысл, который не вербализуется в реальной поверхностной структуре, но представлен в идеальной глубинной структуре, и может рассматриваться как имплицитный [13]. В организации

ного синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 7—29; *Она же.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982, с. 15—38).

[11] *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. М., 1965, с. 43—44.

[12] Ср., например, как толкуются и используются в семантико-синтаксических описаниях понятия модуса и диктума в таких исследованиях: *Алисова Т. Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971, с. 161—231; *Вежбицка А.* Наброски к русско-семантическому словарю. — Научно-техническая информация. Сер. 2, 1968, № 12; *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976, с. 21—70.

[13] Идеи глубинного и поверхностного синтаксиса развиваются, например, в следующих работах: *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974; *Гак В. Г.* К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация глубинных и поверхностных структур). — В кн.: Инвариантные

семантической структуры бессоюзного сложного предложения имплицитный смысл играет большую роль. Обычной для бессоюзного сложного предложения является такая смысловая связь между частями, которая опосредована имплицитным смыслом, так смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении *Запишу я ее* (машинистки) *телефон*: *диссертацию мне придется печатать* можно интерпретировать на основании такой развернутой (глубинной) структуры: *Запишу я ее телефон, потому что он мне понадобится, когда мне диссертацию печатать придется.* Такая развернутая конструкция позволяет видеть имплицитный опосредующий смысл 'потому что он мне понадобится' в рассматриваемом бессоюзном сложном предложении. Обращение к имплицитному смыслу в семантической структуре бессоюзного сложного предложения позволяет прояснить многие спорные вопросы анализа и вскрыть еще неизвестные стороны семантико-синтаксической структуры бессоюзного сложного предложения.

(г) Логико-семантический аспект значения предложения. В зависимости от того, какое место в общем мыслительном процессе о действительности, конкретной или абстрактной, занимает предложение, Н. Д. Арутюнова выделяет 4 логико-грамматических типа предложения: (1) предложения номинации (наименования) — *Меня зовут Петя*; (2) предложения тождества, лежащие также в основе идентифицирующих отношений, — *Улица, по которой мы сейчас проезжаем, — это именно та улица, по которой мы вчера шли*; (3) бытийные предложения — *В Милане есть оперный театр*; (4) предложения характеризации — *Оперный театр Милана славится первоклассными исполнителями* [14]. Эти отношения выражаются как в простом, так и в сложном предложении. Характеристика семантической структуры бессоюзного (и союзного тоже) сложного предложения существенно зависит от того, какой логико-грамматический тип представлен в данном предложении.

Таковы исходные общетеоретические посылки постановки проблемы бессоюзного сложного предложения. Не менее важно и второе условие для новой постановки старой проблемы бессоюзного сложного предложения — новый материал. Давно стало общим местом утверждение о том, что бессоюзные сложные предложения принадлежат прежде всего разговорной речи. При этом разговорная речь изучалась главным образом на материале ее отражения в языке художественной литературы. И только в последние десятилетия лингвистика обратилась к изучению живой звучащей разговорной речи. Существует ряд направлений в изучении разговорной речи, различных и по определению самого понятия «разговорная речь», и по методике анализа материала. Мы будем ориентироваться на то направление, которое лежит

синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 77—86; *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике. М., 1974.

[14] *Арутюнова Н. Д.* Указ. соч., с. 179—300.

в основе академического исследования «Русская разговорная речь». Как особый объект исследования разговорная речь (далее РР) выделяется по экстралингвистическим признакам и противопоставляется по этим признакам кодифицированному литературному языку (далее КЛЯ). Эти признаки следующие: (1) РР спонтанна, неподготовлена — КЛЯ подготовлен, тексты на нем планируются и обдумываются [15]; (2) РР реализуется только в неофициальной обстановке — КЛЯ рассчитан прежде всего на официальное общение; (3) РР предполагает непосредственное участие говорящих в общении — КЛЯ рассчитан не только на непосредственное, но и в первую очередь на опосредованное общение: письменная речь для того и существует, чтобы отвлечь, отстранить текст от его создателя [16]. РР является литературным языком и имеет тех же носителей, что и КЛЯ.

РР — это, действительно, та сфера, где господствуют бессоюзные сложные предложения. Ценность материала РР для общей концепции бессоюзного сложного предложения заключается в следующем: (1) в РР представлены такие по своей семантико-синтаксической организации бессоюзные сложные предложения, которые неизвестны или мало известны (и потому при исследовании в расчет не принимаются) в КЛЯ; (2) все системные закономерности в организации бессоюзного сложного предложения в РР проявляются много последовательней и ярче, чем в КЛЯ.

Большой массив бессоюзных сложных предложений КЛЯ бытует в текстах, испытывающих явное влияние РР: активны, например, бессоюзные сложные предложения в речи персонажей художественных произведений, когда прямо ставится цель имитации РР. В отношении таких текстов само понятие кодифицированного языка требует специальных оговорок. Кодификация в таких текстах может состоять только в том, чтобы письменными кодифицированными средствами передать некодифицированную живую речь и сделать ее при этом понятной читателю. Эта вторая задача обусловлена тем, что живая разговорная речь часто бывает осмысленной только для говорящих, непосвященным окружающим она оказывается либо вообще непонятной, либо малопонятной. Естественно, что передача РР кодифицирован-

---

[15] На признак неподготовленности РР одной из первых обратила внимание Н. Ю. Шведова, подчеркнувшая, что формы языка в РР «обдуманно не отбираются, а используются естественно и непосредственно в процессе говорения» (*Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, с. 3).

[16] Русская разговорная речь. М., 1973, с. 9. — Ср. иные направления в изучении разговорной речи: *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976; *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974; *Скребнев Ю. М.* Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи. Автореф. докт. дис., М., 1969; Problémy běžne mluveného jazyka, zvláště v ruštiné. — Slavia, 1973, ročn. XLII, № 1, с. 25—43. — На материале других языков наибольшее развитие в последнее время получили исследования немецкой РР (Umgangssprache) на основе идей так называемой Фрейбургской школы, см.: Sprache der Gegenwart, Bd. I. Satz und Wort im heutigen Deutsch. Düsseldorf, 1967; Gesprochene Sprache. Bericht der Forschungsstelle Freiburg. Tübingen, 1975.

ными письменными средствами связана с существенными потерями ее живых специфических черт, почему и можно говорить только об имитации РР в художественной литературе, но, с другой стороны, нельзя не видеть и того, что при имитации сохраняются ее многие некодифицированные особенности, совершенно чуждые строго кодифицированным текстам (научному и др.), и интерпретация этих особенностей в кодифицированной системе затруднена и нецелесообразна.

Итак, выдвигается принципиальное положение: если верно, что множество бессоюзных сложных предложений КЛЯ — это лишь своеобразное отражение, часто неполное и непоследовательное, хорошо развитой системы бессоюзных сложных предложений РР, то без обращения к материалам РР невозможно построить общую непротиворечивую концепцию бессоюзного сложного предложения и невозможно выявить и осмыслить многие закономерности в структуре бессоюзного сложного предложения КЛЯ.

Разговорные бессоюзные сложные предложения будем оформлять при передаче их на письме, так как принято вообще оформлять разговорные тексты в книге-хрестоматии РР [17]: знак // (две косые черты) показывает конец предложения и передает интонацию конца, знак / (одна косая черта) показывает внутреннее интонационное членение предложения — высказывания. В передаче бессоюзных сложных предложений КЛЯ сохраняется, естественно, обычная пунктуация.

Одной из выдвинутых здесь общих посылок исследования является требование анализа бессоюзных сложных предложений в системе с союзными. Такое требование ставит нас перед необходимостью изложить те общие вопросы теории сложного предложения и те вопросы теории союзных сложных предложений, которые необходимы для того, чтобы уяснить место бессоюзных сложных предложений в общей системе сложных предложений.

О понятии сложного предложения

На самом высоком уровне абстракции, когда средства связи в сложном предложении не дифференцируются по своему характеру (союзная или бессоюзная связь) и по своей синтаксической семантике (противительные, изъяснительные и пр. отношения), сложное предложение получает такое определение: это синтаксическая единица, в синтаксической форме которой осуществляется некоторыми синтаксическими средствами (план выражения) смысловая связь предикативных конструкций (план содержания). Предикативная конструкция — это конструкция, в которой тем или иным способом выражены предикативные категории времени и модальности. Синтаксическая форма, по которой осуществляется связь предикативных конструкций, лежит в основе такой структуры, которая может быть оформлена как одно коммуника-

[17] Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978, с. 17—24.

тивное целое — как одно предложение. Это оформление осуществляется интонационно — по определенным интонационным типам. Суть его состоит в том, что последняя предикативная конструкция получает такое же интонационное оформление, какое имеют отдельные однопредикативные (простые) предложения. Другие, не последние предикативные конструкции так или иначе помечены как несамостоятельные в коммуникативном отношении структуры. Главный показатель такой несамостоятельности — интонационный: непоследние предикативные конструкции в сложном предложении оформляются по таким интонационным типам, которые не могут оформлять отдельные предложения. Случаи, когда непоследняя предикативная конструкция оформляется так же, как обычное простое предложение, возможны (а) или тогда, когда коммуникативная несамостоятельность непоследней предикативной конструкции имеет иные, не интонационные, сигналы, или тогда, когда осуществляется парцелляция сложного предложения, ср. *Я никуда не пойду, потому что очень занят — Я никуда не пойду. Потому что очень занят.* Суть парцелляции в том, что одна нейтральная в экспрессивно-стилистическом плане коммуникативная единица интонационно членится для достижения экспрессивно-стилистического эффекта на две [18]. Парцеллированные конструкции, следовательно, вторичны, и возможность парцелляции сложного предложения не колеблет данного сложному предложению определения.

В определении сложного предложения и квалификации его частей нет единства. Предложенное нами определение близко к тому, которое развивается В. А. Белошапковой. В. А. Белошапкова полагает, что в сложном предложении, как и вообще в предожении, соединены два рода структур: статическая структура, представленная предикативными конструкциями, которых в сложном предложении две (и более), и динамическая, коммуникативная структура: сложное предложение — одна динамическая структура [19]. Сравним, с другой стороны, как определяют предложение и высказывание Ф. Данеш и К. Гаузенблас. Предложение — это специфическая грамматическая формация, предназначенная для высказывания и имеющая специфическое грамматическое средство для выражения предикативной актуализации, т. е. для выражения категорий времени и модальности. А высказывание — это формация более высокой степени комплексности, «которая приспособлена для функционирования в качестве самостоятельного коммуниката. . ., эта формация имеет свою звуковую или графическую внешнюю оболочку (делимитационные сигналы и пр.) и организована с учетом тематического построения коммуниката и конституации (т. е. актуального членения); она

[18] О парцелляции см.: *Ванников Ю. В.* Явления парцелляции в современном русском языке. Канд. дис. М., 1965; Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968, с. 277—302.

[19] *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, с. 8—9.

естественно реализована в соответствующей грамматико-лексической конструкции» [20]. В системе таких понятий сложное предложение должно рассматриваться как два (и более) предложения, но одно высказывание.

В обоих случаях — и у В. А. Белошапковой, и у Ф. Данеша и К. Гаузенбласа единство сложного предложения ищется в коммуникативном плане, и различия в определении сложного предложения чисто терминологические: предикативная конструкция = предложению Ф. Данеша и К. Гаузенбласа, а сложное предложение — это высказывание Ф. Данеша и К. Гаузенбласа.

Рассмотрим теперь иную точку зрения, оспаривающую правомерность введения в определение сложного предложения коммуникативного компонента. И. Н. Кручинина полагает, что понимание сложного предложения как двух предикативных конструкций, соединенных в одно коммуникативное целое, является дуалистическим, поскольку сложное предложение «со стороны формы предстает как сочетание предложений, а со стороны функции как одно предложение» [21]. Такое понимание представляется И. Н. Кручининой «наименее убедительным, так как оно исходит из глубокого, по существу, полного разрыва между структурой грамматической единицы и ее употреблением, хотя известна системная предопределенность, взаимосвязь и соотносительность этих двух сторон» [22].

На это можно возразить то, что предикативная конструкция не есть предложение, а если, вслед за Ф. Данешом и К. Гаузенбласом, предикативную конструкцию называть предложением, то их соединение, в соответствии с синтаксическими формами, дает уже не предложение, а высказывание. Отстаивая выдвинутое определение сложного предложения, хотим подчеркнуть еще следующее. Интонационная завершенность всего сложного предложения, а не отдельных его частей не входит в определение грамматической формы сложного предложения. Грамматическая форма сложного предложения включает показатели связи предикативных конструкций, а интонация завершенности только сопровождает грамматическую форму сложного предложения. Именно поэтому так называемые усложненные сложные предложения правомерно рассматривать как соединения нескольких грамматических форм сложного предложения, ср.: *Теперь ясно, что разочарование Петра Ильича в браке с Антониной Ивановной было полным и несомненным: он не нашел в ней Татьяны* (Ю. Нагибин) — *Теперь ясно, что разочарование Петра Ильича в браке с Антониной Ивановной было полным и несомненным* и *Разочарование Петра Ильича в браке с Антониной Ивановной было полным и несомненным: он не нашел в ней Татьяны.*

---

[20] *Данеш Ф., Гаузенблас К.* О семантике основных синтаксических формаций. — В кн.: Грамматическое описание славянских языков. М., 1974, с. 91—92.

[21] *Кручинина И. Н.* Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения. — ВЯ, 1973, № 2, с. 116.

[22] Там же.

Следовательно, определение сложного предложения, построенное на основании понятий структура и ее употребление совсем не дуалистично, наоборот, оно вполне органично: предикативные конструкции соединяются по соответствующей грамматической форме (структура) для того, чтобы стать — в типичных случаях — единицей сообщения (употребления). Вполне возможно, что грамматическую форму, лежащую в основе сложного предложения, не следовало бы называть грамматической формой предложения, а можно было бы назвать более точно: грамматической (синтаксической) формой, соединяющей предикативные конструкции с целью выражения отношений между ними. Не имея, однако, специального, освещенного традицией термина для такой грамматической формы, будем в дальнейшем говорить о синтаксической форме сложного предложения, понимая, что синтаксическая форма еще не предложение. Ничего противоречивого в таком выражении нет, поскольку, повторим еще, синтаксическая форма соединения предикативных конструкций дает единицы, оформляемые как одно предложение. Способы такого оформления предполагают анализ уже других синтаксических форм, изучаемых в сфере коммуникативного синтаксиса. В свете сказанного первоначально предложенное общее определение сложного предложения можно было бы переформулировать так: сложное предложение — это такая синтаксическая единица, в основе которой лежит синтаксическая форма связи предикативных конструкций, соединенная с коммуникативно-синтаксической формой, дающей отдельное высказывание — предложение.

Синтаксические формы сложного предложения с союзами и союзными словами

Союзы (и союзные слова) как синтаксическое средство связи служат для выражения двух типов синтаксических значений, и, следовательно, союз (союзное слово) является средством выражения в двух синтаксических формах: (1) в форме сочинения/подчинения и (2) в той форме, синтаксическим значением которой является тип смысловых отношений, описываемый в терминах — противопоставительные, изъяснительные и т. п. отношения. Рассмотрим эти синтаксические формы.

Сочинение/подчинение в сложном предложении

Один из самых острых и трудных вопросов в существующих концепциях бессоюзного сложного предложения — это вопрос о том, можно ли дифференцировать бессоюзные сложные предложения подобно союзным на сочинительные и подчинительные. Сложность этого вопроса усугубляется тем, что и в союзном типе не вполне ясны основы дифференциации сочинения/подчинения. Что же такое сочинение/подчинение в союзном сложном предложении?

Хорошо известна полемика о сочинении/подчинении в союзном сложном предложении между М. Н. Петерсоном и А. М. Пешковским. М. Н. Петерсон показал, что четкие основания противопоставления сочинения/подчинения не найдены, и пришел к выводу о том, что таких оснований объективно вообще не существует. Камнем преткновения в установлении таких оснований являются сложные предложения с одинаковыми смысловыми отношениями между предикативными конструкциями, но с союзами, традиционно относимыми к разным группам, ср. конструкции со следственными отношениями *У меня много дел в городе, и я не могу ехать на дачу*, где *и* — сочинительный союз, и *У меня много дел в городе, так что я не могу ехать на дачу*, где *так что* — подчинительный союз. Поэтому невозможно, как обычно пытались делать, распределить смысловые отношения в сложном предложении по рубрикам сочинительные и подчинительные [23].

А. М. Пешковский, отметив, что противопоставление сочинения/подчинения настолько очевидно, что принималось «молчаливо и почти без доказательств» [24], поставил перед собой цель найти эти доказательства. А. М. Пешковский противопоставлял союзы по признаку обратимости/необратимости отношений, выражаемых ими. Сочинительными у него названы такие союзы, которые, оставаясь на месте, позволяют менять местами предикативные конструкции в сложном предложении, и при этом смысл не меняется: *Было поздно, и шел дождь — Шел дождь, и было поздно.* На этом основании считается, что сочинительный союз не входит ни в одну из предикативных конструкций, а стоит между ними. Подчинительными названы такие союзы (и союзные слова), при которых менять местами предикативные конструкции, оставляя союз на месте, нельзя, не изменив при этом смысл или вообще не разрушив сложное предложение: *Я увидел, что пошел дождь.* На этом основании считается, что подчинительный союз входит в одну из предикативных конструкций, маркируя ее как придаточную по отношению к главной. Отмечается при этом, что и в сложных предложениях с сочинительными союзами далеко не всегда можно менять местами предикативные конструкции: *Ветер пригнал тучи, и пошел дождь* [25]. Таким образом, суждения А. М. Пешковского сводятся к следующему: обозначая предикативные конструкции сложного предложения А, В, С. . ., а союз х, получаем — если для АхВ есть хотя бы один ВхА = АхВ по смыслу, то х — сочинительный союз, если для АхВ нет ни одного ВхА = АхВ по смыслу, то х — подчинительный союз. Взгляды А. М. Пешковского на дифференциацию сочинительных/подчинительных союзов, по-видимому, нельзя ни принять, ни опровергнуть, поскольку они не доведены до своего логического

---

[23] *Петерсон М. Н.* Очерк синтаксиса русского языка. М.; Пг., 1923, с. 28—35.
[24] *Пешковский А. М.* Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? — В кн.: Пешковский А. М. Избр. труды. М., 1959, с. 132.
[25] Там же, с. 139—140.

завершения. Осталось неопределенным основное — понятие обратимости/необратимости отношений между предикативными конструкциями в союзном сложном предложении. Совершенно очевидно, что между *Он сделал это, чтобы все вышли* и *Все вышли, чтобы он сделал это* нельзя поставить смыслового знака равенства, а между *Язык мой немеет, и взор мой угас* (А. Толстой) и *Взор мой угас, и язык мой немеет* можно, хотя, конечно, А. Толстому было далеко не безразлично, какую предикативную конструкцию поставить на первое место. Но совершенно не очевидно, что имеется в виду, когда, например, утверждается обратимость частей сложного предложения с противительным союзом *но*: *Она, казалось, ждала вопроса, но я молчал, полный неизъяснимого смущения* (М. Лермонтов) — *Я молчал, полный неизъяснимого смущения, но она, казалось, ждала вопроса*[26]. Вполне можно думать, что союз *но* не только взаимопротивопоставляет части (в этом случае обратимость возможна и легка), но и противопоставляет только вторую предикативную конструкцию первой, исходной, которая второй не противопоставлена. Именно такое одностороннее противопоставление, надо думать, имеет место в примере А. М. Пешковского. И в этом плане смысл обращенного предложения А. М. Пешковского нужно трактовать как прямо противоположный первому предложению. Едва ли у А. М. Пешковского можно найти ответ и на вопрос, чем обратимость сложных предложений с союзом *но* отличается от необратимости (по А. М. Пешковскому же) сложноподчиненных предложений с союзом *хотя*: *Светило солнце, хотя шел дождь*, ср. *Шел дождь, хотя светило солнце*. Следует, по-видимому, признать, что для завершенности своих рассуждений А. М. Пешковский должен был бы ответить на вопрос, какие потери смысла не препятствуют тому, чтобы сложное предложение считать обратимым.

Взгляды А. М. Пешковского на проблему сочинения/подчинения в сложном предложении оказали большое влияние на последующую разработку этого вопроса. В. А. Белошапкова считает наиболее плодотворным в этих взглядах подчеркнутый А. М. Пешковским изоморфизм связей сочинения/подчинения в простом и сложном предложении. Но при этом В. А. Белошапкова находит ошибочным положение А. М. Пешковского о том, что сочинительный союз помещается между предикативными конструкциями, считая, что сочинительный союз в этом плане ничем не отличается от подчинительного, т. е. входит в одну из предикативных конструкций. Тем самым, естественно, отрицается и обратимость сложносочиненных предложений[27]. Взамен этого для дифференциации сочинительных/подчинительных союзов предложено следующее. В. А. Белошапкова акцентирует то, на что также обратил внимание и А. М. Пешковский,

[26] Там же, с. 140, 144.
[27] *Белошапкова В. А.* Указ. соч., с. 94—95.

именно: «в сложном предложении могут употребляться союзы двух типов: 1) союзы, которые могут связывать однородные члены предложения (сочинительные), 2) союзы, которые не могут связывать однородные члены предложения (подчинительные)»[28]. По-видимому, это можно понять и так: те союзы, которые есть в простом и сложном предложении, — сочинительные, те, которые есть только в сложном, — подчинительные. Указание на однородность дела не меняет, она здесь понимается как план содержания сочинительного союза, т. е. это просто иное название связи сочинения в простом предложении. Между тем уже А. М. Пешковский показал, что подчинительные союзы возможны и в простом предложении, ср. его пример: *Молодой режиссер Евг. Петров пробует свои силы на труднейшем, потому что новом, мало испытанном в кино материале* (Правда, 25.V—1927)[29]. Правда, сам А. М. Пешковский полагал, что подчинительный союз в простом предложении лишь исключение, подтверждающее правило его невозможности там. Однако многие работы последних лет показывают, что подчинительные союзы в простом предложении не такая уж редкость[30]. И нужно признать, что система языка не запрещает союзам употребляться для связи словоформ. Но дело не только и не столько в этом. Противопоставление союзов по употребительности/неупотребительности в простом предложении ничего не говорит о синтаксическом содержании оппозиции сочинение/подчинение.

Много позднее на те же факты, что и М. Н. Петерсон, при дифференциации сочинения/подчинения в сложном предложении обратил внимание Я. Бауэр, прямо писавший о том, что различие паратактического и гипотактического сложного предложения связано с большими трудностями, «поскольку семантическое деление не всегда совпадает с грамматическим, к тому же в обоих направлениях»[31]. Я. Бауэр стремился выявить соответствия/несоответствия грамматического и семантического в сочинении/подчинении. Надо полагать, что полное и успешное решение таким образом поставленной задачи может быть достигнуто только тогда, когда будет полная ясность в понимании того, как грамматически противопоставлено сочинение и подчинение. Пока такой ясности, как кажется, нет.

Таким образом, можно констатировать, что теоретически безупречных основ дифференциации сочинительных/подчинительных

[28] Там же, с. 93.

[29] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956, с. 468.

[30] См.: *Чередниченко И. Г.* Подчинительные союзы в системе простого предложения. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. Львов, 1949, кн. 2. *Шорина А. И.* К вопросу о роли подчинительных союзов внутри предложения. — Учен. зап. Пермского ун-та, 1966, № 162. Языкознание; *Прияткина А. Ф.* Союзные конструкции в простом предложении. Автореф. докт. дис. М., 1977.

[31] *Bauer J.* Parataxe a hypotaxe při studiu souvětí. — In: Bauer J. Syntactica slavica. Vybrané práce ze slovanske skladby. Universita J. E. Purkyně. Brno, 1972, s. 209.

www.ruslang.ru
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
80859
БИБЛИОТЕКА 17
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
80859

союзов и, соответственно, сочинительных/подчинительных связей нет. И дело обычно сводится к тому, что сочинительные и подчинительные союзы задаются традиционным списком [32].

Тем не менее поиски основ дифференциации сочинительных/подчинительных союзов не кажутся безнадежными, по крайней мере в области простых (*а, если* и под.) и сложных (*потому что* и под.) союзов, составляющих ядро этой служебной части речи. Обращают на себя внимание так называемые усложненные сложные предложения (многопредикативные) с однородным соподчинением придаточных, где встречаются все союзы, сочинительные и подчинительные, что дает возможность их дифференциации на синтагматической основе, ср.: *Ей показалось, что что-то открывается в ней и что она умирает* (Л. Толстой). В этом предложении есть две предикативные единицы — В (*что-то открывается в ней*) и С (*она умирает*), которые связаны одинаковыми союзами *что* (у) с конструкцией А (*ей показалось*) и находятся, следовательно, с ней в одинаковых отношениях; между собой В и С связаны союзом *и* (х). Используя принятые условные обозначения, схему этого предложения можно записать так: А[(уВ) х (уС)].

При этом оказывается, что в этой схеме позиции союзов *х* и *у* противопоставлены в том смысле, что все союзы, употребляющиеся в позиции *х*, не могут быть в позиции *у* и наоборот. Позицию *у* могут занимать не только союзы, но и союзные слова: *Он думал о том, что предстоит ему нынче сделать и что было вчера* (Л. Толстой) [33].

В рассматриваемой схеме могут выступать все союзы и в любой комбинации, но строго дифференцируясь по позициям *х* и *у*, т. е. на месте *х* (разумеется, при соответствующем лексическом наполнении схемы) может выступать любой член ряда $x_1, x_2 \ldots x_n$, а в позиции *у* — любой член ряда $y_1, y_2 \ldots y_n$, независимо от того, какой из *х* употреблен в данной схеме, но никогда *х* не может занять место *у*, а *у* место *х*. Ср.: *Все лицо женщины*

---

[32] См., например: Проспект «Русской грамматики». М., 1972 (ротапринт); *Рогожникова Р. П.* Служебные слова и принципы их лексикографического описания. Докт. дис. М., 1974 (машинопись), в которых дифференциация сочинительных/подчинительных союзов дается как нечто известное.

[33] Как хорошо известно, нормы современного русского языка позволяют союзу в позиции *х* при второй предикативной конструкции не повторяться, но системные отношения допускают восстановление этого союза (союзного слова): *Вы знаете, что без Вас нет ничего в жизни, и страдать с вами для меня лучшее счастье* (Л. Толстой) (. . . и что страдать с вами. . .); *Он остался, потому что был дождь и ему хотелось, чтобы к вечеру просохло* (И. Бунин) (и потому что ему хотелось. . .); *Переизданий не было до сих пор, так как книжка вызвала в литературе порядочный скандал и я был причислен к лику нечестивых* (Н. Заболоцкий) (. . .и так как я был. . .).
Второй союз (или союзное слово) из позиции *х* может быть только функционально однотипен с первым, ср.: [Раскольников] *с любопытством покосился на ситцевую занавеску перед дверью во вторую крошечную комнатку, где стояли старухины постель и комод и куда он еще ни разу не заглядывал* (Ф. Достоевский).

было той особенной белизны, которая бывает на лицах людей, проведших долгое время взаперти, и которая напоминает ростки картофеля в подвале (Л. Толстой); *Федор Логинович Логинов, учитель рисования, красавец-мужчина, кумир уездных дам, пользовался нашей любовью именно потому, что преподавал любезное нашему сердцу рисование, а также потому, что имел порядочный баритон и недурно пел на наших концертах* (Н. Заболоцкий); *Скажите, пожалуйста, и Корнею, что жалованье я ему отдам вперед за два месяца, но что мне не нужно его* (Л. Толстой).

Принципиально важно, что аналогичная синтаксическая схема с позициями для сочинительного и подчинительного союзов есть и в простом предложении, но реализуется она крайне редко: в разговорной речи человека, безупречно владеющего нормами кодифицированного языка, зафиксирован такой пример — *Он у нас хороший, потому что умный и потому что такой, покладистый.*

Письменные примеры такого рода нам неизвестны.

Назовем позиции *x* и *y* в рассмотренной схеме позициями различения сочинительных/подчинительных союзов. Исходя из позиций различения можно дифференцировать сочинительные/подчинительные союзы в любой позиции. Для этого достаточно конструкцию с искомым союзом синтагматически развернуть до появления в ней позиций различения. Пусть предикативная конструкция в сложном или словоформа в простом предложении A связана с предикативной конструкцией или словоформой B союзом *y* — A (yB). *Y* — подчинительный союз, если с A можно связать тем же союзом *y* еще одну синтаксическую единицу C, а B и C можно связать между собой таким союзом *x*, который ни при каких условиях не может занять позицию *y* — A [(yB) x (yC)]: *Он сказал, что идет дождь — Он сказал, что идет дождь и что поэтому мы останемся дома.* Если такое синтагматическое развертывание невозможно, то имеем сочинительный союз. Естественно, сочинительный союз не обязательно определять негативно, и для него можно сформулировать условия развертывания до позиции различения. Союз *но* в конструкции *Светит солнце, но все-таки холодно* является сочинительным и потому, что нельзя ввести еще одну конструкцию с *но*, однофункциональную с имеющейся: **Светит солнце, но все-таки холодно* и *но не хочется идти гулять*, и потому, что можно на основе данной конструкции построить, например, следующую: *Он сказал, что светит солнце, но что все-таки холодно.*

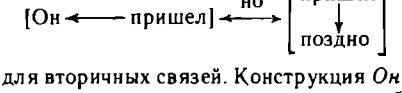
Позиции различения сочинительных/подчинительных союзов ясно показывают, что в плане содержания сочинительные/подчинительные союзы различаются так: сочинительные союзы связывают словоформы, соответственно предикативные конструкции, находящиеся в одинаковых отношениях к другим словоформам, соответственно предикативным конструкциям, а подчинительные союзы связывают такие синтаксические компоненты, которые по отношению друг к другу, и, следовательно, по отно-

шению к другим компонентам данной конструкции находятся не в одинаковых отношениях.

В неусложненных сложносочиненных предложениях одинаковая отнесенность связанных сочинительным союзом конструкций к другой предикативной конструкции — потенциальна. Этой другой конструкции нет, но она всегда может быть, если данное сложносочиненное предложение ввести в состав усложненного сложного предложения с однородными соподчиненными придаточными.

Итак, грамматическая функция, общая для всех подчинительных союзов, — выражение подчиненности одного из связываемых компонентов другому; грамматическая функция, общая для всех сочинительных союзов, — выражение одинаковой отнесенности, в том числе и потенциальной, двух связываемых этим союзом компонентов к третьему [34]. Эти общие грамматические значения союзов слиты с более частными, специфическими для каждого союза грамматическими значениями. С помощью этих последних значений устанавливаются определенные смысловые отношения между соединяемыми компонентами. Для подчинительных союзов частными могут быть, например, значения времени — *когда*, условия — *если*, для сочинительных союзов — значения разделения — *или*, сопоставления — *а* и под. В этом плане среди сочинительных союзов особое место занимает союз *и*. Он может иметь только общую для сочинительных союзов функцию — показывать одинаковую отнесенность двух компонентов к третьему, ср.: *Он сказал, что на улице похолодало и что звонили приятели.* Между придаточными частями в этом предложении нет никаких связей, они соединены союзом *и* только потому, что одинаково относятся к глаголу главной части — *сказал.*

[34] Специального обсуждения требуют структуры типа *Он пришел, но поздно.* С точки зрения А. Ф. Прияткиной, в таких конструкциях «слова, связанные союзом, находятся в отношениях господствующего и зависимого. Союз накладывает как бы новый ярус синтаксических отношений на уже существующую связь», эта союзная связь названа вторичной (*Прияткина А. Ф.* К изучению союзных связей «вторичного» характера. — Учен. зап. Дальневосточного ун-та, 1970, т. XII. Современный русский язык, с. 41). Такая интерпретация представляется спорной по следующим причинам. А. Ф. Прияткина полагает, что в конструкции названного типа союз *но* противопоставляет непосредственно глагол и наречие, однако это едва ли верно: смысл предложения с *но* такой —'не просто пришел, но пришел поздно', т. е. наречие противопоставлено здесь не глаголу, а отсутствию наречия при глаголе первой части, или, что то же самое, действие без признака противопоставлено тому же действию, но с признаком. Эксплицитно такие отношения выражены в конструкции *Он пришел, но пришел поздно* со схемой:

В этой схеме нет места для вторичных связей. Конструкция *Он пришел, но поздно* имеет ту же схему, но с регулярным эллипсисом глагола, подобным тому, который есть, например, в предложениях типа *Я читал книгу, а он газету* (*а он читал газету*). Иными словами, данная конструкция легко сводима к классическому типу сложносочиненного предложения.

Можно поэтому общую для всех сочинительных союзов функцию обозначить как — и-функцию. Тогда грамматические значения других сочинительных союзов могут быть представлены так: *но* = и-функция + противопоставление, *или* = и-функция + разделение и т. д. Следует, по-видимому, различать союз $и_1$, обладающий только и-функцией, и союз $и_2$ = и-функция + соединение, например: *На улице было морозно и безветренно*, где предикативные наречия *морозно* и *безветренно* не только одинаково относятся к обстоятельству *на улице*, но и соединены между собой для общей характеристики погоды.

Можно думать, что к проблеме сочинения/подчинения имеет отношение только и-функция, но не функции противопоставления, разделения и под. Подчинительные союзы лишены в отличие от сочинительных именно и-функции. И если не принимать во внимание и-функции, то вполне можно согласиться с мнением М. Н. Петерсона о том, что сочинение и подчинение как синтаксические типы связи в сложном предложении не различаются.

Следовательно: (1) если сочинение/подчинение в бессоюзном сложном предложении находить и различать в зависимости от такого типа смысловых отношений, как противительные, следственные и т. п., то неизбежна спорность и противоречивость такого подхода; (2) если различать сочинение/подчинение по наличию/отсутствию в отношениях между предикативными конструкциями и-функции, то в бессоюзном сложном предложении необходимо обнаружить те синтаксические средства, которые принимают на себя и-функции или, если таких средств нет, отказаться вообще от поисков сочинения/подчинения. Выбрать нужное решение по вопросу о сочинении/подчинении в бессоюзном сложном предложении мы сможем только тогда, когда обсудим проблему синтаксической формы бессоюзного сложного предложения. Пока же на основе изложенного о сочинении/подчинении можно внести некоторые уточнения в определение границ союзного и бессоюзного типа.

В традиционный список сочинительных союзов обычно включаются противительные *однако* и *зато*. Но эти слова не имеют и-функции: если союз *но* в предложении *Было холодно, но лыжи скользили хорошо* можно поставить в позицию различения союза, развернув предложение, например, таким образом — *Он сказал, что было холодно, но что лыжи скользили хорошо*, то это же предложение с *зато*, *однако* — *Было холодно, зато (однако) лыжи скользили хорошо* не может быть развернуто так, чтобы *зато* или *однако* попало в позицию различения для сочинительного союза **Он сказал, что было холодно, зато что лыжи скользили хорошо.* Здесь не хватает как раз истинного сочинительного союза — слова с и-функцией, ср.: *Он сказал, что было холодно, но что зато лыжи скользили хорошо.* Приведенное преобразование с очевидностью показывает, что слова *зато*, *однако* не занимают позиции сочинительного союза, при них эта позиция всегда свободна и при необходимости занимается сочинительным союзом.

Слова *зато*, *однако* ведут себя в этом отношении так же, как и слова *следовательно*, *поэтому*, которые часто выступают при сочинительных союзах, модифицируя смысловую связь между предикативными конструкциями.

Почему же все-таки *зато* и *однако* считаются сочинительными союзами, а *поэтому* и под. — нет [35]? По-видимому, только потому, что первые регулярней сочетаются с сочинительными союзами, чем вторые. Но это явно недостаточное основание, чтобы причислить то или иное слово к разряду сочинительных союзов. Решающим и единственным критерием здесь целесообразно сделать один — наличие у слов и-функции.

Из этого следует, что предложения со словами *однако*, *зато* и под. должны быть признаны бессоюзными сложными предложениями особой группы — такими, в которых смысловые отношения между предикативными конструкциями эксплицируются специальными словами.

Синтаксические формы, определяющие смысловые отношения между частями сложного предложения с союзами и союзными словами

Синтаксические средства, выражающие синтаксические смысловые отношения между предикативными конструкциями, — это так же, как и при выражении сочинения/подчинения, союзы и союзные слова. Эта синтаксическая форма с большой отчетливостью проявляет себя в сложносочиненном предложении, где синтаксическое значение является в сущности значением союза, ср. традиционно выделяемые соединительные, противительные, разделительные и др. отношения.

В. А. Белошапкова выделяет среди сложносочиненных предложений предложения открытой структуры, когда данный ряд предикативных конструкций может быть потенциально продолжен предикативными конструкциями с тем же союзом, и союз в таких сложносочиненных предложениях является, следовательно, повторяющимся. К открытым структурам относятся перечислительные и разделительные ряды. Закрытые структуры всегда бинарны, ср., например, сложносочиненные предложения с противительными отношениями [36].

Менее прозрачна, чем в сложносочиненных предложениях, синтаксическая форма сложноподчиненных предложений. В логико-грамматической концепции сложного предложения синтаксические значения в сложноподчиненном предложении устанавливаются в зависимости от того, какую функцию выполняет (каким

[35] В «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970) *однако* — союз (с. 673), а *зато* то выводится из состава союзов (с. 676), то снова включается в союзы (с. 723). В проспекте «Русской грамматики» (М., 1972, ротапринт) *зато*, как и *однако*, союзы. В «Русской грамматике» (т. II, М., 1980, с. 629) *зато* и *однако* включены в аналоги союзов.

[36] *Белошапкова В. А.* Указ. соч., с. 62—69.

членом предложения является) в общей структуре предложения то слово, к которому относится придаточная предикативная конструкция, в частности, выделяются придаточные подлежащные — *Тот, кого вы вчера в театре видели, известный ученый*, сказуемостные — *Он тот, кого вы вчера видели в театре*, дополнительные — *Я хочу вас познакомить с тем, кого вы вчера видели в театре.* Совершенно очевидно, что придаточной предикативной конструкции приписываются функции опорного слова и не вскрываются ее собственные функции. А собственные функции придаточных предикативных конструкций в приведенных предложениях одинаковые — конкретизация местоименного опорного слова главной предикативной конструкции. В пришедшем на смену логико-грамматическому структурно-семантический подход представляет значительный шаг вперед в понимании синтаксической формы сложноподчиненного предложения. Согласно структурно-семантической концепции все сложноподчиненные предложения по содержанию делятся на два больших класса: нерасчлененных (одночленных) и расчлененных (двухчленных). Считается, что в одночленных структурах придаточная предикативная конструкция связана с опорным словом главной предикативной конструкции, и эта связь предопределяется лексико-морфологическими характеристиками опорного слова, а в двучленных структурах придаточная предикативная конструкция относится ко всей главной предикативной конструкции, и связь эта прямым образом не обусловлена лексико-морфологическими характеристиками какого-то одного слова главной части [37]. Ничто, однако, не мешает придаточную предикативную конструкцию в расчлененных предложениях типа *Я расстроился, потому что сорвалась интересная экскурсия* отнести к глаголу-предикату — *расстроился* почему? — *потому что сорвалась интересная экскурсия*. Поэтому В. А. Белошапкова [38] со ссылкой на Е. Куриловича [39] специально подчеркивает, что отнесенность придаточной части ко всей главной — это практически отнесенность к предикату главной части, который представляет внешние синтаксические связи всего предложения (всей главной предикативной конструкции).

Как кажется, не всегда можно разграничить нерасчлененность/расчлененность и на основе признака соответственно обязательность/необязательность придаточной части. С. Жажа показал, что в расчлененных по структурно-семантической классификации конструкциях придаточная часть может насыщать обязательную валентность глагола, т. е. является строго необ-

---

[37] *Поспелов Н. С.* О грамматической природе сложного предложения. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 321—337. См. также: *Крючков С. Е., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1969, с. 28—31.

[38] *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 219—222.

[39] *Курилович Е.* Основные структуры языка: словосочетание и предложение. — В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

ходимой в структуре; пример С. Жажи: *Это случилось, когда началась война* [40].

Таким образом, хотя оппозиция нерасчлененные/расчлененные структуры утвердилась в структурно-семантической концепции, абсолютно непротиворечивых оснований этой оппозиции не найдено.

Важным положением структурно-семантической концепции сложного предложения является выделение среди одночленных сложноподчиненных предложений особого класса — местоименно-соотносительного. Именно в этот класс включаются как одно целое выделяемые в логико-грамматической классификации подлежащные, сказуемные и отчасти дополнительные сложноподчиненные предложения. Однако границы этого класса оказываются не вполне ясными. Включение в данный класс фразеологизированных, по терминологии В. А. Белошапковой, предложений типа *Он спал так крепко, что ничего не слышал* [41] представляется полемичным, поскольку трудно обнаружить что-либо общее в синтаксическом значении этих предложений с другими предложениями местоименно-соотносительного типа, такими, как *Я тот, с кем вы разговаривали по телефону.* По-видимому, единство местоименно-соотносительного класса обнаруживается только в плане выражения, а с точки зрения синтаксической формы как единства значения и средства его выражения этот класс разнороден. Таким образом остается актуальным вопрос о синтаксическом значении сложноподчиненного предложения и о систематизации синтаксических форм.

Можно попытаться выявить сложноподчиненные предложения с однородными синтаксическими значениями одним известным по работам представителей МФШ способом. Его суть в том, что единицы с одинаковым синтаксическим значением могут быть соединены союзом *и*, который в языке вообще специализируется на соединении однородных в том или ином отношении единиц. Этим приемом пользовался Р. И. Аванесов для отождествления второстепенных членов предложения. Он писал: «Сочинительная связь между соподчиненными членами предложения, выраженными разными морфологическими категориями, является формально-грамматическим признаком тождественности их синтаксических функций [42], ср.: *Он пишет чисто и без ошибок. Он преподает интересно и с увлечением.* Много позднее аналогичным образом отождествлялись члены предложения М. В. Пановым.

[40] *Жажа С.* К типам сложноподчиненного предложения. — In: Sb. praci filos. fak. Brněnske univ. Ř. jazykovědná, 1971, No A 19.

[41] Л. Ю. Максимов говорит о контаминированном (местоименно-соотносительный тип и расчлененный тип) характере подобных структур (*Максимов Л. Ю.* Сложноподчиненные местоименно-соотносительные предложения и их место в классификации нерасчлененных предложений. — Учен. зап. МГПИ, 1970, т. 332. Современный русский язык, с. 152—156).

[42] *Аванесов Р. И.* Второстепенные члены предложения как грамматические категории. — РЯШ, 1936, № 4, с. 58.

Вот характерное для М. В. Панова определение члена предложения: «Прилагательные, причастия, слова *его*, *ее*, *их*, а также существительные, наречия и деепричастия, которые могут соединяться сочинительной связью с прилагательными или причастиями, объединяются при существительных в класс определений» [43].

Как показали проведенные в последние годы исследования «соединительных» возможностей союза *и*, этот прием требует известной осторожности. Дело в том, что союз *и* может соединять не только компоненты с одинаковым синтаксическим значением, хотя в любом случае соединяемые компоненты имеют что-то общее. В. З. Санников различает сочинительные конструкции с функционально однородными компонентами и сочинительные конструкции с разнофункциональными компонентами, объединенными на следующих основаниях: (а) вопросительность — *Кто и что говорил?*; (б) всеобщность — *В этой стране все и всем недовольны*; (в) отрицательность — *Никогда и никому не завидуй*; (г) неопределенность — *Мы все учились понемногу. Чему-нибудь и как-нибудь* (А. Пушкин); (д) указательность — *Нет, задохнешься в такой стране и в такое время* (М. Булгаков); (е) лексическая однородность — *Я говорю с лингвистом и о лингвисте*; (ж) коммуникативная сочинительность — *Меня интересует не кто, а куда пошел* [44].

Данный перечень сочинительных конструкций является исчерпывающим. Поэтому, если, руководствуясь данным списком, исключить разнофункциональные соединения, можно, ориентируясь на однофункциональные соединения, установить набор тех или иных синтаксических форм с одинаковым синтаксическим значением. Разные синтаксические значения имеют те синтаксические формы, которые нельзя соединить союзом *и* в одной конструкции. По отношению к сложноподчиненному предложению дело обстоит совсем просто: по-видимому, союзом *и* могут соединяться только такие придаточные части, которые находятся в одинаковых смысловых отношениях с главной частью, т. е. в одно сложное предложение союз *и* соединяет синтаксические формы с одним синтаксическим значением. Поэтому об одном синтаксическом значении сложноподчиненных предложений *Я сказал, что он пришел* и *Я сказал, зачем он пришел* можно говорить потому, что возможно *Я сказал, что он пришел и зачем он пришел.* С этой точки зрения явно выделяется класс обстоятельственных сложноподчиненных предложений, потому что вполне возможны такие, например, предложения: *Я приеду, когда хочу, куда хочу и потому что хочу.* В класс обстоятельственных иногда включают предложения меры и степени (фразеологизированный местоименно-соотносительный тип в классификации В. А. Белошапковой) и сравнительные [45]. Проверка на союз *и* ясно показывает,

[43] См.: Языки народов СССР, т. I. Индоевропейские языки, с. 105.

[44] *Санников В. З.* О типах русских сочинительных конструкций. — In: Russian linguistics, 1980, 4, с. 235—247.

[45] Русский язык. Учебник для VII—VIII классов. 4-е изд., перераб. М., 1976, с. 182.

что придаточные таких предложений не могут сочетаться с придаточными обстоятельственных значений (временными, причинными и т. п.), не могут они сочетаться и между собой. Не подтверждает проверка на союз *и* и включение фразеологизированного местоименно-соотносительного типа в один класс с другими местоименно-соотносительными предложениями. Поэтому сложноподчиненные предложения меры и степени и сравнительные — это самостоятельные типы предложения.

В соответствии с выдвинутыми принципами определения и систематизации синтаксических форм сложноподчиненного предложения должны быть выделены два следующих типа сложноподчиненного предложения — определительные с союзным словом *который* и др. и местоименно-соотносительные с союзными словами *кто*, *что* при соотносительных словах в главной части *тот*, *та*, *то* и пр. Однако, как показали А. А. Зализняк и Е. В. Падучева, синтаксическое значение таких предложений одинаковое — оно может характеризоваться как определительное. А. А. Зализняк и Е. В. Падучева рассматривают общеязыковую типологию относительных предложений. В основе типологии лежит четко сформулированное понятие смысла, выражаемого данным типом предложения, — понятие глубинной структуры этого предложения. «В глубинной структуре различаются 1-е исходное предложение и 2-е исходное предложение. В первом исходном предложении выделено существительное (или, в общем случае, именная группа) C_1, для которого во втором имеется дублер C_2, т. е. существительное (или именная группа), которое входит в анафорическую связь с существительным или именной группой из первого предложения» [46]. Все реальные относительные предложения представлены как некоторые преобразования данной глубинной структуры. Различаются два больших класса: основной, где хотя бы один член пары C_1—C_2 сохранен: *Вот дом* (C_1), *в котором мы жили* и бессубстантивный, где C_1 и C_2 подверглись устранению, т. е. заменены местоимениями или просто уничтожены: *Я не знаю того, о ком вы говорите; Что посеешь, то и пожнешь; Бери, что понравится.* Особо подчеркивается, что предложение бессубстантивного класса может быть построено только в том частном случае, когда в глубинной структуре в качестве C_1 и C_2 выступают слова со столь обобщенным значением (*предмет, человек, место, время, способ* и т. д.), что «существуют особые субстантивные местоимения (или местоименные наречия); равнозначны сочетаниям таких слов с различными адъективными местоимениями, например: *тот предмет — то; какой-то человек — кто; некоторый человек — некто; в том месте — там; во всякое время — всегда*» [47].

Таким образом, несоединимость союзом *и* данных придаточных

[46] *Зализняк А. А., Падучева Е. В.* К типологии относительного предложения. — В кн.: Семиотика и информатика. М., 1975. Вып. 6, с. 62.
[47] Там же, с. 66.

имеет препятствие только в плане выражения: одни средства — союзное слово *который* — сочетаются только с существительными, другие — союзные слова *кто*, *что* — только с заместителями существительных. В целом здесь действуют такие же закономерности, что и в случаях позиционных чередований в фонетике: если существительное заменить местоимением, то союзное слово *который* всегда заменяется союзными словами типа *кто*, *что* и под.

Следовательно, имея на первом этапе набор синтаксических форм, выдержавших проверку на несочетаемость союзом *и*, на втором этапе необходимо установить, нет ли среди конструкций, в основе которых лежат выявленные формы, таких, которые вступают в отношения, аналогичные позиционным чередованиям. В конструкциях, вступающих в такие отношения, следует признать синтаксические формы с одним синтаксическим значением.

Названные приемы позволяют выявить сложноподчиненные предложения с разными средствами связи, но с одним синтаксическим значением. Назовем группы таких предложений типом сложноподчиненного предложения. Средства связи, используемые в одном типе, могут быть упорядочены. Это упорядочивание предполагает противопоставление первичных и вторичных для данного типа союзов и союзных слов. Первичные и вторичные для данного функционального типа союзы и союзные слова можно дифференцировать, как кажется, по признаку общности/конкретности их значения. Первичный союз (союзное слово) является в данном типе более общим по значению.

В разных типах эта общность/конкретность значения может иметь свою специфику проявления. В присубстантивных определительных сложноподчиненных предложениях первичными являются союзные слова *который*, *какой*, имеющие в силу общности своего значения неограниченную сочетаемость, вторичными являются *где*, *когда* и др., сочетающиеся в силу конкретности своего значения только с существительными ограниченной семантики, соответственно с существительными, называющими место, время и т. д. Вторичные союзные слова в этом типе допускают замену на первичные, ср.: *Место, где мы остановились...* — *Место, в котором мы остановились...* В изъяснительном типе первичным является союз *что*, вторичными союзные слова — *где*, *когда* и под. Большая конкретность значения вторичных слов здесь доказывается тем, что в сложноподчиненных предложениях с ними с необходимостью мыслится и значение, выражаемое первичным союзом, ср.: *Он сказал, когда начинается лекция* по смыслу равно '*он сказал, что начинается лекция + когда начинается лекция*' [48].

[48] Признак общности/конкретности значения — это тот же признак, который использовал Е. Курилович в своей широко известной классификации падежей, центральное место в которой занимает выделение у падежей первичных и вторичных значений — см.: *Курилович Е.* Проблема классификации падежей. — В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 182—188.

Все типы сложноподчиненного предложения различны по первичным средствам связи, например, для определительных предложений первичны союзные слова *который*, *какой* и вторичны *где*, *куда* и под., для изъяснительных предложений первичен союз *что* и вторичны союзные слова *где*, *куда* и под., для обстоятельственных первичны *где*, *куда* и под., а вторичных средств связи у них нет.

Итак, мы попытались определить синтаксическую форму союзного типа. Теперь мы имеем все необходимые предварительные сведения для анализа собственно бессоюзного сложного предложения. Целесообразно этот анализ начать с некоторых важных моментов в истории изучения бессоюзного сложного предложения.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БЕССОЮЗНОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

История изучения бессоюзного сложного предложения, богатая кардинальными поворотами в решении основного вопроса — о синтаксическом статусе бессоюзного сложного предложения, весьма поучительна.

Все многообразие взглядов на синтаксическую природу бессоюзного сложного предложения можно привести в некоторую систему, если пропустить эти взгляды сквозь призму понятия синтаксической формы как единства синтаксического значения и средства его выражения.

Концепция бессоюзного сложного предложения А. М. Пешковского

Первым в русской лингвистике теоретическое осмысление бессоюзного сложного предложения дал А. М. Пешковский. Он полагал, что в бессоюзном сложном предложении интонация (определенные ее характеристики) может принимать на себя те функции, которые в союзном типе выполняют союзы (или союзные слова) [1].

В плане понятия синтаксической формы это означает, что бессоюзные сложные предложения отличаются от союзных только синтаксическим средством, но не значением. Такой подход к бессоюзному сложному предложению является частным случаем общей лингвистической идеи А. М. Пешковского, известной в науке под названием компенсационного закона А. М. Пешковского [2]. Т. М. Николаева, специально анализировавшая компенсационный закон А. М. Пешковского, дает ему такую формулировку: «Языковые средства, служащие формальным способом выражения той или иной языковой категории, могут разным образом комбинироваться, будучи в самом языке распределенными по степени эффективности выражения. Отсутствие в реальной речи одного из более действенных средств вызывает усиление того же формального качества в наличествующих остальных средствах выражения той же грамматической категории. Так, интонация и порядок

[1] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956, с. 470—472.

[2] Там же, с. 48—50.

слов суть вспомогательные средства, компенсирующие основные, синтаксические средства»[3].

Сложное предложение (сложное целое — в терминологии А. М. Пешковского) определяется в рассматриваемой концепции как «сочетание предложений», соединенных союзами, союзными словами или союзными синтаксическими паузами и не разделенных разделительными синтаксическими паузами»[4]. В соответствии с компенсационным законом при отсутствующем союзе (союзном слове) на первый план выступает интонация — соединительная союзная пауза. Является вопрос: можно ли и при отсутствии союза, когда связь выражена только интонацией, различать подчинение? «Здесь все зависит, — пишет А. М. Пешковский, — от того, насколько значение той или иной интонации тождественно со значением той или иной группы союзов. В случае тождества мы можем смотреть на такую интонацию как на грамматический показатель отношения между предложениями и различать по значениям интонаций и по их аналогии с союзами те же две рубрики сочинения и подчинения. Фактически в языке имеется ряд интонаций, абсолютно тождественных с отдельными группами союзов»[5]. К числу таких интонаций А. М. Пешковский относит, например, объяснительную в предложениях типа *Сержусь-то я на самого себя: сам кругом виноват* (А. Пушкин), при этом утверждается, что такая интонация «совершенно тождественна по значению с причинными союзами (*потому что, так как* и т. д.) и является в сущности их заместительницей[6]. Таким образом, А. М. Пешковский был вполне последователен: признав, что интонация замещает союзы определенных значений, он признал дифференциацию бессоюзных сложных предложений на сочинительные/подчинительные в зависимости от того, какой союз — сочинительный или подчинительный замещает интонация. Следует подчеркнуть, что А. М. Пешковский вполне понимал те трудности, которые связаны с непротиворечивой реализацией предложенного им подхода. Так, А. М. Пешковский специально отмечает, что интонация, дифференцируя сочинение/подчинение, не может показать при подчинении, какая часть является подчиненной, потому что «интонация — не такой показатель, который локализуется в определенных пунктах, каждая интонационная фигура обтекает обычно все сложное целое»[7]. Поэтому определить подчиненную часть можно только путем предположительной вставки союза, следовательно, подчиненная часть выделяется уже не на грамматической основе, т. е. ее обозначение не заложено в синтаксической форме бессоюзного сложного предложения. Еще большие трудности дают для концепции А. М. Пешковского

[3] *Николаева Т. М.* Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969, с. 19—20.
[4] *Пешковский А. М.* Указ. соч., с. 459.
[5] Там же, с. 470.
[6] Там же.
[7] Там же, с. 471.

примеры, в которых, как опять-таки отмечает сам же А. М. Пешковский, одна и та же интонация может соответствовать как сочинительным, так и подчинительным отношениям. «Интонация, например, простого повышения голоса, — отмечает А. М. Пешковский, — встречается и в соответствии с подчинительными союзами (*назвался груздем — полезай в кузов* обычно приравнивается к условному союзу: *если назвался груздем*, и т. д.) и в соответствии с сочинительными, именно противительными (*семь раз примерь, один раз отрежь; собака лает, ветер носит*). Есть ли между теми и другими случаями какая-нибудь интонационная разница, сказать пока затруднительно... Но во всяком случае разбить эти сочетания при современном состоянии вопроса на сочиненные и подчиненные было бы рискованно, и мы предпочитаем отнести их к недифференцированным в этом отношении сложным целым»[8] (выд. — А. М. Пешковским). Остается не вполне ясным, что имеется в виду под понятием недифференцированности. Недифференцированным можно назвать компонент, который входит в систему некоторых других компонентов. Пусть, например, есть компонент M с признаками *a*, *b* и компонент N с признаками *a*, *c*; признак *a* показывает общую основу компонентов M и N, признаки *b* и *c* противопоставляют компоненты. Тогда недифференцированным можно в системе компонентов M и N назвать компонент P с признаками *a*, *b*, *c*. Компонент P в системе компонентов M и N — особый компонент. Если обратиться к определению грамматических форм сочинения/подчинения как форм, показывающих одинаковое/неодинаковое отношение к третьей форме, то делается очевидным, что в этой системе не может быть члена типа P, потому что очевидно, что совместить в одной единице одинаковое и неодинаковое отношение как явно взаимоисключающие друг друга отношения просто невозможно. По-видимому, не исключено и иное толкование понятия недифференцированности. Пусть, например, есть компоненты: M с признаками *a*, *b*, N с признаками *a*, *c* и компонент P с признаком *a* (без признаков *b* и *c*). Если такой компонент P в системе компонентов (о системности отношений свидетельствует признак *a*) M и N толковать как недифференцированный, то по отношению к сочинению/подчинению в бессоюзном сложном предложении такое толкование возможно. Оно означает, что противопоставление по сочинению/подчинению в данном типе просто снято. И тогда в предложениях с недифференцированными в плане сочинения/подчинения отношениях не следует вообще искать грамматических форм сочинения/подчинения. Понятие недифференцированности означает тогда то, что данный тип входит в систему типов, в которых сочинение/подчинение дифференцировано.

Синтаксисты, разделяющие положение А. М. Пешковского о различии сочинения/подчинения в бессоюзном сложном пред-

[8] Там же.

ложении, также не проясняют характеристик того типа, который А. М. Пешковский назвал недифференцированным по сочинению/подчинению. А. Г. Руднев говорит в этом случае о переходной от сочинения к подчинению группе бессоюзных сложных предложений. Он пишет: «Среди сложных предложений, так же как и среди других грамматических категорий (ср., например, переходные случаи второстепенных членов предложения или частей речи), мы встречаемся с переходными случаями, когда мы имеем столько же оснований отнести то или иное сложное предложение к сложносочиненным, сколько и к сложноподчиненным конструкциям. Такого рода сложные предложения мы склонны рассматривать как «переходные случаи бессоюзных сложных предложений» без дифференциации на сочинение и подчинение» [9]. Такое толкование переходности, на наш взгляд, не означает ничего, кроме следующего: предложенная концепция описания объекта охватывает не весь объект, часть объекта оказывается просто неохарактеризованной.

Иной путь преодоления противоречий концепции А. М. Пешковского предложен С. Г. Ильенко. С. Г. Ильенко различает союзное и интонационное сочинение/подчинение и характеризует их как некоторые самостоятельные категории [10]. Такое решение неизбежно ставит вопрос о том, почему эти разные или во всяком случае несовпадающие категории характеризуются в содержательном плане одним и тем же термином сочинение/подчинение. Как кажется, достаточно определенного ответа на этот вопрос не существует.

Концепция бессоюзного сложного предложения Н. С. Поспелова

Неясные положения концепции А. М. Пешковского, и прежде всего решение вопроса о сочинении/подчинении в бессоюзном сложном предложении, дали импульс к созданию принципиально новой теории бессоюзного сложного предложения, в становлении которой ведущая роль принадлежит Н. С. Поспелову.

Основное, что отличает концепцию бессоюзного сложного предложения Н. С. Поспелова, — это полное переосмысление, по сравнению с концепцией А. М. Пешковского, системных взаимосвязей союзного и бессоюзного сложного предложения. В концепции Н. С. Поспелова бессоюзное сложное предложение предстает как некоторая достаточно изолированная часть системы, не опирающаяся на систему союзного сложного предложения. Выражаясь более современным языком, можно сказать: Н. С. Пос-

---

[9] *Руднев А. Г.* Синтаксис современного русского языка. М., 1963, с. 337.

[10] *Ильенко С. Г.* Бессоюзные предложения в русском языке. Л., 1961. — Аналогичная точка зрения была позднее развита в работе: *Вальтер Д. Я.* К вопросу о бессоюзных сложных предложениях. — Науч. докл. высшей школы. Филол. науки, 1964, № 2.

пелов вывел бессоюзное сложное предложение из парадигмы с союзным типом.

Как и А. М. Пешковский, Н. С. Поспелов полагает, что интонация принимает участие в оформлении бессоюзного сложного предложения. «Бессоюзными сложными предложениями, — пишет он, — оказываются такие сложные предложения, части которых, оформленные грамматически как предложения, объединяются в одно целое не при помощи союзов или относительных слов, а непосредственно взаимосвязанностью содержания входящих в их состав предложений, что и выражается теми или иными морфологическими и ритмико-интонационными средствами»[11] (разрядка наша. — *Е. Ш.*). За ритмико-интонационными средствами выражения Н. С. Поспелов признал, так же как и А. М. Пешковский, способность различать подобно союзам и союзным словам смысловые отношения между предикативными конструкциями. В отличие же от А. М. Пешковского Н. С. Поспелов считает, что тот или иной интонационный тип по выражаемому им значению не равен значению определенного союза или союзного слова, а передает некоторое особое значение. Это положение предопределило другое. Поскольку сочинение/подчинение дифференцируется соответственно сочинительными/подчинительными союзами, а смысловые отношения, выражаемые разными интонационными типами, не соответствуют союзным, в бессоюзном сложном предложении противопоставление сочинительной/подчинительной связи снято[12].

Вводится другое противопоставление бессоюзных сложных предложений — однородного и неоднородного состава. Однородность/неоднородность состава и сочинение/подчинение — понятия принципиально разные. Сочинение/подчинение находит выражение в грамматической форме, однородность/неоднородность состава — это не грамматические категории, они устанавливаются не на формальных, а на логико-семантических основаниях. «Бессоюзные сложные предложения однородного состава, — пишет Н. С. Поспелов, — представляют собою двучленные, трехчленные и многочленные сочетания однородных по синтаксическому значению предложений, потерявших свою коммуникативную самостоятельность как отдельные единицы сообщения и объединенных без союзов цельностью выражаемой в них сложной мысли и единством присущего им синтаксического значения однородности, т. е. одинакового отношения к тому целому, которое они выражают»[13]. Явная логико-семантическая основа лежит в определении бессоюзного сложного предложения неоднородного состава. Это предложения, которые «выражают ту или иную

[11] *Поспелов Н. С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 343.

[12] Там же, с. 343. — Аналогичное мнение было высказано и В. В. Виноградовым в кн.: Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. I. М., 1960, с. 100—103.

[13] *Поспелов Н. С.* Указ. соч., с. 344.

зависимость друг от друга составляющих их предложений: обусловленность последующего предшествующим, обоснование последующего предшествующим или раскрытие в последующем какого-либо предшествующего содержания» [14]. И только разновидности предложений однородного или неоднородного состава получают собственно грамматические, т. е. интонационно-ритмические, характеристики. Так среди бессоюзных сложных предложений однородного состава выделяются два типа двучленных предложений: со значением противопоставления, в которых имеются равносильные логические ударения на синтаксически однородных словах; первая из противополагаемых частей таких предложений произносится с некоторым повышением тона, вторая — с соответствующим понижением: *Ты богат, я очень беден; Ты прозаик, я поэт* (А. Пушкин) и со значением действия и его результата, в которых первая часть произносится с небольшим понижением тона и интонационно соответствует второй части, которая произносится после небольшой паузы с более значительным понижением тона: *Сыр выпал — с ним была плутовка такова* (И. Крылов) [15]. Среди бессоюзных сложных предложений неоднородного состава выделяются три основные группы [16]: одни из них имеют значение обусловленности и характеризуются интонацией повышения—понижения (например, *Не хочешь — не ходи*); другие имеют общее значение пояснения, выражая какое-либо обоснование, указывают причину или следствие чего-либо и произносятся с понижением тона в конце первой части (например: *Я не пойду: некогда; Подул ветер — будет дождь*); в-третьих, самое содержание высказываемого раскрывается во второй части, так что первая часть получает только предварительный, обрамляющий характер и произносится с предупредительной интонацией (например, *Вижу: лес кончился; оглядываюсь: никого нет*).

Итак, у Н. С. Поспелова бессоюзное сложное предложение представлено как синтаксическая форма со своим планом выражения (ритмико-интонационные характеристики) и своим планом содержания; синтаксические формы бессоюзных сложных предложений обобщаются в типы с однородным/неоднородным содержанием, но делается это уже не на формальной, а на логико-семантической основе. Концепция бессоюзного сложного предложения Н. С. Поспелова отличается внутренней непротиворечивостью и лишена неясностей, отмеченных в концепции А. М. Пешковского.

---

[14] Там же, с. 347.
[15] Там же, с. 346—347.
[16] Там же, с. 348.

Существует ли бессоюзное сложное предложение?

Специальные исследования последних лет по интонации бессоюзного сложного предложения поставили под сомнение способность интонации так дифференцировать смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении, как это делают союзы или союзные слова или подобным образом. Тщательные экспериментальные исследования интонации сложного предложения провела Т. М. Николаева и обнаружила, что в бессоюзном сложном предложении «совпали мелодические рисунки предложений, синтаксически различных — с разными типами придаточного предложения» [17].

Несколько ранее к аналогичному заключению пришел, используя собственное слуховое восприятие интонации, М. Кубик. Во-первых, М. Кубик показал, что во многих случаях бессоюзные конструкции, не отличающиеся (или почти не отличающиеся) друг от друга по интонации, могут быть истолкованы и как сложносочиненные, и как сложноподчиненные. Приведены следующие примеры таких конструкций: *Ты ко мне придешь, мы обо всем договоримся → Ты ко мне придешь, и мы обо всем договоримся* и *К о г д а ты ко мне придешь, мы обо всем договоримся; Я ему говорил, он не обращал внимания → Я ему говорил, а (н о) он не обращал внимания* и *Е с л и я ему говорил, он не обращал внимания; Попробуй сам сделать это — поймешь, как это трудно → Попробуй сам сделать это, и поймешь, как это трудно* и *К о г д а (е с л и) попробуешь сам сделать это, то поймешь, как это трудно; Прошел месяц — письма не было → Прошел месяц, н о письма не было* и *Х о т я прошел месяц, письма не было* [18]. Во-вторых, М. Кубик показал, что одинаково интонируются конструкции с разными отношениями: противопоставительными, условными, временными, условно-временными: *Вы уйдете — мы останемся* (*Вы уйдете, а мы останемся*); *Банка лопнет — масло разольется* (*Если банка лопнет, масло разольется*); *Будешь задерживаться на работе, звони мне по телефону* (*Если будешь задерживаться на работе, звони мне по телефону*); *Настанет утро — двинемся в путь* (*Когда настанет утро, двинемся в путь*). *Увидишься с братом — передай ему это письмо* [19]. На основе этих наблюдений М. Кубик сделал весьма осторожный вывод, суть которого такова: «Язык не располагает таким количеством интонаций, чтобы их посредством можно было выразить все многообразные отношения, возникающие между частями в бессоюзных конструкциях. Даже основное разграничение бессоюзных кон-

[17] *Николаева Т. М.* Указ. соч., с. 236—237.
[18] *Кубик М.* Условные конструкции и система сложного предложения. Praha, 1967, с. 64.
[19] Там же, с. 64—65.

струкций на сочинительные и подчинительные связано с затруднениями, если оно проводится только по интонационному признаку. Все это говорит о том, что интонация может служить не основным, а только вспомогательным средством для разграничения бессоюзных конструкций» [20].

Такое положение дел побудило исследователей, в целом разделяющих концепцию Н. С. Поспелова о бессоюзных сложных предложениях как некоторой относительно независимой от союзного сложного предложения системы, искать на место интонационных другие синтаксические средства. Заслуживает внимания попытка С. И. Дорошенко сформулировать понятие грамматизированных средств. С. И. Дорошенко пишет: «В зависимости от грамматической природы средства синтаксической связи следует разделить на две группы. Одна включает средства грамматические. Это — союзы и союзные слова, оформляющие сочинительную и подчинительную связь. Другую составляют грамматизированные средства: взаиморасположение частей, отношение видо-временных форм и форм наклонений глаголов-сказуемых, лексические элементы на стыке частей, интонация. В союзных предложениях грамматическая связь между предикативными частями воплощается союзами и союзными словами. Грамматизированные средства связи выступают в них в качестве сопровождающих. В бессоюзных же предложениях грамматическая связь опирается на с о в о к у п н о с т ь грамматизированных средств как основных конструктивных единиц синтаксического объединения частей» [21] (разрядка наша. — *Е. Ш.*). Опора на грамматизированные синтаксические средства позволила С. И. Дорошенко уточнить классификацию смысловых типов бессоюзного сложного предложения. Все бессоюзные сложные предложения делятся на предложения с однофункциональными частями (предложения с перечислительной семантикой) и предложения с разнофункциональными частями, подразделяемые в свою очередь на три группы: предложения с сопоставительно-противительным значением, предложения с пояснительным значением и предложения с отношением детерминации [22].

Наблюдения над грамматизированными средствами в разных типах бессоюзного сложного предложения, несомненно, важны и полезны. Но кажется все же неверным думать, что эти средства могут выразить сами, так сказать, без посторонней помощи смысловые отношения между предикативными конструкциями в бессоюзном сложном предложении. Можно привести немало примеров, в которых все грамматизированные показатели будут одинаковы, а отношения совершенно различны, ср.: *Я ходил на*

[20] Там же, с. 65.
[21] *Дорошенко С. И.* Бессоюзные сложные синтаксические конструкции в современном украинском языке. Автореф. докт. дис. Киев, 1981, с. 10—11.
[22] Там же, с. 45.

лыжах/ она меня уговорила// — отношения причинные ('я ходил на лыжах потому, что она меня уговорила') и *Я ходил на лыжах/ она дома сидела//* — отношения сопоставительные ('я ходил на лыжах, а она дома сидела'). Грамматизированные средства (включая и интонацию) в этих предложениях идентичны, различие отношений определяется исключительно на основе лексико-семантического содержания частей.

Подобного рода факты привели И. Н. Кручинину к весьма радикальному решению. И. Н. Кручинина полагает, что если в расчет принимать только ритмико-мелодическую несамостоятельность компонентов сложного предложения, то «граница между сложным предложением и текстом фактически перестает существовать, так как, не будучи собственно грамматическим средством, интонация сама по себе, без опоры на определенные структурные показатели, не способна создавать и выражать синтаксических отношений; ср., например, следующие последовательности предложений, приведенных в связь лишь „соединительной силой" интонации (которая практически беспредельна): *Мы проехали мимо пруда: на грязных и отлогих берегах еще виднелись ледяные закрайки* (Аксаков); *Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь* (Тургенев)» [23]. Другими словами, И. Н. Кручинина недвусмысленно отрицает грамматическую форму у тех конструкций, которые другие называют бессоюзным сложным предложением, потому что в таких конструкциях отсутствует, по мнению И. Н. Кручининой, синтаксическое средство для выражения смысловых отношений между предикативными конструкциями. Эти отношения при отсутствии синтаксических средств связи, как пишет И. Н. Кручинина, формируются по законам имплицитного (лексического) синтаксиса. Несмотря на это, считается, что «в содержательном плане категории „формального" и „имплицитного" синтаксиса в основном совпадают, указание на особую природу бессоюзной связи не устраняет необходимости описания возникающих на ее основе соединений в самой тесной соотносительности со сложными предложениями союзных типов» [24]. Признается, следовательно, не имеющий грамматической

---

[23] *Кручинина И. Н.* Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения. — ВЯ, 1973, № 2, с. 115. — Независимо от И. Н. Кручининой и почти одновременно с ней аналогичную точку зрения сформулировала Н. В. Кирпичникова, оставившая в числе бессоюзных сложных предложений только те, которые имеют типизированные структурные особенности, например специфическое соотношение модально-временных планов частей — тип *Произойди первое свидание приятелей наедине, оно прошло бы иначе* (синтаксический статус образований подобного рода рассматривается в следующей главе); те бессоюзные предложения, которые характеризуются В. А. Белошапковой в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970) как нетипизированные, Н. В. Кирпичниковой из сложного предложения выводятся в текст (*Кирпичникова Н. В.* К изучению грамматической природы бессоюзного сложного предложения в современном русском языке. — В кн.: Славянская филология. М., 1973, Вып. 9).

[24] Проспект «Русской грамматики». М., 1972 (ротапринт), с. 113.

формы текст, сопоставимый с имеющими грамматическую форму сложными предложениями. В «Русской грамматике» такой текст был назван бессоюзным соединением предложений. Говорится: «Бессоюзные соединения (сочетания) предложений — это особые синтаксические образования, в большей или меньшей степени соотносительные со сложными предложениями, но отличающиеся от них отсутствием союзной или местоименной связи между частями.

Объединение предложений в бессоюзное сочетание осуществляется посредством интонации и, в одном случае [25], при помощи специального грамматического оформления сказуемого. Предложения, входящие в бессоюзное сочетание, характеризуются смысловой взаимосвязанностью либо единством текстообразующей функции, т. е. совместным участием в образовании некоторой относительно законченной части текста с одинаковым отношением к этому образуемому ими целому» [26]. Бессоюзное соединение предложений выделено в особый раздел, который поставлен, если можно так сказать, на один уровень с разделом «Сложное предложение». Этот раздел можно тем не менее рассматривать как очевидный аналог традиционного для грамматик подраздела о бессоюзном сложном предложении в разделе о сложном предложении. Во всяком случае никаких принципиально новых бессоюзных соединений предложений по сравнению с известными типами бессоюзного сложного предложения в «Русской грамматике», как кажется, нет. Новой является только попытка классификации типов. Явно стремление сделать классификацию более грамматичной по сравнению с логико-семантической классификацией Н. С. Поспелова, выделившего бессоюзные сложные предложения с однородным/неоднородным содержанием. Предложено выделять бессоюзные соединения предложений с двусторонним отношением частей и односторонним. «Общей чертой сочетаний с двусторонним отношением частей является соотносительность их синтаксического строения. Эта соотносительность обнаруживает себя во взаимосвязанности оформления сказуемых и в ограничениях, накладываемых одной формой на употребление другой, а также в структурном параллелизме частей, однотипности их синтаксической организации и лексического наполнения» [27].

При двусторонних отношениях соотносительности в строении частей нет. К двусторонним отнесены сочетания с такими значениями, как условное, уступительное, временное, сопоставительное, противительное, сравнительное, несоответствия, перечисления. К односторонним отнесены сочетания с определительным, изъяснительным, целевым значением, значением след-

[25] Имеются в виду предложения типа *Не корми меня живопись, я, право, кажется, умер бы в нищете* (Н. Помяловский).
[26] Русская грамматика, т. II. М., 1980, с. 634.
[27] Там же, с. 636.

ствия и результата, обоснования и пояснения. Нельзя не сказать, что признаки двусторонних/односторонних отношений проявляются далеко не последовательно. Сама И. Н. Кручинина отмечает при анализе сочетаний со значением несоответствия, что единственный для этих сочетаний признак параллелизма строения частей и одинакового порядка слов наблюдается только тогда, когда «отношения несоответствия устанавливаются между целыми ситуациями или отдельными, но однотипными элементами ситуаций. . .; в других случаях такого параллелизма, как правило, не наблюдается»[28], ср.: *Я говорил правду — мне не верили* (М. Лермонтов). Поэтому, не отрицая того, что И. Н. Кручинина отметила действительно характерные для многих типов бессоюзных соединений признаки, подчеркнем, что эти признаки не участвуют прямым образом в формировании смысловых отношений между частями бессоюзного соединения и в большинстве случаев не являются обязательными для данного типа смысловых отношений. И для понимания языковой структуры бессоюзного соединения деление бессоюзных предложений на двусторонние и односторонние недостаточно.

Заметим еще следующее. С одной стороны, утверждается, что бессоюзное соединение предложений соотносительно со сложным, с другой стороны, классификация союзного сложного предложения и бессоюзных соединений никак не соотнесены друг с другом; никакого аналога противопоставления двусторонних/односторонних бессоюзных соединений в описании союзного сложного предложения нет. Между тем закономерно встает вопрос, почему однотипные в союзном сложном предложении отношения, например уступительные и причинные, при бессоюзном выражении попадают в разные классификационные классы. Полагаем, что системные отношения союзных сложных предложений и бессоюзных соединений предложений не вполне раскрыты.

Итак, в осмыслении бессоюзного сложного предложения в плане грамматической (синтаксической) формы ясно выделяются три этапа:

(1) А. М. Пешковский: Синтаксическая форма бессоюзного сложного предложения характеризуется особым средством выражения смысловых отношений между предикативными конструкциями; это средство — определенный интонационный тип; синтаксическое значение этой формы то же, что и в союзном типе (интонация заменяет союзы или союзные слова); бессоюзное сложное предложение находится в тесных системных связях с союзным.

(2) Н. С. Поспелов: Синтаксическая форма бессоюзного сложного предложения характеризуется и своим средством — определенный интонационный тип, и своим особым синтаксическим значением, не сводимым к значению союзов и союзных

[28] Там же, с. 645.

слов; бессоюзное сложное предложение не имеет тесных системных связей с союзным.

(3) «Русская грамматика» (И. Н. Кручинина): Интонационные типы не являются синтаксическим средством выражения смысловых отношений между предикативными конструкциями, и, таким образом, бессоюзное сложное предложение — это квазипредложение, т. е. единица, не имеющая своей синтаксической формы, бессоюзное сложное предложение — это текст из двух и более предложений, сходный, сопоставимый по некоторым своим характеристикам со сложным союзным предложением.

Следовательно, по отношению к бессоюзному сложному предложению стоит сейчас почти гамлетовский вопрос: быть или не быть бессоюзному сложному предложению как особой синтаксической форме? Попытке ответа на этот вопрос посвящается следующая глава.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФОРМА БЕССОЮЗНОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Определение синтаксической формы бессоюзного сложного предложения

Мнение о том, что интонация в бессоюзном сложном предложении не может выражать и дифференцировать смысловые отношения между предикативными конструкциями так, как это делают союзы и союзные слова или подобным образом, так, например, как это представлено в описании Н. С. Поспелова, — это мнение представляется справедливым. В этом, помимо уже рассмотренной аргументации, убеждает следующее. Предложение *Я не пошел гулять, потому что рыба в реке вильнула хвостом* построено в строгом соответствии с синтаксической формой сложноподчиненного причинного предложения, и, несмотря на все противодействие здравому смыслу, каждый должен будет осмыслить это предложение как причинное: в причинных отношениях не позволяет усомниться союз *потому что*. Реакцией на такое предложение может быть недоуменный вопрос: почему выдвигается такая странная причина? Даже в том случае, если оставить только синтаксическую форму союзного сложного предложения, выведя из игры лексику (подобно тому, как это сделал Л. В. Щерба в своем знаменитом примере с глокой куздрой), синтаксическое значение соответствующего типа сохранится, ср.: *Мол опрадил клоту, потому что нира кламола.* Попытка выразить те же отношения с помощью интонации является абсолютно безуспешной: никакое интонационное оформление не позволит осмыслить «предложения» *Я не пошел гулять: рыба в реке вильнула хвостом* или *Мол опрадил клоту: нира кламола.* И то, и другое «предложения» совершенно бессмысленны, они лишены синтаксической формы сложного предложения.

Откуда, если не из интонации, мы узнаем о том, что в явно нормативных предложениях типа *Я зайду в аптеку: лекарство надо купить* между предикативными конструкциями существуют причинные отношения? Ответ на этот вопрос достаточно очевиден: эти смысловые отношения выводятся из лексико-семантического содержания предикативных конструкций и относятся к ведению той области, которую И. Н. Кручинина вслед за чехословацкими синтаксистами называет «лексическим» или «имплицитным» синтаксисом. Следует особо подчеркнуть, что имплицитными отношения между предикативными конструкциями могут быть только

в том случае, если они не просто следуют из содержания предикативных конструкций, а следуют очевидным, естественным образом. При имплицитном характере смысловых отношений перед слушающими как бы стоит задача найти нужные смысловые отношения между предикативными конструкциями, основываясь на их содержании, и такая задача должна решаться достаточно легко. Смысловые отношения между предикативными конструкциями в предложении *Я в аптеку зайду: лекарство мне одно для мамы заказать надо* осознаются как причинные потому, что для каждого очевидно: аптека — место, где изготавливаются и продаются лекарства, и эта очевидность легко проявляет причинные отношения. Чем менее очевидна и естественна смысловая связь между предикативными конструкциями, тем меньше возможностей выразить эту связь имплицитно, без союзов. Заметим, что Н. С. Поспелов, хотя и признавал за интонацией роль синтаксического средства выражения смысловых отношений, отмечал и то, что в выражении смысловых отношений играет свою роль и «непосредственная взаимосвязанность содержания» составляющих бессоюзное сложное предложение частей [1].

Очевидность отношений между предикативными конструкциями может основываться не только на лексико-семантическом содержании частей, но и на повседневном опыте говорящих. Роль повседневного опыта хорошо видна на примере таких смысловых отношений между предикативными конструкциями, которые могут получить бессоюзное оформление только в микроколлективе с определенным лишь ему присущим запасом знаний. Так, смысловые отношения в предложении *Я сделаю сегодня голубцы пожалуй/ Петя придет//* легко осмысляются как причинные в микроколлективе, члены которого знают, что Петя — большой любитель голубцов. Заметим, что и «предложение» *Я не пошел гулять: рыба в реке вильнула хвостом* может стать подлинным бессоюзным предложением, если, например, партнерам коммуникации хорошо известно, что говорящий верит в странную примету о том, что нельзя ходить гулять, если человек увидел, как рыба в реке виляет хвостом. Еще один аналогичный пример. Предложение *Солдат ударил по огниву: прибежала собака* бессмысленно только для тех, кто не читал широко известной сказки Г. Х. Андерсена «Огниво», для тех же, кто эту сказку знает, интерпретировать данное предложение как предложение со следственными отношениями не составит труда.

Итак, несомненно: смысловые отношения между предикативными конструкциями базируются на лексико-семантическом содержании этих конструкций с опорой, в некоторых случаях, на повседневный опыт говорящих; интонация их не выражает.

Но это не означает, что интонация вообще не имеет отношения к синтаксической форме бессоюзного сложного предложения.

[1] *Поспелов Н. С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 343.

Для бессоюзного сложного предложения синтаксически значима интонационная незавершенность непоследней предикативной конструкции. Ср.:

(1) *Я не пошел гулять: было холодно.*

(2) *Я не пошел гулять. Было холодно.*

В (1) двоеточие передает так или иначе выраженную интонационную незавершенность первой предикативной конструкции, вторая предикативная конструкция имеет интонацию завершенности, показывая, что данные предикативные конструкции представляют одно коммуникативное целое. В (2) обе предикативные конструкции имеют интонацию завершенности, представляя отдельные предложения. Кажется логичным предположить: если интонация незавершенности/завершенности не связана с выражением смысловых отношений между предикативными конструкциями, то, с точки зрения смысловых связей между предикативными конструкциями, (1) и (2) не должны различаться. Однако смысловые различия (1) и (2) есть, и они весьма существенны. Различия эти особого рода. Обнаруживают они себя в следующем. В (1) выражена и может быть выведена на первый коммуникативный план причинная связь, извлеченная из лексико-семантического содержания предикативных конструкций. Причинные отношения в этом предложении могут составить рему высказывания. Об этом свидетельствует возможность ответить бессоюзным предложением (1) на прямой причинный вопрос: *Почему ты не пошел гулять?* Естественно, наряду с развернутым ответом *Я не пошел гулять: было холодно* (или с союзом — *Я не пошел гулять, потому что было холодно*) возможны и даже более нормативны и частотны «свернутые» предложения *Холодно* или *Потому что холодно.* Важно не это, а сама возможность ответить на причинный вопрос полным бессоюзным предложением (1). Текст (2) не может в принципе служить ответом на прямой причинный вопрос. И хотя в тексте (2), так же как и в бессоюзном предложении (1), заложены причинные отношения, в (2) их нельзя сделать ремой, они неизбежно оказываются на втором коммуникативном плане. Из сопоставления (1) и (2) следует: интонационная незавершенность непоследней предикативной конструкции в бессоюзном сложном предложении — это синтаксическое средство с таким синтаксическим значением: (а) знай, что предикативные конструкции связаны между собой по смыслу; (б) найди смысловые отношения между предикативными конструкциями в их содержании; (в) обрати особое внимание на эти отношения. Синтаксическое значение с признаками (а), (б) и (в) будем далее называть активизацией смысловых отношений.

Итак, бессоюзное сложное предложение имеет синтаксическую форму. В синтаксической форме бессоюзного сложного предложения осуществляется активизация смысловых отношений, заложенных в лексико-семантическом содержании предикативных конструкций.

Рассмотрим подробнее те синтаксические средства, которые активизируют имплицитные смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении. Обсуждению подлежат два вопроса: (1) какие интонационные типы выступают как синтаксические средства активизации и (2) существуют ли неинтонационные средства активизации смысловых отношений и, если существуют, то в каком отношении находятся к интонационным?

Интонация как средство активизации смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении

Активизация имплицитных смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении может, по-видимому, осуществляться с помощью любого средства, показывающего, что непоследняя предикативная конструкция не является отдельным предложением. Поскольку предикативные конструкции, одна или несколько, становятся отдельным предложением в результате того или иного интонационного оформления, то нет ничего удивительного, что именно интонационные типы, показывающие, что данная предикативная конструкция оформлена не как отдельное предложение, являются основным средством активизации смысловых отношений. Как показала Т. М. Николаева, фразовая интонация обладает тремя лингвистическими функциями: функцией членения (через оформление), функцией связи и функцией передачи смысловых отношений [2]. Надо полагать, что активизация смысловых отношений между предикативными конструкциями осуществляется через связь этих конструкций.

По системе Е. А. Брызгуновой в современном русском языке выделяется семь типов интонационных конструкций (ИК). Каждый из них способен оформлять как отдельное предложение определенного значения, так и разные по функции части предложения. И, следовательно, определить только исходя из типа ИК, где отдельное предложение, а где его часть, невозможно. В расчет должны приниматься и неинтонационные признаки интересующей нас части. Интонационная конструкция только в том случае выполняет нужную для данного коммуникативного акта функцию, если в данной коммуникации существуют такие условия, которые исключают все другие возможности осмысления данной ИК. Е. А. Брызгунова верно замечает: «Синтаксическое строение и лексический состав подставляемых под определенный тип ИК высказываний разнообразны и варьируются у разных говорящих. Эти подстановки являются одним из доказательств того, что интонационные конструкции проявляются как средства выражения смысловых отношений лишь во взаимодействии с синтаксическим строением и лексическим составом высказывания» [3]. И даже

[2] *Николаева Т. М.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977, с. 9.
[3] Русская грамматика, т. I. М., 1980, с. 101.

более того: «Восприятие различий интонационных конструкций неодинаково и зависит от синтаксического строения и лексического состава высказывания»[4]. Механизм осмысления ИК, по-видимому, аналогичен механизму осмысления многозначного слова, когда контекст «выбирает» нужное значение.

Как справедливо считает М. В. Панов, среди семи ИК особое, центральное, место занимают два типа ИК: ИК-1, основной функцией которой является выражение синтаксической завершенности, и ИК-3 в той своей функции, которая обозначает незавершенность высказывания. «Интонационный minimum minimorum в русском языке, — пишет М. В. Панов, — составляют ИК-1 и ИК-3. Он отвечает старому правилу (известному, например, всякому артисту): смысл не кончен — голос вверх, смысл окончен — голос вниз. Действительно, и вопросительное предложение, и отрезок речи „до запятой" (это все — ИК-3) требуют продолжения или ответа, „смысл не конечен". Точка (= ИК-1) — знак того, что передача какой-то доли смысла закончена»[5].

Основными различительными признаками ИК Е. А. Брызгунова называет направление тона на гласном центра (восходящее или нисходящее) и соотношение уровней тона предцентра — центра — постцентра. ИК-1 характеризуется следующим образом: в предцентровой части колебания тона имеют восходящее—нисходящее направление или сосредоточены в средней полосе ее диапазона; гласный центра произносится с нисходящим движением тона ниже уровня предцентровой части; постцентровая часть произносится ниже уровня предцентровой части[6]. ИК-3 получает следующую характеристику: в предцентровой части колебания тона сосредоточены в средней полосе ее диапазона; гласный центра произносится с восходящим движением тона выше уровня предцентровой части; в конце гласного тон ровный или нисходящий; постцентровая часть произносится на уровне тона ниже предцентровой[7].

Именно ИК-3 и ИК-1 играют основную роль в оформлении бессоюзного сложного предложения. ИК-3 в типических случаях оформляет непоследнюю предикативную конструкцию. Из всех возможных функций ИК-3 в бессоюзном сложном предложении «выбирается» функция сигнала семантико-синтаксической незавершенности части потому, что другая предикативная конструкция имеет очевидные смысловые связи с конструкцией, оформленной по ИК-3. Сигнал семантико-синтаксической незавершенности непоследней предикативной конструкции и является в бессоюзном сложном предложении синтаксическим средством активизации смысловых отношений между предикативными конструкциями.

---

[4] Там же.

[5] *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979, с. 86. См. также: *Панов М. В.* Русская фонетика. М., 1967, с. 258—262.

[6] Русская грамматика, т. I, с. 109.

[7] Там же, с. 111.

Следует отметить, что функция ИК-3 в бессоюзном сложном предложении двойственна. С одной стороны, это, как сказано, средство активизации смысловых отношений в синтаксической форме бессоюзных сложных предложений. С другой стороны, это способ оформления двух (и более) предикативных конструкций в одно коммуникативное целое — в сложное предложение. Эта роль ИК-3 выступает во взаимодействии с ролью ИК-1 как сигнала коммуникативной завершенности сложного предложения. ИК-1 последней предикативной конструкции и ИК-3 непоследней предикативной конструкции как сигналы соответственно коммуникативной завершенности/незавершенности непосредственно в синтаксическую форму бессоюзного сложного предложения не входят.

В союзном типе сложного предложения ИК-3 играет только роль сигнала коммуникативной несамостоятельности непоследней предикативной конструкции. И в союзном типе ИК-3 могла бы активизировать смысловые отношения между предикативными конструкциями, но там эта роль ИК-3 является просто излишней потому, что союз или союзное слово без посторонней помощи в активизированном виде выражают нужные смысловые отношения.

В системе интонационных средств находит свое место и еще один способ связи — объединение двух предикативных конструкций в одну интонационную конструкцию. Две предикативные конструкции могут быть оформлены как одна ИК. Отсутствие интонационного членения в этом случае значимо: это явный и безусловный показатель объединения двух предикативных конструкций в одно коммуникативное целое — в одно сложное предложение и, следовательно, показатель активизации смысловых отношений. Оформление двух предикативных конструкций как одной ИК назовем интонационно одноконструктивным.

Интонационно одноконструктивная связь широко представлена в бессоюзных сложных предложениях РР. На это впервые обратила внимание И. Н. Кручинина, обнаружившая, что «в тех синтаксических комплексах, которые строятся на основе распространения глаголов со значением говорения, физического восприятия и мыслительной деятельности, абсолютной нормой разговорной речи является полное отсутствие каких-либо формальных и интонационных показателей стыка между сочетающимися в единство компонентами: *Я вчера видела женщина несла вот такие маки, ну вот такие!*; *Прошлую зиму думала жива не останусь*; *Посмотри идет девушка светлые волосы*» [8]. Ср. еще аналогичные примеры: *Она говорила плохо в Прибалтике в этом году было//*; *Они думали в десять начинается//* (работа); *Я же уже сказал не пойду//*; *Я видел они шли//*.

Интонационно одноконструктивная связь возможна и в других

[8] *Егорова И. Н.* (*Кручинина*). Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов). — В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967, с. 90.

по значению бессоюзных предложениях РР, ср.: А. *Ты будешь смотреть спорт?* (спортивную передачу по телевизору). Б. *Не буду поздно//*; *Я закрою окно комары?* 'я закрою окно, потому что летят комары'; *Я сделаю приду//* и т. п.

По-видимому, интонационно одноконструктивная связь возможна и в неразговорных сферах языка. Ср. ряд примеров из устной публичной речи (выступление на заседании сектора, репортаж по телевидению о футбольном матче): *Я говорю эта работа практически еще очень полезна//*; (о футболе) *Шавло навешивает угловой//* 'Шавло навешивает мяч в штрафную площадку, но защитники выбивают мяч на угловой'.

Неформальные способы активизации смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении

Кроме интонации имеются и некоторые другие, не формально-синтаксические способы активизации смысловых отношений между предикативными конструкциями. Можно думать, что эти способы вступают в определенные взаимоотношения с интонационным средством активизации смысловых отношений. В основе этих отношений, вероятно, лежит компенсационный принцип. Показателем активизированных смысловых отношений между предикативными конструкциями является следующее.

(1) В одной из предикативных конструкций есть слова, обычно это глаголы с сильной, требующей обязательных распространителей, валентностью, другая предикативная конструкция по своему лексико-семантическому содержанию является таким обязательным распространителем. Такие отношения составляют основу бессоюзных сложных предложений с изъяснительными отношениями: *Он сказал попозже завтра придет//*; *Почувствовал — устал* (Ю. Крелин). Обязательность связи члена с сильной валентностью и предикативной конструкции делает эти связи без каких-либо иных средств их выражения очевидными и активными.

В связи с анализом таких бессоюзных сложных предложений встает вопрос о дифференциации обязательных и факультативных связей слов. Перспективными в этом плане кажутся те решения, согласно которым обязательными считаются такие семантические валентности слова, без указания на которые невозможно истолковать лексическое значение: «Семантические валентности, — пишет Ю. Д. Апресян, — вытекают непосредственно из лексического значения слова, характеризуют его как конкретную, отличную от других лексическую единицу» [9]. Поэтому у глаголов *сказать*, *почувствовать* из приведенных предложений есть обязательная семантическая валентность 'что', и эта валентность достаточна сама по себе, чтобы в бессоюзном сложном предложении осмыс-

[9] *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, с. 120.

лить соответствующую предикативную конструкцию при данных глаголах как их обязательный распространитель [10]. При любой интонации первой предикативной конструкции, в том числе и при ИК-1 (ср.: *Они утверждают// Это невозможно//*), смысловые связи, базирующиеся на семантической валентности глагола, не исчезают и не перестают быть активными. Более того, эти связи сохраняются и при следующем порядке предикативных конструкций:

ИК-1 ИК-1
Это невозможно, утверждают они.

(2) Кроме семантической валентности еще одним сильным показателем активизированной смысловой связи являются синсемантические слова в первой предикативной конструкции, которые в смысловом плане обслуживает вторая предикативная конструкция. К числу синсемантических слов в бессоюзном сложном предложении относятся так называемые *т*-слова (*так, таков, такой*) и под.: *Так складывается жизнь: либо безбоязненность полная, либо — банкрот, и иди насмарку* (В. Вересаев); *Вот и дома тоже: когда я рассержусь, я начинаю говорить очень неправильно* (В. Вересаев); *Михаил отвернул еще один пласт, отвернул другой, третий. . . — все одно и то же: в глубокой борозде, как в могиле, лежат зерна, придавленные глиняной плитой* (Ф. Абрамов). Вполне обычно интонирование предикативной конструкции с *т*-словами по ИК-1, но это в силу синсемантичности *т*-слов не препятствует активизации смысловых отношений между предикативными конструкциями. Об этом свидетельствует, в частности, возможность ответить на вопрос типа *Какая там была погода?* таким сочетанием предикативных конструкций, каждая из которых явно оформлена по ИК-1:

ИК-1
Погода там была такая. Каждый день обязательно ливень после обеда.

[10] Проблема обязательности/факультативности связи слов часто связывается с проблемой дифференциации сильного/слабого управления. При этом сами понятия сильного/слабого управления не имеют общепринятого определения, свидетельством чего является большое разнообразие и противоречивость взглядов по данному вопросу; см., например, «систематизацию» взглядов многих авторов (А. М. Пешковского, М. Д. Лесник, В. П. Малащенко, Е. А. Кржижковой, Г. А. Золотовой, Н. М. Александрова, Р. Мразка, Н. Ю. Шведовой и др.) в кн.: *Скобликова Е. С.* Согласование и управление в русском языке. М., 1971, с. 12—20). Отметим, что В. А. Белошапкова вообще отказывается от понятий сильного/слабого управления, но при систематизации типов управления специально вводит параметр обязательность/необязательность связи, отграничивая его от других классификационных параметров: собственно синтаксические (*сказать о чем*)/семантико-синтаксические отношения (*поселиться в деревне*) и предсказуемость (*войти в комнату*)/непредсказуемость (*очутиться у реки*) отношений. Правда, критерии различения обязательного/необязательного управления у В. А. Белошапковой специально не разрабатываются (см.: *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 41—53). — Ср. также трактовку сильного и слабого управления в кн.: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 358—359.

(3) И, наконец, обе предикативные конструкции могут иметь интонацию завершенности в том случае, если просто по смыслу связь между ними в данном контексте может быть только активизированной. По наблюдениям Е. А. Брызгуновой, «роль смыслового взаимодействия частей бессоюзного сочетания максимально активизируется при выражении отношений обоснования», и поэтому для частей таких соединений характерна интонация завершенности, ср. *Я не хочу говорить с вами: вы грубы* [11]. Важно отметить, что в письменной речи в таких случаях обычно ставится такой «сильный» знак интонационной несамостоятельности части, как двоеточие или тире. По-видимому, носители языка склонны вопреки реальному положению дел осознавать интонацию в непоследней предикативной конструкции предложений рассматриваемого типа как незавершенную. Это подтверждает следующий небольшой эксперимент. 10 информантам-лингвистам, не занимающимся специально проблемами интонации, было предложено ответить на вопрос, с какой интонацией — завершенности или незавершенности — произносится первая предикативная конструкция приведенного предложения. 9 информантов предпочли интонацию незавершенности. Однако когда тем же информантам было предложено прочесть данное предложение с нужной интонацией, то только 4 информанта постарались интонировать первую предикативную конструкцию по ИК-3, другие произносили эту предикативную конструкцию с интонацией завершенности, вполне подтверждая тем самым выводы Е. А. Брызгуновой.

Итак, интонация незавершенности непоследней предикативной конструкции как сигнал активизации смысловых отношений между предикативными конструкциями перестает быть обязательной только при семантических условиях (1)—(3). Компенсационный принцип А. М. Пешковского действует здесь как бы в обратном направлении. Если у А. М. Пешковского утверждается, что интонация заменяет неинтонационные средства выражения, то в нашем случае интонация заменяется неинтонационными средствами выражения. Е. А. Брызгунова, специально анализируя интонацию бессоюзных соединений предложений, пишет о том, что посредством интонации завершенности (ИК-1 или ИК-2) «говорящий заостряет внимание слушающего на той части предложения, которая требует распространения, и тем самым усиливает ее смысловую нагрузку, а необходимость распространения служит сигналом продолжения высказывания, что обычно является функцией интонации незавершенности (ИК-3, ИК-4, ИК-6)» [12]. По-видимому, данное утверждение есть не что иное, как формулировка компенсационного принципа по отношению к бессоюзным сложным предложениям.

Отметим еще следующее. Е. А. Брызгунова показывает, что в союзных сложных предложениях первая предикативная конструкция может оформляться по ИК-1, несмотря на то, что на

[11] Русская грамматика, т. II, с. 654.
[12] Там же, с. 650.

письме такая конструкция отделяется от второй запятой, а не точкой, ср.:

В новом здании будет библиотека,/ в которой разместится до десяти тысяч книг; Он повез нас по набережной,/ чтобы показать новую гостиницу; Театр был закрыт,/ так как труппа уехала на гастроли [13].

Можно думать, что и здесь проявляется действие компенсационного принципа: союзы настолько очевидно устанавливают связь между предикативными конструкциями, что необходимость в интонации незавершенности как показателе коммуникативного единства отпадает. По мнению Е. А. Брызгуновой, ИК-3 в первой предикативной конструкции в предложениях типа:

Он повез нас по набережной,/ чтобы показать новую гостиницу

только усиливает смысловую связь между главной и придаточной частями [14].

Таким образом, к числу бессоюзных относим не только предложения с синтаксической формой, но и некоторые структуры без формальных показателей связи, поскольку они вступают на основе компенсационного принципа в системные отношения с имеющими форму бессоюзными сложными предложениями.

О синтаксической форме бессоюзных сложных предложений с перечислительными отношениями

Среди бессоюзных сложных предложений, как и среди союзных, различаются предложения открытой структуры с перечислительными отношениями и бинарные предложения закрытой структуры.

Открытые перечислительные структуры оформляются особой перечислительной интонацией. Отличительным признаком перечислительной интонации является одинаковое интонирование всех, кроме, естественно, последней, предикативных конструкций [15]. Од-

---

[13] Заметим, кстати, что в связи с этим встает вопрос о том, как интонационно выражается, если выражается вообще, парцелляция типа *Театр был закрыт. Так как труппа уехала на гастроли.* Как интонационно передается точка, если «на месте» запятой интонация завершенности?

[14] Русская грамматика, т. I, с. 111.

[15] Наличие особой перечислительной интонации отмечается практически во всех описаниях перечислительных рядов, см., например: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956, с. 443; *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. 2-е изд. М., 1961. Ч. II, с. 129, 219; Русская грамматика, т. II, с. 652—653.

нородность интонирования перечислительного ряда хорошо «слышна» в поэтических стихотворных текстах, ср.:

Надо мною буря выла,
Гром по небу грохотал,
Слабый ум судьба страшила,
Холод в душу проникал

(М. Кольцов).

Интонация перечисления может проявляться только в перечислительных рядах, состоящих более чем из двух членов, лишь в этом случае можно обнаружить тождество в интонировании предикативных конструкций. Если бессоюзное сложное предложение состоит из двух предикативных конструкций, то его открытость/закрытость можно обнаружить исключительно на лексико-семантической основе. Соображения А. Ф. Кулагина о том, что в предложении *Придет весна — все кругом зазеленеет* интонация (при тире) показывает подчинение, а в предложении *Придет весна, все кругом зазеленеет* интонация (при запятой) показывает сочинение [16], давая, вероятно, открытый ряд, кажутся не вполне убедительными, потому, что при запятой, по-видимому, наиболее естественно интонирование обеих предикативных конструкций по ИК-1, т. е. при запятой речь идет не об одном бессоюзном, а о двух простых предложениях. Интонация незавершенности непоследних предикативных конструкций вместе с интонационной завершенностью последней предикативной конструкции, как и в бинарных закрытых структурах, обозначают перечислительный ряд как одно коммуникативное целое. Это достаточно ясно. Менее ясно другое: выполняет ли перечислительная интонация роль средства активизации заложенных в лексико-семантической структуре смысловых отношений. Или по-другому: в чем суть синтаксической формы бессоюзных сложных предложений с перечислительными отношениями?

И. Н. Кручинина обратила внимание на то, что еще С. О. Карцевский пришел к мысли о нуле непосредственных отношений между членами перечислительного ряда [17]. М. С. Бунина, не разделяя мнения о том, что вообще не существует бессоюзных сложных предложений, а существуют лишь текстовые соединения предложений, считает, что только перечислительные ряды должны рассматриваться как текстовая последовательность предложений [18]. Если иметь в виду непосредственные отношения между членами бинарных закрытых структур (таких, как причина, следствие и т. п.), то несомненно, что таких отношений в перечислительных рядах действительно не существует. Стоит, однако, обратить внимание на следующее: если перечисляется ряд фактов, событий,

[16] *Кулагин А. Ф.* Основные структурно-семантические типы сложного предложения в аспекте коммуникативной целеустановки. Автореф. докт. дис. Л., 1972.

[17] *Кручинина И. Н.* Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения. — ВЯ, 1973, № 2, с. 113.

[18] *Бунина М. С.* К вопросу о сложном предложении. — В кн.: Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973, с. 57.

то это для чего-то нужно. В каждом перечислительном ряду заложена некоторая общая идея перечисления. Общая идея описания вида попавшего под дождь человека содержится в таком предложении: *Рукава и спина на рубахе были мокры, брюки прилипли к ногам, с головы текло* (А. Чехов). Общая идея может быть выражена вербально в виде обобщающей предикативной конструкции, связанной с перечислительным рядом в целом по принципу бинарных закрытых связей:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: *приближалась*
Довольно скучная пора
(А. Пушкин)

Интонационная незавершенность непоследних предикативных конструкций служит целям активизации общей идеи перечислительного ряда. Именно перечислительная интонация заставляет увидеть иногда в весьма далеких друг от друга по смыслу предложениях то, что связывает их в одно целое:

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
Светит месяц, тройка мчится
По дороге столбовой
(А. Пушкин)

Еще пример. Предположим, что партнеры по коммуникации увидели по телевизору только завершающие кадры неизвестного им фильма. Возможно представить такой диалог между ними: А. *О чем это? Как ты думаешь?* Б. *Ясно о чем// Детектив//* А. *Почему?* Б. *Ну как почему// Машины мчатся/ лица суровые напряженные/ полковник сигарету в конце удовлетворенно закуривает// Типичный детектив в общем//* В этом диалоге ответ на вопрос *Почему?* уместен именно в форме перечислительного ряда, разделить этот перечислительный ряд на отдельные предложения в условиях данного коммуникативного акта было бы едва ли верно.

Таким образом, бессоюзные сложные предложения с перечислительными отношениями имеют в принципе ту же синтаксическую форму, что и бинарные закрытые структуры: интонация незавершенности (синтаксическое средство) активизирует поиск общей идеи перечисления (синтаксическое значение).

Яркая/неяркая интонация и степень активизации смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении

При обсуждении вопроса об интонации как средстве выражения синтаксической формы в бессоюзном сложном предложении во внимание необходимо принять еще следующее. В письменных литературных текстах есть многочисленные примеры того, что

конструкции, которые в строгом соответствии с действующими правилами пунктуации могли бы быть оформлены такими знаками, как тире (—) или двоеточие (:), оформляются с помощью запятой (,) или даже точки с запятой (;), ср.: *Они замолчали, каждый думал о своем* (Ч. Айтматов) (*Они замолчали: каждый думал о своем*); *Плетеный овин, заснеженный поверху, черный внутри, шевелится, точно живой; там зарывались в сено на ночевку, копошились сотни берсальеров* (Н. Атаров) (*Плетеный овин, заснеженный поверху, черный внутри, шевелился точно живой: там зарывались в сено на ночевку, копошились сотни берсальеров*); *Между тем Андрюша подрастал; Татьяна Борисовна начинала беспокоиться о его будущности* (И. Тургенев) (*Между тем Андрюша подрастал — Татьяна Борисовна начинала беспокоиться о его будущности*). (:) или (—), с одной стороны, и (,) — с другой, вероятно, передают интонационные различия. Какие? На месте (:) или (—) можно предполагать ИК-3. На месте (,), как полагает Е. А. Брызгунова, может быть ИК-1 [19], т. е. интонация завершенности, и тогда (,) создает только иллюзию сложного предложения — на деле здесь представлен текст из двух предложений. Но не исключена на месте (,) в таких случаях и ИК-3, но менее ярко выраженная, чем при (:) или (—). Кажется возможным поэтому противопоставить в бессоюзном сложном предложении яркую/неяркую интонацию незаконченности [20].

Неяркая интонация в отличие от яркой, естественно, более слабый сигнал: она, по-видимому, обозначает, что между предикативными конструкциями в бессоюзном сложном предложении есть смысловая связь, но, если так можно выразиться, не настаивает на том, чтобы эта связь была точно определена и выведена на первый план [21].

Яркая и неяркая интонации, очевидно, противопоставляются и в перечислительных рядах. На письме это выражается противо-

---

[19] *Брызгунова Е. А.* Смысловое взаимодействие предложений. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 79.

[20] На возможность интонации одного типа проявляться с разной степенью яркости обратил внимание А. А. Пешковский (см.: *Пешковский А. М.* Интонация и грамматика. — В кн.: Пешковский А. М. Избр. труды. М., 1959, с. 181—182). Суждения А. М. Пешковского на этот счет получили специальную экспериментальную проверку в кн.: *Николаева Т. М.* Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969. — О возможности одного и того же ИК проявляться в разной степени прямо пишет Е. А. Брызгунова: «В потоке речи каждый тип ИК представлен рядом произнесений. . . Одни из них составляют разновидность нейтральных реализаций, которые могут различаться степенью выраженности компонентов интонации, например степенью повышения тона на главном центре в ИК-3» (Русская грамматика, т. I, с. 102).

[21] В этом плане несомненный интерес представляют соображения С. О. Карцевского о закрытых бессоюзных структурах с тесной смысловой связью между частями, при которой вторая часть по смыслу выводится из первой (*Будет хорошая погода, — пойдем гулять*), и о противопоставленных им открытых структурах с ослабленной связью, при которой первая часть по смыслу не предполагает вторую (*Стоит изба — плетнем огорожена*) — *Карцевский С. О.* Бессоюзие и подчинение в русском языке. Пер. с франц. — ВЯ, 1961, № 2, с. 125.

поставлением двух знаков: (,) — яркая перечислительная интонация, (;) — неяркая перечислительная интонация, ср.: *Уже клонилось к сумеркам, жар спадал, местами слышался оживающий запах табака, парочки направлялись гулять в Липки* (К. Федин) и *У ворот я увидел старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломою* (А. Пушкин).

Надо заметить, что в письменных литературных текстах есть не только перечислительные, но и бинарные бессоюзные сложные предложения, в которых на границе предикативных конструкций стоит знак (;).

В Действующих правилах (§ 130) подчеркивается, что точка с запятой ставится в бессоюзном сложном предложении между предикативными конструкциями, значительно распространенными и имеющими свои запятые. Такая точка с запятой помогает разобраться в иерархии синтаксических отношений. Не менее важно другое: точка с запятой — это сигнал предельной близости соединенных по форме бессоюзного сложного предложения предикативных конструкций к простой последовательности предложений в тексте. И эта функция точки с запятой никак не связана с распространенностью предикативных конструкций. Точка с запятой вполне обычна и между нераспространенными или немного распространенными предикативными конструкциями, ср.: *Графиня молчала; Германн стал на колени* (А. Пушкин); *Германн глядел в щелку; Лизавета Ивановна прошла мимо него* (А. Пушкин); *Солнце село; в конце проспекта в золотой дымке темнел Адмиралтейский шпиц* (В. Вересаев).

Подобного рода примеры, число которых можно без труда увеличить, не позволяют согласиться с мнением Т. М. Николаевой, считающей, что точка с запятой — это «обусловленная разновидность запятой, ставящаяся при большом размере (в буквальном смысле) разделяемых частей». Если запятая, тире и двоеточие рассматриваются Т. М. Николаевой как «свободно избираемые единицы», то точка с запятой трактуется как «позиционно обусловленная аллоединица» [22]. Приведенный материал показывает, что и точка с запятой может быть в бессоюзных сложных предложениях свободно избираемой единицей. Другой вопрос: имеет ли точка с запятой свою интонацию? Ответа на этот вопрос пока нет, но легко предположить, что интонационно четко осознанного противопоставления запятой и точки с запятой не существует.

Таким образом, одна и та же смысловая структура, реализованная в двух и более предикативных конструкциях, может давать ряд: (1) каждая предикативная конструкция оформлена интонацией законченности; отношения между предикативными конструкциями неактивизированы; это — текст; (2) непоследняя предикативная конструкция оформлена неяркой интонацией незаконченности; смысловые отношения между предикативными кон-

[22] *Николаева Т. М.* Интонация сложного предложения в славянских языках, с. 31.

струкциями активизированы слабо; это — бессоюзные сложные предложения, близкие к тексту; (3) непоследняя предикативная конструкция оформляется яркой интонацией незаконченности (или используется интонационно одноконструктивная связь, или имеются сильные неформальные показатели активизации смысловых отношений между предикативными конструкциями); смысловые отношения хорошо активизированы; это — собственно бессоюзное сложное предложение.

Если бы в языке не было предложений с яркой интонацией, передаваемой на письме (—) или (:), а были бы только соответствующие им предложения с неяркой интонацией, передаваемой (,), то вывод И. Н. Кручининой о невозможности провести границу между текстом и бессоюзным сложным предложением имел бы больше оснований. Но активность и регулярность яркой интонации в бессоюзных сложных предложениях не позволяет с этим выводом согласиться.

Действующие правила пунктуации требуют ставить в бессоюзных бинарных сложных предложениях (:) или (—) в зависимости от характера смысловых отношений между частями предложения. Однако, если иметь в виду возможность разной степени активизации смысловых отношений, то следует признать, что в действующих правилах нет одного важного пункта. Прежде чем решать вопрос о выборе между (:) и (—), необходимо определить, активизированы ли данные смысловые отношения, а если активизированы, то в какой степени. Следующие пары предикативных конструкций разделены точкой, но при необходимости активизации имплицитных смысловых отношений по действующим правилам между ними могло быть поставлено: (а) двоеточие — *Гляжу в окно. Огромное солнце уходит в эту минуту куда-то в пески Ливийской пустыни* (Н. Атаров); (б) тире — *Уже ночь наступила. Поселковый пастух пригнал на ночлег молочных коров из степи* (А. Платонов).

Интересно отметить, что даже примеры-образцы из действующих правил допускают разные знаки. Так, предложение — пример на постановку (—) в бессоюзном сложном предложении (Солнце взошло — начинается день) вполне может быть оформлен и точкой, и запятой, ср.: *Солнце взошло. Начинается день*; *Солнце взошло, начинается день*. А пример на постановку точки между предложениями (*Был вечер. Небо меркло*) вполне допускает и (—), и (,), ср.: *Был вечер — небо меркло* ('был вечер — и поэтому небо меркло'), *Был вечер, небо меркло* [23].

[23] Подробнее о знаках препинания в бессоюзном сложном предложении см.: *Ширяев Е. Н.* Соотношение знаков препинания в бессоюзном сложном предложении. — В кн.: Современная русская пунктуация. М., 1979, с. 60—73.

О роли некоторых грамматических показателей в бессоюзном сложном предложении

Напомним еще раз: смысловые отношения между предикативными конструкциями грамматически в бессоюзных сложных предложениях не выражаются и не дифференцируются, грамматически они только активизируются. Однако некоторые грамматические, в том числе и интонационно-грамматические, средства могут при опоре на лексико-семантическую структуру предикативных конструкций принимать участие в выявлении связей между ними. К таким средствам относятся прежде всего грамматические средства, участвующие в выражении актуального членения. Это — фразовое ударение и порядок слов в предикативных конструкциях.

Особо важную роль в этом отношении играет фразовое ударение — место в ИК ее центра. Е. А. Брызгунова показала, как в зависимости от места центра ИК в бессоюзных сложных предложениях с одинаковым лексическим составом предикативных конструкций меняются смысловые отношения между ними: в предложении *Сдам экза́мены,/ поеду отдыха́ть* — отношения временной зависимости; в предложении *Сда́м экзамены,/ пое́ду отдыхать* — условные отношения [24]. Фразовое ударение работает на выражение смысловых отношений в том случае, если из содержания предикативных конструкций с равным успехом вытекают несколько смысловых отношений между ними. В этом случае фразовое ударение, акцентируя определенные лексемы, дает то актуальное членение, которое выбирает нужное из равновозможных смысловых отношений. Ср. еще: *Я уйду́/ она придёт//* — 'я не хочу ее видеть, и поэтому я уйду, потому что она придет' и *Я уйду́/ она́ придет//*, где своего рода возместительные отношения — 'вместо меня будет она'.

Следует подчеркнуть, что такая дифференциация смысловых отношений с помощью фразового ударения осуществляется только при благоприятном содержании предикативных конструкций: если из содержания предикативных конструкций не следуют с достаточной степенью очевидности те или иные смысловые отношения, то никакая интонация и фразовое ударение их не выразят. А если, оставляя в неприкосновенности всю структуру бессоюзного сложного предложения, в том числе и место фразового ударения, изменить только лексическое наполнение структуры, то смысловые отношения могут измениться, ср.: *Сдам экзамены/ все равно не поеду отдыхать//* с уступительными отношениями.

Порядок слов в бессоюзных сложных предложениях может выполнять роль аналогичную фразовому ударению. Так, инверсионный порядок слов при поддержке фразового ударения может выделить в качестве ремы ту лексему, на основе значения которой и создаются нужные смысловые отношения, ср. уже приведенный

[24] *Брызгунова Е. А.* Смысловое взаимодействие предложений. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 79—80.

пример с таким порядком слов: *Уйду я/ придет она//* (возместительные отношения) и *Я уйду/ придет она//* 'я уйду, потому что придет она'.

Из других грамматических показателей при анализе бессоюзных сложных предложений обычно называют видо-временные соотношения глаголов-сказуемых предикативных конструкций сложного предложения [25]. Действительно, меняя только видо-временные показатели глаголов, можно дифференцировать смысловые отношения между предикативными конструкциями, ср.: *Она лежит/ давление поднялось//* 'она лежит, потому что давление (крови) поднялось' и *Она лежит/ давление поднимается//* 'она лежит, когда (в том случае, когда) давление поднимается'. В следующем примере разный характер смысловых отношений между предикативными конструкциями зависит от различного осмысления видо-временных показателей глагола: *Она лежит/ сердце бьется//* — (1) 'лежит (сейчас), потому что сердце бьется' и (2) 'лежит (всегда), когда сердце бьется'.

В последнее время ведется детальное исследование формальных показателей отдельных типов бессоюзного сложного предложения, особое внимание уделяется изучению интонирования этих типов [26].

По мере дальнейшего развития таких, несомненно, полезных исследований и их обобщения изложенные выше принципы организации в плане выражения синтаксической формы бессоюзного сложного предложения могут быть существенно уточнены. Общий же вывод о существовании особой синтаксической формы бессоюзного сложного предложения, назначение которой — активизация с помощью интонации и других показателей заложенных в содержании предикативных конструкций смысловых отношений, едва ли может быть поколеблен.

Свободные/несвободные формы бессоюзного сложного предложения

Описанная синтаксическая форма характеризует бессоюзные сложные предложения свободной структуры. Им противостоят предложения несвободной структуры типа *Приди он раньше, ничего бы не случилось*. Форма таких предложений устроена особым образом: она включает глагол, план выражения которого — повелительное наклонение, а план содержания — особая, отнюдь не повелительная, функция — пометить предикативную конструкцию, включающую данный глагол, как условие по отноше-

---

[25] См., например: *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, с. 142—143; Русская грамматика, т. II, с. 634.

[26] Хотелось бы особо выделить две весьма важные и перспективные в этом плане работы: *Макаров В. Г.* Интонационная структура бессоюзных эллиптических сложных предложений. Автореф. канд. дис. М., 1975; *Соколова Г. В.* Бессоюзные сложные предложения с причинным значением в аспекте описания русского языка как иностранного. Автореф. канд. дис. М., 1983.

нию к другой предикативной конструкции. Обусловленность такого значения формой повелительного наклонения глагола в непрямом, проявляемом только в данной структуре, значении и позволяет характеризовать данные конструкции как несвободные.

Синтаксическая форма таких несвободных конструкций не имеет ничего общего с формой собственно бессоюзных предложений. Отличия этих форм очевидны: в несвободных структурах в число средств выражения включается форма глагола с особым значением — в бессоюзном предложении средства выражения — интонационные. Средства выражения несвободной структуры дают синтаксическое значение, аналогичное тому, которое выражается союзом или союзным словом, ср.: *Приди он раньше — ничего бы не случилось = Если бы он пришел раньше, ничего бы не случилось.*

Форма несвободных структур более близка к союзному типу, чем к бессоюзному, поскольку средства выражения в несвободных структурах выражают определенные смысловые отношения без прямой опоры на лексико-семантическое содержание соединяемых частей. Между прочим, это, по-видимому, отражается и в пунктуационной практике: в несвободных конструкциях ставится (,) между предикативными конструкциями, а не (:) или (—), как в собственно бессоюзных сложных предложениях.

Синтаксическая форма бессоюзного сложного предложения и некоторые языковые дихотомии

Итак, бессоюзные сложные предложения имеют свою особую синтаксическую форму, отличную от синтаксической формы союзного типа. Сопоставление синтаксических форм бессоюзного и союзного сложных предложений показывает: (1) синтаксическая форма бессоюзного сложного предложения действует только в тесном взаимодействии с лексико-семантической структурой предложения: активизировать в форме бессоюзного сложного предложения можно только такие смысловые отношения между предикативными конструкциями, которые с очевидностью вытекают из лексико-семантического содержания этих предикативных конструкций, — синтаксическая форма союзного типа действует вне зависимости от лексико-семантического содержания предикативных конструкций: союз или союзное слово выражают нужный тип отношения при любом содержании предикативных конструкций; они могут выразить также алогичные для данных предикативных конструкций отношения; (2) в бессоюзном сложном предложении синтаксическая форма только активизирует смысловые отношения между предикативными конструкциями — в союзном типе синтаксическая форма выражает и дифференцирует смысловые отношения между предикативными конструкциями.

Сущность синтаксических форм союзного и бессоюзного типов сложного предложения во многом, как кажется, определяется

действием двух общеязыковых антиномий: говорящий/слушающий и код/текст [27].

Антиномия говорящего и слушающего заключается в следующем: «. . .в интересах говорящего упростить высказывание мысли, в интересах слушателя упростить процесс восприятия высказывания» [28]. Используя форму бессоюзного сложного предложения, говорящий как бы предлагает слушающему решить некоторую семантическую задачу — вывести смысловые отношения из содержания данных предикативных конструкций, сам же говорящий не утруждает себя поисками грамматического средства — союза или союзного слова, способного эксплицировать данные смысловые отношения. Синтаксическая форма бессоюзного сложного предложения работает, таким образом, на говорящего. Используя форму союзного сложного предложения, говорящий должен позаботиться о выборе средства, эксплицирующего смысловые отношения, слушающий тем самым избавляется от решения семантических «задач». Союзный тип сложного предложения, таким образом, работает на слушающего.

Антиномия кода и текста интерпретируется так: «Если говорящий и слушатель понимают друг друга, то это означает, что у них в памяти существует общий код (набор знаков) и они по общим для них законам сочетают их, создавая текст. Между текстом и кодом существует определенная связь: стоит нам укоротить код (выбросить из него некоторые знаки), как, при прочих равных данных, необходимо будет удлинить текст» [29]. Синтаксическую форму бессоюзного сложного предложения можно рассматривать как такую форму, в которой, по сравнению с формой союзного типа, упрощен код — нет кодового грамматического средства (союза или союзного слова). «Устранение» такого кодового средства ведет не к удлинению, но к явному усложнению требований, предъявляемых к лексико-семантическому содержанию предикативных конструкций (что в целом аналогично усложнению текста); это требование, как уже сказано, сводится к тому, чтобы создать такое содержание предикативных конструкций, из которого слушатель легко выведет нужные смысловые отношения. Таким образом, союзные сложные предложения являются, если так можно сказать, более «кодовыми», чем бессоюзные.

---

[27] Как убедительно показано в четырехтомной монографии, посвященной исследованию развития русского языка в советском обществе, данные антиномии, а также антиномии узус/возможности языковой системы, информационная/экспрессивная функции языка, дихотомия, обусловленная асимметричностью языкового знака, определяют саморазвитие языка и, следовательно, определяют устройство его системы в тот или иной период (Русский язык и советское общество. Лексика современного русского языка. М., 1968, с. 23—27).

[28] Там же, с. 24.

[29] Там же, с. 25.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА БЕССОЮЗНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Синтаксическая форма бессоюзных сложных предложений способна проявить себя, т. е. активизировать смысловые отношения между предикативными конструкциями, только при определенном, благоприятном для этого лексико-семантическом содержании предикативных конструкций. Поэтому описание неформальной семантики бессоюзных сложных предложений является необходимым компонентом описания. Семантический компонент описания бессоюзных сложных предложений состоит из двух основных частей: (1) определение тех смысловых отношений, которые имплицитно даны в данном бессоюзном сложном предложении и активизированы его синтаксической формой, и (2) определение тех семантических условий, при которых эти отношения могут быть даны как имплицитные.

Из опыта описания смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении

Обсудим следующее. А. М. Пешковский и Н. С. Поспелов и их последователи разработали описание системы смысловых отношений в соответствии с интонационными типами, которые, по их мнению, выражают эти отношения — нельзя ли, отвергнув интонационную основу выражения этих отношений, сохранить для описания саму систему отношений? Концепция бессоюзного сложного предложения А. М. Пешковского предполагает сведение смысловых отношений в бессоюзных предложениях к значению соответствующих союзов и союзных слов. Это сведение связано с труднопреодолимыми противоречиями, поскольку вполне обычны такие бессоюзные предложения, которые с равным успехом могут быть развернуты в союзные с помощью нескольких семантически неоднородных союзов или союзных слов. Давно уже обращалось внимание на то, что в предложениях типа *Чин следовал ему — он службу вдруг оставил* (А. Грибоедов) очевидна семантика и союза *хотя* (*Хотя чин следовал ему, он службу вдруг оставил*), и союза *но* (*Чин следовал ему, но он службу вдруг оставил*) [1], и всякое ориентированное на союзы и союзные слова и в то же время

[1] См. об этом: *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. М., 1961. Ч. II, с. 305; *Крючков С. Е., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1969, с. 140.

претендующее на объективность описание смысловых отношений в бессоюзных предложениях всегда имеет много оговорок о так называемых неясных случаях. А. Н. Гвоздев, например, анализируя предложения типа *Я пытался говорить с детьми по-польски, но они в ответ только смущенно переглядывались — они меня не понимали* (К. Паустовский), отмечает, что эти предложения, характеризующиеся тем, что вторая часть так или иначе раскрывает и дополняет содержание первой, не имеют единства и четких границ, некоторые из них указывают основания, которыми обусловлено то, о чем сообщается в первом предложении, и непосредственно примыкают к причинным предложениям, но «выражают менее четкие отношения» [2]. Необходимость таких весьма расплывчатых формулировок свидетельствует о том, что противоречия в описании смысловых отношений путем приравнивания их к союзным отношениям неизбежны и едва ли устранимы.

Предложенное Н. С. Поспеловым описание смысловых отношений в бессоюзных предложениях вне зависимости от системы смысловых отношений в союзном типе в целом внутренне непротиворечиво, но, как кажется, в своей последовательности доведено до ненужных крайностей: многие отношения, имеющие явные соответствия в союзных типах, характеризуются особыми терминами. Так, в предложениях типа *Слышим — отпирают сарай* семантические отношения определяются как пояснительные, и явные соответствия предложению с изъяснительными отношениями — *Слышим, что отпирают сарай* — во внимание не принимаются. Надо заметить, что впоследствии классификация смысловых отношений в бессоюзных сложных предложениях, основывающаяся в целом на концепции Н. С. Поспелова, сделала шаг в сторону, так сказать, союзного типа: предложения подобные приведенному стали характеризоваться как предложения с изъяснительно-объектными отношениями, ср.: *Я тебе определенно скажу: у тебя есть талант* (А. Фадеев); *Мы слышим: сердце плещется в груди. Мы чувствуем: наш голос чист и ясен* (А. К. Толстой) [3].

Другим не вполне ясным моментом в системе смысловых отношений Н. С. Поспелова является место в системе некоторых типов. Не совсем понятна, в частности, семантическая трактовка Н. С. Поспеловым бессоюзных предложений со значением 'действие и его результат' типа *Кариотти толкнул меня — я очнулся* (А. Первенцев). Не ясно, почему нельзя определять такие отношения как следственные (*Кариотти толкнул меня — и поэтому [так что] я очнулся*). К этому же типу отнесено предложение *Оленин стал стучать слегка: никто не отзывался* (Л. Толстой), но почему

[2] *Гвоздев А. Н.* Указ. соч., с. 302—303.

[3] *Крючков С. Е., Максимов Л. Ю.* Указ. соч., с. 145—146. — В классификациях, основывающихся на уподоблении бессоюзного сложного предложения союзному, подобная трактовка этого типа никогда не вызывала сомнений. А. Н. Гвоздев рассматривает предложения типа *Думал, случайный ветерок шевельнул старым листом, — а это вылетела первая бабочка* как бессоюзные сложные предложения с дополнительным придаточным (*Гвоздев А. Н.* Указ. соч., с. 301).

в таком предложении нельзя видеть противительных отношений (*Оленин стал стучать слегка, но никто не отзывался*) [4]. Складывается впечатление, что смысловой тип 'действие и его результат' не является самостоятельным, а всегда входит в какой-то иной тип отношений. Факты подобного рода позволяют заключить, что система смысловых типов бессоюзного сложного предложения у Н. С. Поспелова и его последователей оказывается недостаточно упорядоченной.

Отметим, что указанные противоречия в описании смысловых отношений между предикативными конструкциями дают себя знать и в «Русской грамматике». Вот только некоторые спорные интерпретации смысловых отношений. Смысловые отношения в предложении *Кукушка закуковала — пора сеять лен, Запили соседи — загуляем и мы* характеризуются как условные [5]. Но, кажется, ничто не мешает интерпретировать эти отношения и как следственные — 'кукушка закуковала, и поэтому пора сеять лен', 'запили соседи — поэтому загуляем и мы'. Смысловые отношения в предложениях типа *Вы требовали — я должна была уступить вам* (А. Островский) характеризуются как следствие и результат [6], но здесь кажутся очевидными и причинные отношения — 'так как вы требовали, я должна была уступить вам'.

Итак, опыт описания системы смысловых отношений в бессоюзных сложных предложениях показывает, что, с одной стороны, система смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении не может быть сведена к системе смысловых отношений в союзном типе, а с другой — неверно игнорировать явное сходство некоторых типов смысловых отношений в бессоюзном и союзном типах.

О метаязыке описания смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении

Чтобы избежать отмеченных противоречий в описании смысловых отношений, учтя и сходство, и различие этих отношений и в союзном, и в бессоюзном типе, кажется полезным принять для описания некоторый метаязык, на котором и только на котором определять смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении. В этом случае удастся, по-видимому, избежать и выделения «перекрещивающихся» смысловых типов, таких, как следственный и пересекающийся с ним тип действие и его результат в классификации Н. С. Поспелова. Чтобы выявить сходство и различие смысловых отношений в союзном и бессоюзном типе, полезно иметь один метаязык для описания смысловых отношений во всех типах сложного предложения, союзном и бессоюзном.

[4] *Поспелов Н. С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 347.

[5] Русская грамматика. М., 1980. Т. II, с. 641.

[6] Там же, с. 649.

Метаязык не мыслится здесь как что-то совершенно новое в описании семантики сложных предложений. Собственно говоря, метаязык, правда не всегда осознанный и упорядоченный, имеет место практически в любой классификации сложных предложений, представляя из себя систему таких терминов как сочинительные, противительные, изъяснительные и т. п. отношения. Поэтому нет никакой необходимости создавать новую терминологию. Речь идет только о том, чтобы принять определенную систему уже хорошо известных терминов и последовательно исходить из этой системы. В эту систему, естественно, войдут и те термины, которыми характеризуются смысловые отношения в сложносочиненном и сложноподчиненном предложениях. Обратим внимание на то, что тот метаязык, который будет использоваться в нашем описании, служит для определения смысловых отношений между предикативными конструкциями в отвлечении от определенного конкретного средства их выражения. И поэтому, если речь идет, например, о противительных отношениях, то нельзя сказать, имея только данный термин, являются ли эти отношения сочинительными или подчинительными, поскольку выражение сочинения/подчинения — свойство союзов или союзных слов. Сочинительные союзы имеют и-функцию, подчинительные союзы (и союзные слова) лишены этой функции. В метаязыке, на котором будут описываться смысловые отношения, и-функция не фигурирует.

С другой стороны, хотя метаязык и мыслится как система «чистых» смысловых отношений между предикативными конструкциями, абстрагированная от средств выражения этих отношений, строить метаязык для описания сложного предложения полезно все же с оглядкой на способ выражения тех или иных отношений. Нельзя в этом плане не принять во внимание то, что язык располагает специальными средствами выражения и дифференциации смысловых отношений в сложном предложении — союзами и союзными словами. В число единиц метаязыка следует прежде всего включить такие термины, которые обозначают отношения, способные в неосложненном виде выражаться союзами или союзными словами.

Достаточным для описания смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении в соответствии с отношениями в союзном типе является следующий набор простых отношений.

Тип отношения	Примеры
1. Перечислительные отношения	Спускаются длинные тени, Горят за окном фонари, Темнеет высокая зала, Уходят в себя зеркала (*М. Цветаева*); (о печатании статей к диссертации) В Ригу тезисы послала/ в Горьком обещали (взять статью в сборник)/ у нас сборник будет//

Тип отношения	Примеры
2. Разделительные отношения	Так ли, нет, — должны мы помнить О его слезе святой (А. Твардовский); Непонятно что творится// Мороз двадцать градусов/ течет все// 'или мороз двадцать градусов, или оттепель (течет все)'; Или я не понимаю, или ты не хочешь меня понять (А. Чехов)
3. Сопоставительные отношения	Из гнезда упавших щеглов Косари приносят назад — Из горящих вырвусь рядов И вернусь в родной звукоряд (О. Мандельштам); Луна стояла высоко над садом, а ниже ее куда-то на восток неслись прозрачные туманные пятна (А. Чехов); Он после школы у нас гуляет/ Артем спит//
4. Противительные отношения	Мы кричали долго, до хрипоты, ни никто нам не отвечал (К. Паустовский)
5. Альтернативные отношения	Пойдем гулять, а то поздно будет.
6. Объяснительные отношения	Это была легкая служба: на моей обязанности было снабжать городские библиотеки литературой (В. Каверин); Неприветливо встретила Италия наших путешественников: дул сирокко, очень горячий, сухой африканский ветер (В. Катаев); Время стояло самое благоприятное, то есть было темно, слегка морозно и совершенно тихо (С. Аксаков)
7. Пояснительные отношения	Про себя Данилов сформулировал задачу так: из доктора Белова надо сделать начальника поезда (В. Панова)
8. Определительные отношения	Человек, которого я привел, сидел на стуле, низко наклонив голову, свесив вдоль туловища красные руки (М. Горький); На детскую площадку/ недавно сделали в парке/ ходим мы теперь// (гулять с ребенком)
9. Изъяснительные отношения	Я проснулась и припомнила: Милый, нынче праздник твой (А. Ахматова); Она говорила/ не ждут они никого этим летом на даче//; Даше казалось, что цветок тянется к ней (А. Платонов)
10. Компаративные отношения	Он оказался выносливее, чем думали (Б. Лавренев); У них комната больше даже/ вот у нас на Кадомцева (название улицы) была//
11. Знаковые отношения	Все небо над лесом усеяно движущимися черными точками: это грачи летят на ночлег (А. Чехов) 'это знак того, что грачи летят на ночлег'.

Тип отношения	Примеры
12. Отношения степени	Я вам такие места покажу, что вы ахнете (К. Паустовский); А. А вы долго гуляли? Б. Мы гуляли/ замерзли совсем// 'мы так долго гуляли, что замерзли совсем'.
13. Отношения меры	Тут увидишь ты столько золота, сколько ни тебе, ни Коржу не снилось (Н. Гоголь); А. А сколько же она получает как стажер-то? Б. Я не знаю точно// По-моему им платят/ вот младшие научные сотрудники получают//
14. Сравнительные отношения	Море пахло остро, как пахнут огороды, обильно политые на рассвете (К. Паустовский); У вас ручка/ я вот в прошлом году потеряла//
15. Отношения места	Там, где решетка обвалилась, виден запущенный сад (А. Чехов); Я катался/ в прошлом году помнишь с Киркой гуляли// 'я катался там, где в прошлом году с Киркой гуляли'.
16. Отношения времени	Когда невыносимый полуденный зной заставил нас искать убежище, он свел нас на пасеку, в самую глушь леса (И. Тургенев).
17. Отношения причины	И только совесть с каждым днем страшней Беснуется: великой хочет дани (А. Ахматова); Я на трамвае не езжу/ пробки там бывают жуткие//; Нетрудно было найти этот дом, потому что вся улица состояла только из одного дома (В. Каверин)
18. Отношения следствия	По лучу со скрипом Тянется обоз — Суховатой липой Пахнет от колес (С. Есенин); Высоко ласточки/ не будет дождя//; Вслед за молнией на землю пролился дождь, густой и скорый, так что стало сумрачно вокруг (А. Платонов)
19. Отношения условия	Если задеть рукой или веслом за космы мха, из него вылетает густым облаком яркая изумрудная пыль (К. Паустовский); Я от скуки — на все руки. Буду жив — мое со мной (А. Твардовский); Он поступит (в институт)/ будет заниматься как следует//
20. Отношения цели	Пеликан тряс шеей, чтобы протолкнуть окуня в желудок (К. Паустовский); Давай я чего-нибудь увезу/ не тащить тебе много//
21. Отношения уступки	По-прежнему я жила у Киры, много читала и работала, хотя это было не очень удобно (В. Каверин)

Представленный метаязык задан как достаточный для того, чтобы описать все те отношения, которые имеют место в бессоюзном сложном предложении, и показать как сходства, так и различия смысловых отношений в бессоюзном и союзном типах сложного предложения. Для описания же смысловых отношений в союзном типе предложенный метаязык может оказаться и недостаточным.

Для того чтобы показать и сходства, и различия смысловых отношений в бессоюзном и союзном типах, постулируем для принятого метаязыка два свойства: (1) термины, составляющие метаязык, являются элементарными, неразложимыми на более мелкие составляющие; (2) из элементарных можно составлять сложные, включающие несколько элементарных, термины.

Принципиально важно для понимания смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении различие двух типов смысловых отношений: дифференцированных и недифференцированных.

Дифференцированные/недифференцированные отношения в бессоюзном сложном предложении

Дифференцированными являются такие смысловые отношения между предикативными конструкциями, которым в метаязыке соответствует одна единица, один термин. Так как один компонент метаязыка в большинстве случаев может быть выражен союзом или союзным словом, то бессоюзные сложные предложения с дифференцированными отношениями и соответствующие союзные в плане смысловых отношений ничем не отличаются друг от друга: то, что в союзном типе эксплицируется союзом или союзным словом, в бессоюзном заложено в лексико-семантическом содержании предикативных конструкций: *Про себя я давно решил, что это единственный выход — Про себя я давно решил: это единственный выход; Но Лиза не хотела оставаться, потому что ей было не по себе — Но Лиза не хотела оставаться: ей было не по себе.*

Недифференцированными являются такие смысловые отношения между предикативными конструкциями, характеристика которых требует двух и более компонентов метаязыка. Ср.: *Подул северный ветер — стало холодно*, где в лексико-семантическом содержании имплицитно заложены и отношения следствия ('подул северный ветер — и поэтому стало холодно'), и отношения причины ('так как подул северный ветер, стало холодно'), и временные отношения ('когда подул северный ветер, стало холодно'); *Промокли/ нитки сухой нет//*, где и отношения следствия ('промокли, и поэтому нитки сухой нет'), и отношения степени ('промокли до такой степени, что нитки сухой нет').

Недифференцированные смысловые отношения, по-видимому, неверно представлять как простое механическое сложение двух и более дифференцированных отношений. Недифференцированное значение — это сплав, своеобразная амальгама двух и более простых значений. Поэтому, обозначая недифференцированные

значения на принятом метаязыке сложными терминами типа причинно-следственные-временные, будем иметь постоянно в виду, что речь идет в сущности об одном значении. И если бы не трудности создания новых терминов, каждое недифференцированное значение могло бы иметь свое обозначение с соответствующим толкованием на метаязыке.

Понятие дифференцированного/недифференцированного отношений позволяет осуществить некоторые важные сопоставления в плане семантической организации союзного и бессоюзного сложного предложения. Союз и союзное слово выражают смысловые отношения между предикативными конструкциями, как уже было сказано, сами по себе, без опоры на лексико-семантическое содержание соединяемых предикативных конструкций. Однако, как правило, и в союзном типе сложного предложения лексико-семантическое содержание соединяемых предикативных конструкций прогнозирует смысловые отношения между ними и, следовательно, в некоторой степени прогнозирует употребление определенного союза или союзного слова [7].

Союз (союзное слово) — это в таком случае экспликация того, что уже задано лексико-семантическим содержанием предикативных конструкций. Именно это и дало, по-видимому, основание С. О. Карцевскому высказать определяющее весь ход описания сложного предложения положение о том, что подчинению, которое трактуется исключительно как союзная связь, психологически и исторически «предшествует бессоюзие, явление всегда живое» [8].

При дифференцированном значении соотношение смысловых отношений, выводимых из лексико-семантического содержания предикативных конструкций в бессоюзном предложении и семантики соответствующего этим отношениям союза или союзного слова, просто и очевидно: семантика союза или союзного слова полностью эксплицирует заложенные в содержании отношения.

---

[7] Интересны в этом плане соображения Т. М. Николаевой о разграничении маркированного и немаркированного лексического состава частей сложного предложения. «Возьмем для примера, — пишет Т. М. Николаева, — двучленные ряды простых предложений: *Начнется война/ король утратит мужество; Стало душно/ я вышел; Он понял/ узнали правду; Уйти незаметно было нельзя/ он вышел открыто; Стоило ему войти/ все притихли.* Попробуем подставить в приведенные ряды возможные союзы — экспликаторы отношений. Очевидно, что в первом случае число возможных союзов будет очень большим (*Если начнется война, король утратит мужество; Начнется война, потому что король утратит мужество; Начнется война, хотя король утратит мужество; Начнется война, и король утратит мужество; Так как начнется война, король утратит мужество* и т. д.). Во втором примере число возможных союзов явно уменьшается (*Стало душно, и я вышел; Поскольку стало душно, я вышел* и т. д., но не *если стало душно, я вышел*). Двигаясь далее по приведенному ряду примеров, мы видим, что для последней пары предложений оказывается возможным вставить лишь союз *как* (*Николаева Т. М.* О понятии «формула предложения». — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969, с. 316—317).

[8] *Карцевский С. О.* Бессоюзие и подчинение в русском языке. Пер. с франц. — ВЯ, 1961, № 2, с. 125.

Недифференцированные отношения в этом аспекте требуют специального обсуждения.

Поскольку в состав многих недифференцированных значений входят компоненты, способные каждый в отдельности эксплицироваться союзами или союзными словами, то следует обсудить вопрос о том, в каком отношении друг к другу находятся бессоюзные сложные предложения с недифференцированным значением и соответствующее союзное предложение, в котором эксплицирована союзом часть значения, ср.: *Кончился дождь — пошли дальше* и *Когда кончился дождь, пошли дальше* (время), *Кончился дождь, и поэтому пошли дальше* (следствие). Возможно два решения этого вопроса. Чтобы яснее их представить, обозначим недифференцированное значение как xz, а соответствующие союзы как x и z. Можно думать, что бессоюзное предложение со значением xz отличается от союзного предложения с тем же лексическим составом и союзами x или z только характером структуры значения: в бессоюзном предложении значения x и z сплавлены в одно целое, в союзном предложении союз (или союзное слово) расщепляют значение на две неравноправные части. На первое ведущее место выходит значение, эксплицированное союзом (или союзным словом), а имплицитно данная в лексико-семантическом содержании предикативных конструкций другая часть значения остается на втором плане.

Заметим, что при описании смысловых отношений в союзных предложениях некоторые исследователи говорят об оттенках значения, о добавочных значениях. Л. Ю. Максимов, например, полагает, что при описании присубстантивно-относительного типа (сложноподчиненные предложения с определительными отношениями) должны быть выделены «конструкции с типизированными лексическими элементами, вызывающими добавочные сопоставительно-обстоятельственные оттенки причины, уступки, условия, следствия»: *Не завидуй доле царя, которому в каждом углу мерещится измена да крамола* (В. Солоухин); *Никак нельзя причислить такую архитектурную постройку, которой всего-навсего сто лет, к памятникам старины* (В. Солоухин) [9]. Не исключено, что такие добавочные значения можно интерпретировать как оставшуюся не эксплицированной союзом часть имплицитного значения. Однако справедливость такой интерпретации и вообще обоснованность выделения в союзном предложении имплицитной части значения даже на втором (добавочном, оттеночном) плане может быть подвергнута серьезному сомнению. Вполне можно предположить, что функция союза (союзного слова) в сложном предложении состоит не только в том, чтобы выразить

[9] *Максимов Л. Ю.* Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка). Автореф. докт. дис. М., 1971, с. 23. См. также: *Шахматова М. А.* Определительные придаточные предложения с добавочным пространственным значением в русском языке. Автореф. канд. дис. Л., 1973.

соответствующее значение, но и в том, чтобы подавить, нейтрализовать все те смысловые отношения, которые могут быть заложены как имплицитные в лексико-семантическом содержании предикативных конструкций. Во всяком случае потребность в выражении четкой однозначности смысловых отношений между предикативными конструкциями не может быть поставлена под сомнение. Если союз (союзное слово) подавляют имплицитные значения, то смысловые отношения в бессоюзных предложениях с недифференцированными значениями и в соответствующих союзных предложениях — это просто разные значения, разные и по объему, и по своей внутренней структуре.

Чтобы подтвердить (или опровергнуть) наличие в бессоюзном сложном предложении недифференцированных значений и прояснить вопрос о соотношении бессоюзных сложных предложений с недифференцированным значением и соответствующих союзных предложений, был проведен такой эксперимент [10]. 30 информантам было предложено определить, какие смысловые отношения существуют между предикативными конструкциями в бессоюзном сложном предложении *Кончился шторм — рыбаки снова вышли в море.*

Информантами были лингвисты, но не специалисты по сложному предложению. В качестве информантов были привлечены лингвисты потому, что это люди с достаточно тонким «семантическим» слухом, отказ от услуг специалистов по сложному предложению объясняется тем, что их ответы могли диктоваться соответствующими лингвистическими убеждениями, а не восприятием семантики.

Ответы характеризовались большим разнообразием, приведем некоторые, наиболее характерные: «в предложении выражается причинно-следственная взаимообусловленность»; «в предложении выражена временна́я последовательность событий, на которую накладывается следственная связь»; «в предложении представлена сложная гамма смысловых отношений (причина и следствие, временна́я зависимость), точно определить смысловые отношения можно только в достаточно широком контексте». Показательно, что только три информанта определили смысловые отношения в данном предложении однозначно: двое как временны́е, один как следственные. В целом, как мы видим, эксперимент не оставил сомнения в сложности предложенных для анализа смысловых отношений между предикативными конструкциями. Разнообразие же ответов объясняется тем, что информанты описывали свои «семантические» впечатления, не имея для этого какого-то метаязыка.

Когда информантам было предложено описать смысловые

[10] В этом и других экспериментах основную массу информантов представляли слушатели факультета повышения квалификации Калининского государственного университета. Всем участникам экспериментов автор выражает свою глубокую благодарность.

отношения только в заданных терминах, тех, которые используются в нашем метаязыке, то ответы уже были более однообразные: время и следствие; временно́е и причинно-следственное отношение, причинно-следственное отношение. Интересно отметить, что из трех информантов, давших однозначные ответы в первой части эксперимента, двое изменили свое решение, охарактеризовав отношения как временны́е со следственным оттенком. Эти колебания нам кажутся весьма показательными, и мы еще вернемся к их интерпретации. А пока сделаем окончательный вывод: данные эксперимента показывают, что недифференцированные смысловые отношения в бессоюзных сложных предложениях — безусловная языковая реальность.

Если иметь в виду способность союзов (союзных слов) порознь эксплицировать части недифференцированных смысловых отношений, то можно выделить три типа недифференцированных значений:

(1) Союзы (союзные слова) *x*, *z*, эксплицирующие по частям имплицитные смысловые отношения, могут вводиться только в одну и ту же предикативную конструкцию, ср.: недифференцированные причинно-альтернативные отношения: *Не ходи на улицу без свитера — простудишься* → *Не ходи на улицу без свитера, потому что простудишься* и *Не ходи на улицу без свитера, а то простудишься; Закрой окна: комары могут налететь* → *Закрой окна, потому что комары могут налететь* и *Закрой окна, а то комары могут налететь.*

(2) Союзы *x*, *z*, эксплицирующие по частям имплицитные смысловые отношения, вводятся в обе предикативные конструкции, ср. недифференцированные следственно-причинные отношения: *Голова заболела — не пойду гулять* → *Голова заболела, так что (и поэтому) не пойду гулять* и *Так как голова заболела, не пойду гулять*; недифференцированные условно-следственные отношения: *Потеплей бы стало — могли бы пойти на пляж* → *Если бы потеплей стало, могли бы пойти на пляж* и *Потеплей бы стало, и (поэтому) могли бы пойти на пляж.*

(3) Если недифференцированные смысловые отношения включают компоненты *xzy*, каждый из которых может эксплицироваться союзами *x*, *z*, *y*, то такие союзы распределяются по обеим предикативным конструкциям, ср. недифференцированные условно-следственно-временны́е отношения: *Закончу работу — съезжу куда-нибудь* → *Если закончу работу, съезжу куда-нибудь*, *Когда закончу работу, съезжу куда-нибудь*, *Закончу работу, и поэтому съезжу куда-нибудь.* Случаи, когда недифференцированные смысловые отношения, включающие три (и более) компонентов, эксплицировались бы союзами или союзными словами, способными входить только в одну предикативную конструкцию, нам неизвестны.

Недифференцированное значение определено здесь как сплав из нескольких компонентов. Однако роли составляющих этот сплав компонентов не всегда равноправны. Специально должны быть

обсуждены такие недифференцированные значения, в состав которых входят отношения: (а) условные и (б) следственные отношения.

Обратимся вновь к эксперименту. 30 информантам было предложено бессоюзное сложное предложение *Дожди начнутся — грибы появятся* для определения смысловых отношений в нем. Лексико-семантическая структура предикативных конструкций позволяет видеть в этом предложении недифференцированные смысловые отношения с компонентами: условие (*Если дожди начнутся, грибы появятся*), время (*Когда дожди начнутся, грибы появятся*), следствие (*Дожди начнутся, так что грибы появятся*), причина (*Так как дожди начнутся, грибы появятся*). Как уже было показано, иногда из нескольких возможных значений выбрать одно помогает фразовое ударение, в частности, фразовое ударение на глаголе *начнутся* первой предикативной конструкции способствует условному прочтению смысловых отношений. Информантам ничего не сообщалось о фразовом ударении. И тем не менее результаты эксперимента оказались достаточно красноречивыми: подавляющее большинство информантов (24) ясно и четко обнаружило прежде всего условные отношения; большинством информантов отмечались и другие, помимо условных, компоненты смысловых отношений, но уже во вторую очередь, менее единодушно и в весьма расплывчатых формулировках. Результаты эксперимента заставляют предположить, что в том случае, когда в недифференцированное значение входит условный компонент, он всегда будет осознаваться как ведущий. Это, по-видимому, связано с логико-семантическим характером условных отношений, которые, как правило, предполагают и временну́ю связь, и следственную связь. Достаточно сказать, что осуществленное условие дает чистую или осложненную временным компонентом следственную связь, ср.: *Будет тепло — посадим помидоры* (условие, время, следствие) — *Стало тепло — посадили помидоры* (следствие и время).

Изложение вопроса о недифференцированных смысловых отношениях со следственным компонентом удобно связать с проблемой конверсных отношений в бессоюзном сложном предложении. Конверсными, как показал Ю. Д. Апресян, можно называть такие выражения, которые представляют один и тот же смысл, но по-разному организованный. Семантическое назначение конверсивов состоит в том, чтобы передавать различия в логическом ударении (выделение, подчеркивание). Когда мы говорим *Перворазрядник выиграл у чемпиона*, мы подчеркиваем в качестве нового тот факт, что перворазрядник играет или играл очень хорошо (выиграл у самого чемпиона!). Когда мы говорим *Чемпион проиграл перворазряднику*, мы, при прочих равных условиях, подчеркиваем в качестве нового тот факт, что чемпион играет или играл не слишком хорошо (проиграл какому-то перворазряднику) [11]. Ясным примером конверсных отношений являются слож-

[11] *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, с. 256—257; *Он же.* Синонимия и конверсивы. — РЯНШ, 1970, № 6, с. 10.

неподчиненные предложения с причинными и следственными отношениями: *Я не пошел гулять, потому что у меня болела голова* ↔ *У меня болела голова, так что я не пошел гулять*; *Мы спрятались под дерево, потому что начался дождь* ↔ *Начался дождь, так что мы спрятались под дерево.* Если бы мы захотели изобразить содержание двух последних предложений на картине, то понадобилось не две, а одна картина, что хорошо показывает суть конверсных преобразований. Возможны ли конверсные отношения в бессоюзных предложениях, соотносимых с приведенными союзными (*Я не пошел гулять: у меня болела голова*; *Мы спрятались под дерево: начался дождь*)? Лексико-семантическое содержание предикативных конструкций в этих предложениях таково, что позволяет видеть недифференцированные причинно-следственные отношения. Однако роль каждого из компонентов явно зависит от порядка слов. Это также может быть доказано экспериментально. Наши 30 информантов получили для соответствующего смыслового анализа такие бессоюзные предложения (а) *У него была температура — он остался дома* и (б) *Он не пошел гулять: у него болела голова.* Об этом эксперименте можно сказать, что его результаты были в известной мере неожиданными. Информанты были единодушны в определении смысловых отношений в (а) как следственных, а в (б) как причинных. Большинство (17 человек) такой характеристикой и ограничились, что уже ясно показывает первостепенную роль этих отношений в (а) и (б). 13 человек нашли в (а) еще причинные отношения. Что же касается предложения (б), то только 3 человека заметили в нем, помимо причинных, еще и следственные отношения. Возникло подозрение, что это было сделано под «влиянием» предложения (а) ради, так сказать, симметричности описания: следственно-причинные в (а) и причинно-следственные в (б). Поэтому предложение (б) было предложено для определения смысловых отношений в нем новым 15 информантам. 14 информантов нашли в этом предложении только следственные отношения и только один информант охарактеризовал отношения как отношения обусловленности, не детализируя, о какой именно обусловленности идет речь. Неожиданным в данном эксперименте было то, что, казалось бы, достаточно бесспорные недифференцированные отношения большей половиной информантов в предложении (а) и подавляющим числом информантов в предложении (б) были восприняты как дифференцированные: следственные в (а) и причинные в (б). Данные эксперимента дают основание для следующих заключений. Если лексико-семантическое содержание предикативных конструкций таково, что из него потенциально вытекают и причинные и следственные отношения, способные образовать конверсную пару, то решающее значение в определении смысловых отношений приобретает порядок следования предикативных конструкций: на первое место выходят такие смысловые отношения, которые определяют смысловую роль второй предикативной конструкции по отношению к первой и только на втором плане

осмысляется (если осмысляется вообще) возможная роль первой предикативной конструкции по отношению ко второй. Малое количество информантов, увидевших следственный компонент в предложении (б), заставляет предположить, что предикативная конструкция со следственным значением на первом месте вообще располагаться не может. В этом можно видеть давление союзного типа: причинная придаточная часть может (при союзе *так как*) занимать любое место (*Так как начался дождь, мы спрятались под дерево* и *Мы спрятались под дерево, так как начался дождь*), а следственная придаточная часть на первом месте невозможна. Но дело, по-видимому, не столько в давлении союзного типа, сколько в собственно логических законах: нельзя начинать мыслить со следствия, следствие всегда должно из чего-то следовать [12].

В зависимости от того, как интерпретируются смысловые отношения в предложениях, лексико-семантическое содержание которых имплицитно дает причинные и следственные отношения, выделяются две разновидности конверсных отношений. Обе они основаны исключительно на порядке следования предикативных конструкций. Если смысловые отношения толкуются в обоих предложениях как дифференцированные, то, как и в союзном типе, в конверсные отношения вступают соответственно причинные и следственные смысловые отношения: *У него была температура — он остался дома* (следствие) ↔ *Он остался дома — у него была температура* (причина). Если смысловые отношения толкуются как недифференцированные в обоих предложениях, то конверсные отношения можно видеть только в том случае, если в одном предложении на первое по значимости место выводится следствие с причиной на втором плане, а в другом предложении наоборот: на первое место выводится причина со следствием на втором плане. Так как осмысление при причинных отношениях следствия даже на втором плане сомнительно, сомнительно и существование такой конверсной пары. В том случае, если в одном предложении смысловые отношения толкуются как недифференцированные следственно-причинные, а в другом как только причинные и, следовательно, дифференцированные, конверсной пары из-за различия значений не получается.

Эксперименты по определению смысловых отношений в бессоюзных сложных предложениях информантами показывают одно важное свойство недифференцированных смысловых отношений.

---

[12] Показательно следующее. Если в первом издании книги С. Е. Крючкова и Л. Ю. Максимова «Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения» (М., 1969) предложения типа *Осень и зиму Павел не любил: они приносили ему много физических страданий* рассматриваются как следственно-причинные, то во втором издании этой книги (М., 1977) Л. Ю. Максимов толкует подобные предложения только как причинные, отказываясь от выделения следственно-причинного типа. Заметим еще, что и Н. С. Поспелов выделяет бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями, но предложений со следственно-причинными отношениями не отмечает (см.: Грамматика русского языка. М., 1960. Т. II, ч. 2, с. 392).

Многие информанты определяли потенциально недифференцированные смысловые отношения как дифференцированные, в то время как другие информанты интерпретировали те же смысловые отношения именно как недифференцированные: ср., например, приведенные выше данные об анализе информантами смысловых отношений в предложении *У него была температура — он остался дома*. Едва ли было бы верно решить вопрос о характере смысловых отношений, ориентируясь на большинство ответов, посчитав все другие ответы неверными. Дело представляется более сложным. Во внимание, как кажется, должны быть приняты два момента.

Во-первых, контекстное и ситуативные условия употребления бессоюзного сложного предложения могут «выбрать» из недифференцированных отношений только один компонент, сделав тем самым значение дифференцированным, ср.: *Уехала я из Прибалтики: дожди начались*, где потенциально заложены недифференцированные причинно-временные отношения (*Уехала я из Прибалтики, потому что дожди начались* и *Уехала я из Прибалтики, когда дожди начались*), но в диалогическом тексте при ответе на вопрос *Почему ты уехала из Прибалтики?* данное предложение будет осмыслено только в причинном значении, а при ответе на вопрос *Когда ты уехала из Прибалтики?* — только во временно́м значении. Поэтому один из наших информантов имел все основания связать вопрос о смысловых отношениях в бессоюзном предложении с вопросом о контексте, в котором оно употребляется. Если бы контекст всегда выбирал одно значение, то следовало бы говорить вообще не о дифференцированности, а о многозначности смысловых отношений. Однако типичность и частотность таких контекстов, в которых осмысляется весь недифференцированный комплекс, не позволяет принять такую точку зрения.

Во-вторых, не исключены, как кажется, случаи, когда говорящий употребляет бессоюзное сложное предложение с недифференцированным значением для того, чтобы выразить только один из компонентов значения, другие компоненты, которые «вытекают» из лексико-семантического содержания предикативных конструкций, говорящему не мешают, он их как бы не замечает. Говорящему может быть безразлично, воспримет ли слушающий его бессоюзное сложное предложение с дифференцированным или недифференцированным значением. Естественно, что подобного рода случаи «безразличия» возможны только в таких нестрогих сферах языка, каким, например, является разговорная речь или поэзия, но совершенно исключены, например, в строгом научном изложении, которое вообще избегает недифференцированных значений.

Возможность использовать бессоюзные сложные предложения с потенциально недифференцированными значениями как предложения с дифференцированными значениями — важное свойство недифференцированного значения, свидетельство динамичности

www.ruslang.ru

бессоюзных сложных предложений с недифференцированными отношениями.

Недифференцированные значения не ограничиваются только сферой бессоюзного сложного предложения, а представляют собой, как кажется, одну из существенных черт семантики языка вообще. Д. Н. Шмелев показал, что недифференцированные — в терминологии Д. Н. Шмелева диффузные — значения являются одним из существеннейших свойств многозначного слова. Понятие диффузности значения поясняется на примере употребления прилагательного *новый* у А. Блока:

И в новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту.

Как полагает Д. Н. Шмелев, прилагательное *новый* употребляется здесь почти во всех из значений, отмеченных в бо́льшом академическом словаре и, «конечно, нет смысла настаивать на однозначном выборе». «Принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику. То, что лексикографические описания, — пишет Д. Н. Шмелев, — не отражают этого (более того, именно стремятся освободить словарные статьи от «неопределенных» примеров), существенно искажает представление о семантической структуре описываемых слов» [13]. В синтаксисе недифференцированные значения известны не только в бессоюзном предложении. Многие исследователи эллиптических предложений (или как их еще называют предложений с нулевыми полнозначными глаголами) типа *Татьяна — в лес, медведь — за нею* (А. Пушкин) установили, что незамещенная позиция глагола в таких предложениях передает смысл не отдельного определенного глагола, а целой группы однородных по значению глаголов, в приведенном примере это глаголы движения *побежать, броситься, устремиться* и т. п., и нет оснований при замещении этой позиции предпочесть один из названных глаголов другому [14].

Те смысловые отношения, которые здесь названы недифференцированными, эпизодически отмечались и раньше. С. Е. Крючков и Л. Ю. Максимов замечают: в некоторых бессоюзных сложных предложениях значение первой части недостаточно дифференцировано: она может быть воспринята и со значением условным, и со значением временны́м, например: 1) *Если увидишься с Горьким — поговори с ним*; 2) *Когда увидишься с Горьким — поговори с ним* [15]. Недостаточная дифференцированность здесь интерпретируется просто как неясность выбора между рядом значений. О неясности выбора говорит и М. Кубик, рассматривая предложения типа *В лесу было много грибов — моя маленькая сестра не нашла ни одного*; *Ему об этом собрании сообщили — он не пришел, Купил билеты — не поехал.* М. Кубик замечает, что бессоюзных конструкций, выражающих чисто уступительные отношения, очень мало и «чаще встречаются бессоюзные конструкции смешанного типа, которые могут быть восприняты и как противительные» [16].

Первый опыт теоретического осмысления недифференцированных смысловых отношений в общей системе смысловых отношений

[13] *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 95.
[14] См. об этом: Русская разговорная речь. М., 1973, с. 297—299; *Сковородников А. П.* О критерии эллиптичности в русском языке (по материалам современной советской лингвистической литературы). — ВЯ, 1973, № 3, с. 114—123.
[15] *Крючков С. Е., Максимов Л. Ю.* Указ. соч., с. 142.
[16] *Кубик М.* Условные конструкции и система сложного предложения. Praha, 1967, с. 85.

в бессоюзном сложном предложении был предложен нами исключительно на материале разговорной речи [17]. Одновременно с нами и независимо от нас интересную попытку построения системы смысловых отношений в бессоюзном предложении предприняла О. М. Чупашева в своей кандидатской диссертации. Автор исходит из убеждения, что бессоюзными сложными предложениями следует считать только такие конструкции, которые соотносятся с союзными сложными предложениями. Бессоюзные сложные предложения определяются как «сочетание двух или более взаимосвязанных предложений, которые объединены в структурное и смысловое целое по способу сочинения, подчинения, пояснения или присоединения имплицитно представленными союзами» [18]. Такой подход, однако, не означает прямого возврата к концепции бессоюзного сложного предложения А. М. Пешковского. То принципиально новое, что предлагает автор, — это как раз различие дифференцированного и недифференцированного смысловых отношений, что в терминологии О. М. Чупашевой предстает как, соответственно, единственная и множественная соотносительность бессоюзного предложения с союзными. Анализ бессоюзных сложных предложений с множественной соотносительностью — один из наиболее интересных разделов диссертации: автор обнаруживает 35 типов предложений с множественной соотносительностью: перечислительные и сопоставительно-противительные, дополнительные и причинные, дополнительные и временны́е, причинные и следственны́е, условные и временны́е и т. д. и т. п. Однако общетеоретические посылки О. М. Чупашевой вызывают все же серьезные возражения. Не вполне ясна сама идея множественной соотносительности бессоюзных и союзных сложных предложений. О. М. Чупашева говорит об имплицитной представленности союзов в бессоюзном сложном предложении. Это можно понимать поразному. Если имплицитная представленность союзов — это то же самое, что эллипсис (незамещенные позиции) союзов, то такое понимание имплицитности является просто неверным уже потому, что эллипсис (незамещенная позиция) предполагает соответствующую замещенную позицию, а позиции, допускающей два и более союзов (союзных слов) одновременно, в бессоюзном предложении нет, незамещенной может быть только позиция, соответствующая одному союзу. Если же речь идет об имплицитной представленности не союзов как слов с соответствующими морфолого-синтаксическими характеристиками, а семантики союзов (что далеко не одно и то же), то неизбежно встает вопрос, откуда мы узнаем об этой семантике. О. М. Чупашева полагает, что о «множественной» союзной семантике сигнализирует пара-

---

[17] *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

[18] *Чупашева О. М.* Соотносительность бессоюзных и союзных сложных предложений в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. Саратов, 1979, с. 7.

дигматическая связь бессоюзного и соответствующих союзных типов [19]. Пусть так. Но нужно еще ответить и на вопрос, что ставит бессоюзный тип в соответствующую парадигму. Если верно, что смысловые отношения в бессоюзных сложных предложениях извлекаются из лексико-семантического содержания предикативных конструкций (при активизации их интонационными или иными средствами), то о парадигме выражения смысловых отношений союзного и бессоюзного сложного предложения говорить едва ли можно, потому что иначе нужно было бы признать парадигматические отношения во всех случаях, когда имеет место грамматическое выражение какого-то значения и его описательное (с помощью лексико-семантических средств) выражение. В таком случае уместнее говорить о полевой структуре, чем о парадигме [20], соответствующих языковых явлений. Вероятно, множественная соотнесенность в понимании О. М. Чупашевой не означает ничего иного кроме того, что смысловые отношения в бессоюзных сложных предложениях с множественной соотнесенностью могут порознь выражаться в союзных сложных предложениях, а следовательно, бессоюзные сложные предложения с множественной соотнесенностью как раз не соотносятся с союзными, потому что им нельзя поставить в соответствие одного союзного сложного предложения с идентичным значением.

И, наконец, последнее. Если верно, что смысловые отношения в бессоюзных предложениях выводятся из лексико-семантического содержания предикативных конструкций, а соотнесенность бессоюзных и союзных предложений вторична, зависит от соответствующего лексико-семантического содержания, то едва ли верно ограничивать объект исследования, называемый бессоюзным сложным предложением, только такими бессоюзными конструкциями, которые соотносимы (в понимании О. М. Чупашевой) с союзными. Если встать на точку зрения О. М. Чупашевой, то тогда и такую структуру, как *Весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет* (Н. Гоголь) уже нельзя рассматривать как бессоюзное предложение, а это странно, потому что в данном типе предложения семантические связи местоимения *такой* и второй предикативной конструкции тесны и очевидны [21].

---

[19] Там же, с. 14—15.

[20] О понятии парадигмы см., например: *Панов М. В.* О парадигматике и синтагматике. — Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1980, т. 39, № 2, с. 128—137. Ср. также: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 196—197.

[21] Заметим, что В. А. Белошапкова не только не исключает подобные предложения из числа сложных бессоюзных, а напротив, относит их к ядру категории бессоюзных сложных предложений, характеризуя как бессоюзные предложения типизированной структуры (см.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 736—737).

Логико-семантические типы смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении

В принятом метаязыке просто перечислены те смысловые отношения, которые могут быть как дифференцированные выражены в бессоюзном сложном предложении. Эти отношения весьма различны по своим логико-семантическим характеристикам и могут быть упорядочены в этом плане. Логико-семантические характеристики смысловых отношений вообще и в бессоюзном сложном предложении, в частности, определяются по той роли, какую они играют в движении мысли, означаемым которой и выступает предложение. От логико-семантического типа отношений зависят те требования к лексико-семантическому содержанию предикативных конструкций, которые должны быть удовлетворены, чтобы данные отношения были осознаны говорящими без союзов (союзных слов). Так, например, в предложении с объяснительными отношениями *Он учится хорошо: получает пятерки и четверки* содержащееся во второй предикативной конструкции «толкование» слова *хорошо* (*учиться*) не должно слишком отличаться от общепринятого, иначе предложение может оставаться непонятным. От логико-семантического характера смысловых отношений зависит и возможность тех или иных элементарных значений сочетаться в недифференцированном комплексе.

Бессоюзные сложные предложения с пропозиционными отношениями

Для понимания логико-семантического характера смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении полезно обратиться к понятию неполной номинализации, подробно проанализированному Н. Д. Арутюновой. Под номинализацией понимают и механизм преобразования предикатных структур (предложений) в именные, и результат этого преобразования. Номинализация повествовательного предложения касается только пропозиции, отчуждаемой в этом случае от модальной части. Номинализация является полной, если от пропозиции производятся отпредикатные и некоторые другие имена, ср.: *У него часто болит голова — Его частые головные боли — результат перенесенного тяжелого заболевания.* Неполная номинализация состоит в том, что предикативная конструкция с пропозиционным содержанием не претерпевает никаких внутренних изменений, а функциональный сдвиг отмечается формулой *то, что* или *тот факт, что*, ср.: *То, что у него часто болела голова, есть результат перенесенного тяжелого заболевания.* Так как полные номинализации пользуются отглагольными и отъадъективными именами, они ограничены соответствующими возможностями словообразования, кроме того, полные номинализации не всегда однозначны с соответствующими пропозициями. Неполные номинализации дает любое, без всяких ограничений, повествовательное пред-

ложение, и такая номинализация всегда в точности соответствует значению пропозиции [22].

Среди бессоюзных (равно, как и союзных) выделяются предложения, допускающие следующее преобразование, основанное на неполной номинализации предикативных конструкций: обе предикативные конструкции получают неполную номинализацию, а смысловые отношения между ними выражаются специальным предикатом (или предикатным выражением), ср.: *Я не пошел гулять: у меня болела голова → Тот факт, что у меня болела голова, был причиной того, что я не пошел гулять.* Преобразования такого рода свидетельствуют о том, что в бинарных сложных предложениях, их допускающих, имеется три пропозиции — две пропозиции представлены предикативными конструкциями, между которыми устанавливаются смысловые отношения, и пропозиция, представляющая сами эти смысловые отношения, которая в союзных предложениях выражается союзом (союзным словом), в бессоюзном предложении представлена имплицитно, а в приведенном преобразовании эксплицируется специальным предикатным выражением. К классу предложений, допускающих предикатные выражения при неполной номинализации предикативных конструкций, относятся сложные предложения со следующими отношениями: причинными, следственными, условными, уступительными, целевыми, отношениями меры, степени, перечислительными, разделительными, сопоставительными, противительными, альтернативными, например:

Я не могу идти в отпуск/ у меня работа не кончена// (Я не могу идти в отпуск, потому что у меня работа не кончена) → Тот факт, что у меня работа не кончена, является причиной того, что я не могу идти в отпуск; Будет время/ напишу я в ваш журнал статью// (Если будет время, напишу я в ваш журнал статью) → То (мое обещание о том), что я напишу статью в ваш журнал, будет выполнено при том условии, что у меня будет для этого время; Или я буду весь отпуск на даче, или поеду в Прибалтику → Тот факт, что я буду весь отпуск на даче, исключает то, что я поеду в Прибалтику, и, наоборот; Дождь был/ вымокли до нитки// (Дождь был такой сильный, что мы вымокли до нитки) → Тот факт, что мы вымокли до нитки, свидетельствует о том, что дождь был очень сильный; Они взяли в поход столько продуктов, что их вполне хватило бы еще на двух человек → Тот факт, что продуктов хватило бы еще на двух человек (в походе), свидетельствует о том, что они взяли в поход много продуктов.

Нельзя не видеть, что далеко не все полученные конструкции естественны, они нормативны, по-видимому, только в строгом научном изложении, ср.: *То, что материал смоленской живописи еще не исчерпан, объясняется тем, что ряд фрагментов из Храма на Протоке еще не прошел реставрации и пока недоступен* (А. Во-

[22] *Арутюнова Н. Д.* Сокровенная связка (к проблеме предикатного отношения). — Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1980, т. 39, № 4, с. 347—348.

ронин, Смоленская живопись 12—13 веков). Для понимания семантической структуры сложного предложения важна не бóльшая или меньшая нормативность полученных преобразований, а сама принципиальная возможность таких преобразований, доказывающих, что в данных предложениях две пропозиции связываются третьей пропозицией — пропозицией, способной иметь специальное предикатное выражение.

Среди предложений данного логико-семантического класса специально отметим предложения со знаковыми отношениями, при которых первая предикативная конструкция называет некоторый естественный знак того события, о котором сообщает вторая предикативная конструкция. Знаковые отношения обычны только в бессоюзном оформлении. Знаковая функция первой предикативной конструкции по отношению ко второй отмечается во второй предикативной конструкции специальными словами *это значит, значит, это, то*:

Наташа быстро взглянула на меня и незаметно повела взглядом на отца — значит, здесь тайна, которую мне объяснят потом (В. Вересаев); Эк я стал лениво растекаться мыслью — значит, главное я уже сделал (Ю. Крелин); Белели надерганные и обглоданные утками стебли: значит сюда они прилетали на вечерний жор (Ю. Нагибин); Вот уж до чего я дошел: стыжусь своего идола — значит, победа близка (И. Гончаров); Все небо над лесом усеяно движущимися черными точками: это грачи летят на ночлег (А. Чехов); Вот тут что-то часто стал ездить мимо наших огородов полицмейстер: это, должно быть, его превосходительство изволит беспокоиться и посылает узнавать о моем здоровье, о моих удовольствиях (И. Гончаров).

При неполной номинализации предикативных конструкций предикатное выражение в таких конструкциях следующее — *быть знаком того, что; показывать то, что* и под.: *На улице зажглись фонари: это вечер опустился на город → То, что на улице зажглись фонари, было знаком того, что вечер опустился на город.* Интересно отметить, что нормативны и достаточно регулярны конструкции, в которых при отмеченных предикатных выражениях неполную номинализацию получает только вторая предикативная конструкция:

Садись! — приказал он и зашагал по своему кабинету, опираясь на палку — это показывало, что он взвинчен и разговор будет серьезный (И. Герасимов); Руки ее опять беспокойно начали разглаживать складки на старенькой клеенке, губы она тоже словно разглаживала, то и дело покусывая их белыми крепкими зубами — явный признак, что хочет что-то сказать (Ф. Абрамов).

Особые возможности открывает неполная номинализация для перечислительных рядов предикативных конструкций. Неполная номинализация предикативных конструкций позволяет соединить с ними такое предикатное выражение, которое эксплицирует «общую идею» перечисления, ср.: *Прилетели грачи и скворцы, побежали ручьи, начался ледоход → То, что (или те факты, что)*

прилетели грачи и скворцы, побежали ручьи, начался ледоход, свидетельствуют о (показывают) наступлении весны.

Бессоюзные сложные предложения рассмотренного типа назовем бессоюзными сложными предложениями с пропозиционными смысловыми отношениями.

Основное требование к лексико-семантическому содержанию предикативных конструкций бессоюзных сложных предложений с пропозиционными смысловыми отношениями такое: данные пропозиционные смысловые отношения должны легко, естественным для данного языкового коллектива образом следовать из пропозиций (т. е. из содержания) соединяемых предикативных конструкций.

Классу бессоюзных сложных предложений с пропозиционными смысловыми отношениями противостоят все другие бессоюзные сложные предложения. Эти предложения не допускают преобразований с неполными номинализациями и специальными предикатными выражениями смысловых отношений между ними. Такие бессоюзные сложные предложения с точки зрения их логико-семантической структуры не представляют единого класса. Среди этих предложений особого рассмотрения требуют следующие типы.

Модус/пропозиция и бессоюзные сложные предложения

В сложном предложении вообще, и в бессоюзном сложном предложении в частности, модус и пропозиция могут получать раздельное выражение в соответствующих предикативных конструкциях. Сложные предложения с изъяснительными отношениями — классический пример раздельного выражения модуса и пропозиций: *Я чувствую/ она не придет//*; *Я тебе советую/ не ходите туда//*; *И весенняя осень так жадно ласкалась к нему, Что казалось — сейчас забелеет прозрачный подснежник* (А. Ахматова).

Выделенная Ш. Балли в каждом предложении модальная часть смысла получила особую интерпретацию в работах представителей Оксфордской школы. Дж. Остин, подходя к языку как к речевой деятельности, нашел, что в ряде случаев, говоря, мы выполняем некоторое внеречевое действие. Это действие заключено в так называемых перформативных глаголах типа *называю*, ср. *Я называю корабль «Витязь»*, где акт говорения равен акту действия. Дж. Остином была дана следующая классификация речевых актов (а) сам речевой акт (локуция): *Я говорю/ я буду завтра дома//*; (б) внеречевой акт (иллокуция): *Я советую/ не ходи//* и (в) речевоздействующий акт (перлокуция): *Он заставил его не ходить* [23]. Модальность как акт действия проявляет себя тогда, когда глагол употреблен в настоящем времени. Во всех других случаях следует, по-видимому, говорить о вторичной модальности,

[23] См. об этом: *Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976, с. 208—213.

ср.: *Он сказал/ он будет завтра дома → Я говорю, что он сказал, что он будет завтра дома.*

Глаголы, выражающие локуцию и иллокуцию, первичную или вторичную, составляют основу первой предикативной конструкции в изъяснительных сложных предложениях, вторая предикативная конструкция — это пропозиция при данной модальной части. Глаголы модальной части непременно имеют одну обязательную лексическую валентность со значением объекта: *говорить, думать* — о чем? *советовать* что? и т. п. Объектная обязательная валентность глагола модальной части определяет требования к лексико-семантическому содержанию пропозиционной части при бессоюзной связи: пропозиция должна обозначать такой смысл, который естественным образом связывается с глаголом модальной части как объектный (или изъяснительный). Поскольку большинство глаголов модальной части может в качестве изъяснительного иметь при себе любой смысл, например, говорить можно о чем угодно, советовать можно что угодно, никаких, особых лексико-семантических требований к изъяснительной предикативной конструкции не предъявляется. Если в первой предикативной конструкции есть глагол, требующий «изъяснения», и нет союза, перебивающего изъяснительные отношения, то бессоюзное сложное предложение всегда будет осмыслено как изъяснительное, ср.: (1) *Я говорю, когда поздно говорить* и (2) *Я говорю: поздно говорить.* (1) может иметь два омонимичных осмысления: изъяснительное (*Я говорю о том, когда [в каком случае] поздно говорить*) и временно́е (*Я говорю о чем-то тогда [в то время], когда об этом поздно говорить*). (2) может иметь только одно — изъяснительное — значение.

Бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями как предложения с раздельным выражением модального и пропозиционного смысла противостоят всем другим бессоюзным сложным предложениям, в которых предикативные конструкции формируют только пропозицию. Естественно, что и в этих предложениях, как в любом предложении вообще, и простом и сложном, есть своя, обычно имплицитная, модальная часть, и за исключением одного особого случая, о котором речь пойдет дальше в специальном разделе, имплицитный модальный смысл функционирует в бессоюзных сложных предложениях обычным образом, и поэтому при анализе логико-семантической структуры бессоюзного сложного предложения в расчет может не приниматься.

Бессоюзные сложные предложения с отношениями свернутого тождества

Особый класс образуют бессоюзные сложные предложения с определительными, пояснительными, объяснительными отношениями и отношениями времени и места. Эти предложения отличаются тем, что из них можно извлечь предложения тождества. Чтобы извлечь предложения тождества из бессоюзных сложных

предложений с определительными, пояснительными и объяснительными отношениями, необходимо: осуществить неполную номинализацию соответственно определительной, пояснительной, объяснительной предикативной конструкции и соединить эту неполную номинализацию с помощью предикатных выражений тождества [24], типа *это, то* и под. с теми словами, которые в смысловом плане обслуживает определительная, пояснительная, объяснительная предикативные конструкции, ср.: Рубашка/ недавно я купил/ лежит на второй полке шкафа = Эта рубашка (т. е. та рубашка, о которой пойдет речь) — это та рубашка, которую я недавно купил + Эта рубашка лежит на второй полке шкафа; Он учится так: получает четверки и иногда тройки → (Учиться) так — это значит получать четверки и иногда тройки; Он учится хорошо: получает одни пятерки → (Учиться) хорошо значит получать одни пятерки.

Чтобы извлечь предложения тождества из бессоюзных сложных предложений с отношениями времени и места, необходимо осуществить неполную номинализацию обеих предикативных конструкций и поставить эти неполные номинализации в отношения тождества, ср.: *Он пришел, когда все ушли → То время, когда он пришел, было тем временем, когда все ушли*; *Он пришел, куда его звали → То место, куда он пришел, было тем местом, куда его звали.* Может возникнуть вопрос: не являются ли бессоюзные сложные предложения с отношениями места и времени предложениями с пропозиционными отношениями? Ведь в сложных предложениях с пропозиционными отношениями также возможна неполная номинализация обеих предикативных конструкций. Бессоюзные сложные предложения с отношениями места и времени не принадлежат к числу сложных предложений с пропозиционными отношениями, потому что в сложных предложениях с пропозиционными отношениями в преобразованиях с неполными номинализациями предикативных конструкций эксплицируются смысловые отношения соответствующего бессоюзного сложного предложения: преобразования с неполными номинализациями — это перифраз бессоюзного сложного предложения, а отмеченные преобразования сложных предложений с отношениями места и времени не являются перифразом соответствующих бессоюзных сложных предложений, в данных преобразованиях эксплицируется только часть значения сложного предложения.

Те сложные предложения, из которых извлекаются отношения тождества, назовем бессоюзными сложными предложениями с отношениями свернутого тождества. Объединяясь на основе преобразований развертывания отношений тождества, данные предложения имеют, с другой стороны, и различия в логико-семантической структуре. Рассмотрим эти предложения в плане их различия.

---

[24] Об отношениях тождества см.: *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976, с. 300—325.

Идентифицирующие отношения в бессоюзном сложном предложении

Н. Д. Арутюнова показала, что пропозиционная структура предложения в типическом стандартном случае состоит из двух принципиально разных по своей логико-семантической роли частей. Одна из частей, классическое подлежащее, непосредственно соотнесено с действительностью, другая часть, классическое сказуемое, соотнесено с мыслью о действительности, т. е. с некоторым понятием, ср. *Этот дом — каменный.* Говорящий для того, чтобы данное предложение достигло поставленных коммуникативных целей, должен ясно обозначить, о каком конкретном доме из всех домов мира идет речь, слушающему мало знать, что обозначает слово *дом* в словарном плане, ему необходимо индентифицировать это слово с конкретным предметом; для того же, чтобы понять сказуемое *каменный*, достаточно словарных сведений об этом прилагательном.

Подлежащее — это идентифицированное имя с конкретной референцией, сказуемое — нереферентный член (или, что то же самое, член с нулевой референцией), имеющий сигнификативное значение [25]. По образному выражению Н. Д. Арутюновой, классическое предложение — это двуликий Янус, одной стороной обращенный к действительности, другой — к мысли о действительности.

Идентификация предмета может осуществляться с помощью самых разнообразных и между собой никак не связанных признаков. Выражение этих признаков с помощью предикативных конструкций в определительных сложных предложениях — один из основных способов идентификации. Если непредикативные компоненты обычно называют постоянный или достаточно устойчивый идентифицирующий признак, то с помо́щью предикативных конструкций могут выражаться сугубо вре́менные, действительные только для данной сиюминутной ситуации идентифицирующие признаки, ср.: *Человек/ рядом с тобой в театре сидел/ наш директор//*; *Церковь/ мимо проезжали/ это четырнадцатый век//*.

Требования к лексико-семантическому содержанию предикативных конструкций, соединенных определительными идентифицирующими отношениями, таковы: существительное, которое подлежит идентификации, может быть любым, обычно это конкретно-предметное существительное; определительная конструкция должна иметь такое содержание, которое естественно мыслить как постоянный или временный выделительный признак предмета, названного существительным.

---

[25] *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл, с. 179—204. *Она же.* Номинация и текст. — В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977, с. 315—340.

Предикация, как показано, в некотором смысле противоположна идентификации. Целям предикации служат пояснительные и объяснительные смысловые отношения. Их логико-семантическую природу удобно показать в сопоставлении, ср.:

(1) Пояснительные отношения	(2) Объяснительные отношения
Погода у нас здесь установилась такая: каждый день бывает дождь	Погода у нас здесь стала хорошая: дожди прекратились

В данных бессоюзных сложных предложениях вторые предикативные конструкции по смыслу соотнесены с предикатами (*такая* и *хорошая*) первых предикативных конструкций. Предикат должен донести до слушателя мысль говорящего. Поэтому, если при выборе идентифицирующих средств говорящий смотрит на предмет как бы глазами слушателя, заботясь о том, чтобы обозначить такие признаки предмета, по которым слушатель безошибочно выберет нужный предмет среди массы подобных ему, то при выборе языкового средства, обозначающего предикат, говорящий ориентируется на себя. Для выражения предиката выбираются средства, с максимальной точностью передающие замысел говорящего с расчетом, конечно, того, чтобы этот замысел дошел до слушающего [26]. Чаще всего предикат выражается отдельным словом — глаголом, существительным или прилагательным с соответствующим сигнификативным значением (понятие о процессе, субстанции, признаке). Совсем не редки, однако, случаи, когда подходящего для задуманного смысла слова в словаре нет или говорящий не может его найти. В этом случае регулярно используются сложные предложения с пояснительными или объяснительными отношениями.

При пояснительных отношениях в первую предикативную конструкцию вводятся местоименные слова-предикаты *такой*, *так* и подобные; вторая предикативная конструкция показывает, какое конкретное предикатное содержание вкладывается в данные местоимения. Содержание второй предикативной конструкции (или предикативных конструкций) — любое такое, какое можно по-

[26] «Если эффективность идентифицирующей номинации, — пишет Н. Д. Арутюнова, — определяется ее способностью установить контакт между именем и денотатируемым им объектом действительности, способностью, зависящей от конкретных условий речевого акта, то эффективность предикатной номинации определяется степенью соответствия ее значения существенными атрибутами предмета, ее способностью установить связь между признаком объекта и значением слова, способностью в общем случае независимой (или в слабой степени зависимой) от конкретной обстановки коммуникации. Эффективность идентифицирующей номинации не имеет градаций — она может либо достичь своей цели, либо ее не достигнуть; эффективность предикатной номинации градуирована: она может быть более удачной или менее удачной, т. е. устанавливать большее или меньшее соответствие между свойством предмета и понятием, отраженным в значении слова. Муки слова и находки, удачи и озарения возможны только в области предикатной номинации. . .» (*Арутюнова Н. Д.* Номинация и текст, с. 333).

ставить в предикатное отношение к подлежащему, ср.: *Погода у нас здесь установилась такая: жара — нечем дышать, [дожди и ветры], [с утра солнце, вечером обязательно идет дождь], [небольшой мороз постоянно сменяется оттепелью]* и т. д., и т. п. Или: *Они решили играть так: все в защите, все в нападении, [главное внимание уделить защите своих ворот], [максимально использовать скоростные качества крайних нападающих и великолепное чутье позиции центрфорварда]* и т. п.

Более сложное семантическое устройство имеют бессоюзные сложные предложения с объяснительными отношениями. В первой предикативной конструкции таких предложений уже есть знаменательный (не местоименный) предикат; вторая предикативная конструкция дает этому предикату как бы словарное толкование. Говорящий как бы исходит из следующего: я нашел слово-предикат, но я не уверен, что ваше (слушателя) и мое (говорящего) толкования предиката идентичны, и поэтому для верности я сам истолкую этот предикат [27]. Такое толкование бывает особенно необходимым в том случае, если слова-предикаты по природе своей имеют обобщенные значения, которые конкретизируются в зависимости от того, с каким другим значением оно соотнесено (ср. хорошая погода и хороший человек), к числу таких предикатов принадлежат прежде всего оценочные. В самом деле, не так просто ответить на вопрос, что означает предикат *хорошая* по отношению к погоде, даже если принять во внимание время года и место, о котором идет речь; скажем хорошей для средней полосы России летом будет погода достаточно теплая, сухая, устойчивая, с освежающими дождями и т. д. и т. п.; при этом еще надо иметь в виду индивидуальные оценки: для одних тридцатиградусная жара — благо, для других — испытание. Вторая предикативная конструкция в приведенном предложении и ставит целью истолковать предикат *хорошая* (о погоде) в том плане, который нужен говорящему. Ср. еще: *Погода у нас здесь стала хорошая: жара спала, стоят ясные погожие дни, [каждый день перепадают небольшие дождички], [ветры прекратились].*

Толковательный характер объяснительных отношений делается вполне очевидным в конструкциях со специальными словами типа *это значит*:

А теперь я иду размываться — это значит я помою перчатки, смою кровь и остальную грязь с них, высушу, вытру полой своего уже грязного, не годного для следующей операции халата... (Ю. Крелин); Мировое началось во мгле кочевье: Это бродят по ночной земле — деревья, Это бродят золотым вином — гроздья, Это странствуют из дома в дом — звезды, Это реки начинают

[27] Именно это, по-видимому, и дает основание Д. И. Изаренкову обнаружить в предложениях типа *А ведь он молод: и сорока нет* — умозаключение (см.: *Изаренков Д. И.* Бессоюзные сложные предложения, выражающие умозаключение. — В кн.: Русский язык и методика его преподавания нерусским. М., 1973, с. 155—167).

путь — вспять! И мне хочется тебе на грудь — спать (М. Цветаева).

Значение толкуемого слова (словосочетания) и его толкования имеют двусторонние смысловые отношения, взаимно дополняя друг друга. Толкуемое слово обобщает в том или ином плане то, что содержится в толковательной предикативной конструкции. Этими объяснительные отношения отличаются от пояснительных. В сложных предложениях с пояснительными отношениями меньше информации — в них нет обобщения предикатного смысла. Толкуемые слова иногда называют классификаторами в катафорическом употреблении [28], и это вполне справедливо. Ср.: *Ему казалось, что вот-вот начнется что-то страшное: по улице с криком побежит толпа, где-то вспыхнет пожар, раздадутся выстрелы из браунингов* (В. Катаев) и то же предложение без толкуемого классификатора *Ему казалось, что вот-вот начнется что-то: по улице с криком побежит толпа, где-то вспыхнет пожар...*

Предложения тождества, которые можно извлечь из бессоюзных сложных предложений с объяснительными отношениями, принадлежат к числу тех предложений тождества, которые Н. Д. Арутюнова характеризует как метаязыковые высказывания о синонимических отношениях между словами и выражениями [29]. Эти предложения относятся к разряду предложений сигнификативного тождества и характерны прежде всего для сферы научных дефиниций и словарных толкований значения слова: в них устанавливается равнообъемность понятий, представленных либо двумя словами, либо, как в нашем случае, словом и выражением. Из всякого бессоюзного сложного предложения с объяснительными отношениями можно «извлечь» простое предложение с сигнификативными отношениями тождества, ср.: *Погода у нас здесь стала хорошая: дожди прекратились — Для меня хорошая погода — это значит прежде всего такая погода, при которой прекращаются дожди.*

Требования к лексико-семантическому содержанию предикативных конструкций с объяснительными отношениями такие: объяснительная предикативная конструкция по своему смыслу не должна вступать в противоречие со словарным значением толкуемого слова, а должна только развивать, углублять, конкретизировать это значение. Объяснительная конструкция служит средством раскодирования толкуемого слова, но не средством его перекодирования. Если какой-то говорящий считает, что хорошей является холодная погода с сильным ветром и нудным дождем, то его сугубо индивидуальное толкование хорошей погоды не позволит этому говорящему, во всяком случае для людей, не знакомых с его взглядами на погоду, построить (не в ироническом плане) такое бессоюзное сложное предложение: *У нас*

---

[28] См., например: *Радзиевская Т. В.* Функционально-семантические закономерности соединения слов в предложении. Автореф. канд. дис. М., 1981.

[29] *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл, с. 306.

установилась хорошая погода: дует холодный пронизывающий ветер и идет бесконечный дождь.

Отмеченные особенности логико-семантической структуры сложного предложения имеют место как в бессоюзном предложении, так и в союзном. Однако следует подчеркнуть, что выделенные логико-семантические типы сложного предложения и собственно языковая семантика союзов и союзных слов не находятся в отношениях однозначного соответствия. То, что при выражении союзами (или союзными словами) может быть путем проверки на сочетаемость союзом *и* объединено в один класс, с точки зрения логико-семантической характеристики отношений распределяется по разным классам. Так, среди сложноподчиненных предложений выделяется класс предложений с обстоятельственными значениями, включающий, в частности, сложноподчиненные предложения с отношениями места, времени, условия. Корректность объединения этих значений в один класс подтверждается возможностью образований типа *Он приходил, куда хотел, когда хотел и если хотел.* В логико-семантическом плане сложные предложения с отношениями места и времени — это предложения со свернутыми отношениями тождества, а сложное предложение с условными отношениями относится к классу сложных предложений с пропозиционными отношениями. Сложные предложения с отношениями меры (типа *Дождь был такой сильный, что мы промокли до нитки*) входят в логико-семантический класс предложений с пропозиционными отношениями, а при ориентации на семантику союза представляют самостоятельный тип. Вполне понятно, что классификация сложных предложений с союзами и союзными словами ориентируются прежде всего на свойства этих средств связи (средств выражения в синтаксической форме союзного сложного предложения), их логико-семантические характеристики союз как бы отодвигает на второй план. В бессоюзных же сложных предложениях логико-семантические характеристики выходят на первый план. Обобщения смысловых отношений путем проверки на союз *и* в них невозможны; ср. вполне нормативное союзное сложное предложение *Я пойду гулять, когда станет теплее и если перестанет болеть голова* и невозможный бессоюзный эквивалент этого предложения: ** Я пойду гулять: станет теплее и перестанет болеть голова.*

Обращение к логико-семантической характеристике смысловых отношений в сложном предложении позволяет коснуться одного не вполне ясного вопроса структурно-семантической концепции сложноподчиненного предложения. Речь идет об оппозиции нерасчлененные/расчлененные сложноподчиненные предложения. Как кажется, наиболее полное освещение эта оппозиция получила в работах Л. Ю. Максимова [30], показавшего, что классам нерасчлененных/расчлененных структур могут быть поставлены в соответствие следующие особенности по линии структурных признаков: в области союзов и относительных местоимений — для

[30] *Максимов Л. Ю.* Многомерная классификация сложноподчиненных предложений. Автореф. докт. дис. М., 1971, с. 13—15.

нерасчлененных структур характерны синтаксические союзы и относительные местоимения, для расчлененных структур характерны семантические союзы; в области коррелятов — для нерасчлененных структур характерны типологические — или частно-конструктивные (обязательные) корреляты, а также факультативные, не сливающиеся с союзами корреляты, для расчлененных — факультативные корреляты, сливающиеся с союзами в сложные союзные образования; в области парадигматики — для нерасчлененных структур характерна свободная, немотивирующая парадигма, для расчлененных — несвободная, мотивирующая [31]; в области порядка частей — для нерасчлененных структур характерен порядок частей как функциональное средство, для расчлененных порядок частей является обычно элементом структуры; по степени связанности частей — для нерасчлененных структур характерна большая связанность в том смысле, что части существенно отличаются по своей структуре от простых предложений, для расчлененных меньшая связанность в том смысле, что части по своей структуре мало отличаются от простых предложений.

При этом, однако, подчеркивается, что полного соответствия между указанными структурными признаками и классами нерасчлененных/расчлененных структур нет: это несоответствие позволяет обнаружить так называемые ядерные конструкции и периферийные, системно-противопоставленные типы и переходные зоны [32].

Нам кажется, что все перечисленные характеристики нерасчлененных/расчлененных структур — это своего рода формально-синтаксические сопроводители соответственно сложных предложений со свернутыми отношениями тождества и предложений с раздельным выражением модуса и пропозиции (изъяснительные отношения) / сложных предложений с пропозиционными отношениями. Заметим, что логико-семантический подход к оппозиции нерасчлененные/расчлененные структуры хорошо объясняет многократно отмеченную исследователями близость расчлененных сложноподчиненных предложений к сложносочиненным предложениям [33]. Эта близость в том, что сложносочиненные предложения, как и расчлененные (двучленные) сложноподчиненные предложения, реализуют один и тот же логико-семантический тип отношений — пропозиционные отношения. Таким образом, кажется возможным непротиворечивое толкование оппозиции нерасчлененные/расчлененные сложноподчиненные предложения не на грамматической, а на логико-семантической основе. Собственно же синтаксические признаки только в большей или меньшей степени соответствуют логико-семантическим характеристикам.

Итак, смысловые дифференцированные отношения в бессоюзных сложных предложениях объединяются в трех логико-семантических классах отношений: (1) бессоюзные сложные предложения с пропозиционными отношениями; (2) бессоюзные сложные предложения с раздельным выражением модуса и пропозиции; (3) бессоюзные сложные предложения со свернутыми отношениями тождества.

Следует отметить, что недифференцированные значения легче всего создаются из компонентов одного логико-семантического класса; особенно активны в роли компонентов недифференциро-

---

[31] О понимании Л. Ю. Максимовым парадигмы сложноподчиненного предложения см.: *Максимов Л. Ю.* О парадигматике сложноподчиненного предложения. — РЯНШ, 1967, № 1.

[32] *Максимов Л. Ю.* Многомерная классификация сложноподчиненных предложений, с. 14.

[33] «В отличие от одночленных, двучленные конструкции сложноподчиненного предложения образуются на основе связи, подчинительный характер которой выражен слабее и которая нередко граничит с сочинением» (Проспект «Русской грамматики». М., 1972, с. 114).

ванных отношений отношения, принадлежащие к классу пропозиционных:

Будет время/ прочту я эту книгу// — условно-следственно-причинные ('если будет, то прочту', 'будет, и поэтому прочту', 'так как будет, прочту'); Сильный очень туман/ не видно ничего совсем// — отношения меры, следствия и причины ('такой сильный, что не видно ничего'; 'сильный туман, и поэтому не видно ничего', 'так как сильный туман, не видно ничего'); Но твой — он выбран не тобой — Лежит на запад путь (А. Твардовский) — уступка и противопоставление ('твой, хотя выбран не тобой', 'твой, но выбран не тобой').

Как уже сказано, активны недифференцированные значения, включающие временные отношения и отношения из класса пропозиционных: Кончатся эти дожди/ получше ты будешь себя чувствовать// — временные и условно-следственно-причинные ('когда кончатся, будешь...', 'если кончатся, будешь...', 'кончатся, и поэтому будешь'...).

Другие комбинации смысловых отношений разных логико-семантических классов возможны, но уже далеко не так регулярны, как отмеченные, ср.: *Меня там привели к одному человеку/ мог мне помочь//* — определительно-причинные отношения ('меня привели к одному человеку, который мог мне помочь', 'привели к одному человеку, потому что он мог мне помочь').

Об одном типе недифференцированных отношений в бессоюзном сложном предложении

Одной из важных характерных особенностей бессоюзного сложного предложения является то, что некоторые элементарные отношения в бессоюзном сложном предложении обычно выступают только в составе недифференцированного комплекса. Как дифференцированные эти элементарные отношения возможны только при союзном выражении. Такое положение дел объясняется логико-семантическими особенностями данных элементарных отношений.

Элементарные отношения, не способные выражаться дифференцированно в бессоюзном сложном предложении, обычно имеют своих излюбленных партнеров в недифференцированном комплексе. Эти «партнеры» могут представлять или такие дифференцированные отношения, которые и в бессоюзном сложном предложении могут иметь дифференцированное выражение, или такие, которые также не могут быть в бессоюзном сложном предложении дифференцированными. Подобного рода недифференцированные комплексы являются в бессоюзном сложном предложении устойчивыми и регулярными, хорошо представленными не только в РР, но и в КЛЯ. К ним относятся следующие недифференцированные комплексы.

(1) Недифференцированные комплексы со следственным компонентом. Недифференцированный комплекс со следственным компонентом всегда включает причинные отношения. Два события,

отраженные в соответствующих пропозициях, могут находиться в такой взаимосвязи, которая в одном аспекте характеризуется как причинная связь, а в другом — как следственная. Это значит, что различие причинных и следственных отношений может быть различием в осмыслении одних и тех же отношений в действительности. Представим реальную картину: идет дождь, прохожие раскрывают зонтики. Об этом можно сказать или употребив сложное предложение с причинными отношениями (*Прохожие раскрыли зонтики, потому что начался дождь*), или употребив сложное предложение со следственными отношениями (*Начался дождь, и поэтому прохожие раскрыли зонтики*). Не всякое сложное предложение с причинными отношениями преобразуется в следственное, ср.: *Я не могла вчера работать, потому что голова болела.* Но всякое следственное предложение всегда преобразуется в причинное. Уже было сказано, что в качестве следственной может осмысляться только вторая предикативная конструкция по отношению к первой. При этом первая предикативная конструкция всегда будет осмысляться как причинная по отношению ко второй. Эти отношения и дают недифференцированный причинно-следственный комплекс, вне которого следственные отношения в бессоюзном сложном предложении не выражаются, ср.:

Уже поздно/ не придет он наверно// 'так как уже поздно, не придет он наверно' и 'уже поздно, и поэтому не придет он наверно'; *Одному искусству человек поклоняться не может — подавай ему все* (И. Тургенев); *Третий час меня ты ждешь — про дрог* (А. Ахматова).

(2) Недифференцированный комплекс с в р е м е н н ы м компонентом. Выражение временных отношений в бессоюзном сложном предложении связано с особыми лексико-семантическими условиями. В чистом, дифференцированном виде временные отношения в бессоюзном сложном предложении выступают крайне редко. Во временную связь могут быть поставлены очень разные по своему внутреннему содержанию события, ср.: *Я поступил в аспирантуру, когда строили этот дом напротив нас; Эту яблоню посадили тогда, когда ты приезжал сюда последний раз в отпуск.* В лексико-семантическом содержании данных предложений нет ничего, что указывало бы именно на временную связь событий, и поэтому временная связь в таких случаях выражается исключительно семантикой временных союзов, соответствующие бессоюзные сложные предложения невозможны: **Я поступил в аспирантуру — строили дом напротив нас* или *Эту яблоню посадили — ты приезжал сюда последний раз в отпуск.* Временные отношения без союза возможны, по-видимому, только в том случае, если временная предикативная конструкция называет важные этапные события в определенной временной цепи событий, по этим событиям на оси времени могут быть ориентированы и более рядовые события. К этапным принадлежат, например, такие события, как рождение или смерть человека, а потому возможны такие бессоюзные сложные предложения с временными отноше-

ниями: *Она в школу пошла/ мама моя умерла//* 'пошла в школу, когда умерла моя мама'; *Этот стадион построили/ Светка у меня родилась//* 'стадион построили, когда Светка родилась'. В отдельных микроколлективах могут быть свои временные вехи, по которым в форме бессоюзного сложного предложения можно ориентировать те или другие события. Так, например, информант А. определял время некоторых событий в учреждении, где он работал, по времени поступления на работу одной из его сотрудниц: *Эта книга вышла по-моему/ Маша еще к нам не поступила//*; *Но ведь Петя-то ушел/ Маша уже работала//*.

Если бессоюзные сложные предложения с дифференцированными временными отношениями редки, то недифференцированные отношения с временным компонентом — обычное явление. Излюбленным партнером временных отношений являются условные, ср.: *Я пойду гулять/ дождь кончится//* 'я пойду гулять, когда дождь кончится' и 'я пойду гулять, если дождь кончится'; *Станет потеплее/ пойдут огурцы//*; *Выпадет снег/ будем ходить на лыжах//*; *Придет мама посидеть с ребенком/ я хоть в кино схожу//*; *Дай теперь попить. С войны вернусь, — побуду* (А. Твардовский) 'если с войны вернусь, побуду' и 'когда с войны вернусь, — побуду' [34].

Заметим, что многие существующие систематизации смысловых отношений в бессоюзных сложных предложениях содержат временной тип, но примеры, его иллюстрирующие, в большинстве своем представляют не чистые временные отношения, а именно недифференцированные отношения с временным компонентом. Так в примерах А. Н. Гвоздева на временные отношения обнаруживается и следственный компонент значения, ср.: *Пришла весна — сказался снег* (Н. Некрасов) 'пришла весна, и поэтому сказался (растаял) снег'. *Выучусь, начитаюсь, — пойду вдоль всех рек и буду все понимать* (М. Горький) 'выучусь, начитаюсь, и потому буду все понимать' [35].

Можно думать, что и в союзном типе слово *когда* может передавать недифференцированные условно-временные отношения. Такие отношения имеют место в тех предложениях, в которых возможна замена *когда* на *если* без особого изменения смысла. *Когда синичка перелетает с ветки на ветку, видно ее белое брюшко и черные пятна на горле* (С. Огнев) — *Если синичка перелетает с ветки на ветку, видно ее белое брюшко*. Правомерно поставить вопрос: почему недифференцированное условно-временное значе-

---

[34] Имея в виду то, что временные значения регулярно соединяются со следственными, авторы «Русской грамматики» справедливо замечают, что «собственно временное значение отмечается только там, где речь идет о конкретных действиях или состояниях, в осуществлении которых говорящий уверен: [Тетерев:] *Давай выпьем перед щами, почтенный крот.* [Бессеменов:] *Принесут — выпьем* (М. Горький) — см.: Русская грамматика, т. II, с. 643. Другими словами: «выбрать» из недифференцированного комплекса только временной компонент можно только на основе знания конситуации.

[35] *Гвоздев А. Н.* Указ. соч., с. 304.

ние признается у *когда* и не признается у *если*? Дело в том, что *когда*, несомненно специализируясь на выражении временных отношений, может все же выражать и чисто условные отношения [36], ср.: *Задача имеет решение, когда неизвестное является рациональным числом*. Поэтому и можно предположить, что при возможности замены *когда* на *если* без особого изменения смысла *когда* реализует и условное и временное значение одновременно. *Если* не может выражать дифференцированное временное значение, и поэтому, по-видимому, функция *если* — выражение только условных отношений.

(3) К числу недифференцированных отношений, ни одно из составляющих которых не может в бессоюзном сложном предложении выступать в дифференцированном виде, принадлежат противительно-уступительные отношения. Предикативные конструкции в бессоюзных сложных предложениях такого типа с необходимостью включают такие компоненты, которые, с некоторой долей условности, можно пометить по отношению друг к другу знаками «+» и «—», ср.: *Пробовала приехать — нельзя* (В. Вересаев) где *пробовала* — плюс, а *нельзя* (*приехать*) — минус; *И, если подлинно поется И полной грудью, наконец, Все исчезает — остается Пространство, звезды и певец* (О. Мандельштам), где *исчезает* — минус, *остается* — плюс.

И противительные, и уступительные отношения строятся на игре «+» и «—». Противительные отношения — это противопоставление компонента со знаком «+» компоненту со знаком «—». При уступительных отношениях из-за очевидной несовместимости «+» и «—» выражается уступка отрицательного положительному. Соединение в одном бессоюзном сложном предложении предикативных конструкций, семантически организованных вокруг компонентов со знаками «+» и «—» с неизбежностью дает уступительно-противительные отношения:

Мог вчера в театр пойти/ не пошел//; Пыталась я ее в какую-нибудь секцию (спортивную) пристроить/ не вышло//; Был совсем рядом с Кижами/ не нашел времени съездить//; [Лидия] Я сама искала красавца с состоянием, — теперь мне нужно только богатого человека (А. Островский); Пусть говорят: любовь крылата, — Смерть окрыленнее стократ (О. Мандельштам); История не повторяется — она предостерегает и требует не забывать свои уроки (газета «Правда»).

Дифференцированное выражение противительных и уступительных отношений возможно только в союзном типе. Однако и в союзном типе уступительные и противительные отношения могут быть одновременно выражены в одном предложении. В современном русском языке регулярно совершенно уникальное по структуре сложное предложение, одна из предикативных конструкций кото-

[36] Это дифференцированное условное значение у *когда* единодушно отмечается всеми словарями, см., например: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 10-е изд. М., 1973, с. 258.

рого имеет сочинительный противительный союз *но*, а другая подчинительный уступительный союз *хотя*. Такие структуры лишний раз ясно подтверждают тесное единство уступительных и противительных отношений: *Хотя было еще рано, но ворота оказались запертыми* (Н. Короленко); *Хотя ложь еще живет, но совершенствуется только правда* (М. Горький).

Непосредственные (прямые) и опосредованные отношения в бессоюзном сложном предложении

Для бессоюзного сложного предложения характерна такая смысловая структура, при которой между содержанием предикативных конструкций нет непосредственных смысловых связей, эти связи опосредованы некоторым невербализованным смыслом. Способы и характер опосредования весьма различны и требуют специального обсуждения. Зададим интересующий нас объект такими примерами: *Я оглянулся/ никого кругом уже не было// — Я оглянулся [и увидел], что никого кругом уже не было; Я внимательно просмотрел все его работы/ он не касался этого вопроса// — Я внимательно просмотрел все его работы [и понял, убедился], что он не касался этого вопроса; Новый магазин на проспекте открыли/ я вчера с работы ехал// — Новый магазин на проспекте открыли, [я могу утверждать это (я знаю это)], потому что я вчера с работы ехал [и видел это]; Я еще в магазин по дороге зайду/ Петя завтра приезжает// — Я еще в магазин по дороге зайду, [потому что надо купить продуктов], потому что Петя завтра приезжает [и его надо кормить].*

Тот факт, что в языковой коммуникации большую роль играет не только вербальный, но и невербализованный смысл, давно известен лингвистам [37]. Невербализованный смысл многообразен

---

[37] Проблему имплицитных форм высказывания и неартикулируемых знаков рассматривал еще Ш. Балли (см.: *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. М., 1965, с. 48—62). В русской лингвистической традиции большое развитие получила теория неполного предложения: по тем или иным собственно языковым признакам определялась формальная неполнота предложения, при этом формальная неполнота ставилась в соответствие со смысловой полнотой, и таким образом устанавливалось, что некоторые компоненты смысла не имеют специального выражения; в наиболее развернутом виде концепция неполного предложения представлена в работе: *Попова И. А.* Неполные предложения в современном русском языке. — Труды Ин-та языкознания АН СССР, 1953, т. II.

В последнее время проблема имплицитного смысла связывается с более широкой проблемой экономии и избыточности в языке. В. Д. Девкин пишет: «Интересы говорящего и слушающего в известной степени противоположны. Говорящий строит текст, исходя из ситуации и контекста, а слушающий, получая текст, расшифровывает его с целью воссоздания ситуации. Код говорящего имеет синтетический, а код слушающего — аналитический характер... Интересы слушающего ограничивают поползновения говорящего все сократить, упростить, унифицировать до крайнего минимума. Слушающий устанавливает этому предел, переступить через который уже означало бы нарушить понимание. Если бы

по своей природе [38], не менее многообразны и способы научной интерпретации невербализованного смысла. Относительно сложных предложений проблему невербализованного смысла одной из первых поставила Т. А. Колосова. Т. А. Колосова оперирует только материалом союзного сложного предложения. Исходным является положение о возможности сложных предложений асимметричной структуры, когда нескольким предикативным единицам в плане выражения, т. е. реально представленным в сложном предложении предикативным единицам, в плане содержания соответствует большее количество пропозитивных значений, которые могут быть выражены в форме предикативных единиц. Так, Т. А. Колосова показывает, что в соответствие фразе с моделью «В бы, но не А» (типа *Отец приехал бы вовремя, но погода была нелетная*) следует поставить многокомпонентное высказывание с моделью «Если бы А, то В бы, но не А, потому что (так что) не В (*Если бы погода была летная, то отец приехал бы вовремя, но погода была нелетная, поэтому (так что) он опоздал*); в соответствие фразе с моделью «Если А, то С» (типа *Если хотите позавтракать, то столовая направо*) следует поставить многокомпонентные высказывания с моделью «Если А, то В, что С» (*Если хотите позавтракать, то имейте в виду (знайте, учтите), что столовая направо* [39]. Такого рода невербализованный смысл определяется Т. А. Колосовой как имплицитный. Суть имплицитного смысла вскрывается в противопоставлении тому невербализованному смыслу, который характеризуется как грамматический эллипсис. В трактовке грамматического эллипсиса Т. А. Колосова следует той точке зрения, согласно которой это синтаксическое явление усматривается тогда, когда опущение слов или словесных звеньев в составе синтаксического построения сопровождается нарушением правильной структуры предложения или связи между словами. При имплицитном смысле синтаксическая структура не нарушается, и выявляется имплицитный смысл на основе возможности развернуть высказывание с имплицитным смыслом в такое высказывание, где имплицитные звенья вербализуются [40].

говорящий не был скован интересами слушающего, которому должен быть обеспечен достаточный для «расшифровки» текст, «экономия» речевых усилий приняла бы катастрофический размах и язык превратился бы в гротескную абракадабру» (*Девкин В. Д.* Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М., 1979, с. 57). Экономика языковых средств в синтаксисе разговорной речи специально рассматривается Г. Г. Инфантовой (*Инфантова Г. Г.* Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи. Ростов н/Д, 1973, с. 59—131).

[38] См., например: *Никитина С. Е.* О семантическом эллипсисе в предложных сочетаниях (к постановке вопроса). — В кн.: Проблемы лингвистического анализа. М., 1966; *Леонтьева Н. Н.* Семантический анализ и смысловая неполнота текста. Автореф. канд. дис. М., 1968; *Тулина Т. А.* Функциональная типология словосочетаний. Автореф. докт. дис. М., 1975 (выделяется специальный класс словосочетаний с повышенной функциональной нагрузкой: с имплицитными участками смысла); *Мурзин Л. Н.* Синтаксическая деривация. Пермь, 1974 (компрессия рассматривается как закон синтаксической деривации).

[39] *Колосова Т. А.* Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980, с. 43—44.

[40] Там же, с. 41, 45.

Как кажется, есть свои трудности в противопоставлении (и разграничении) грамматического эллипсиса (в том его определении, которое принимает Т. А. Колосова) и имплицитности. Следует, по-видимому, обратить внимание на то, что по отношению к структуре сложного предложения не всегда легко определить, где нарушены или не нарушены синтаксические связи. Т. А. Колосова полагает, что возможность употребить для связи предикативных конструкций союз или союзное слово, — это уже показатель правильной (ненарушенной) синтаксической структуры сложного предложения. Между тем это далеко не очевидно. Если непрерывную иерархическую цепочку компонентов устанавливать с помощью такого испытанного метода, как постановка вопроса к зависимому компоненту [41], то в предложении *Если хотите позавтракать, то столовая направо* от главной части невозможно поставить вопрос к придаточной; такой вопрос ставится как раз от имплицитной части: *Если хотите позавтракать, то знайте — знайте когда? при каком условии? — если захотите позавтракать.* Как кажется, в другом месте своей работы, там, где речь идет о способах обнаружения имплицитного смысла, Т. А. Колосова несколько противоречит своим исходным положениям, утверждая, что в модели «Если А, то С» характер невербализованного звена определяется валентностью компонента С: компонент С занимает синтаксическое место (синтаксическую позицию) объекта, обычного при глаголах изъяснительной семантики; и поэтому невербализованное звено В при развертывании высказывания по законам обратной валентности (каждый слуга только тогда слуга, если имеет своего хозяина — каждый зависимый компонент только тогда зависимый, если имеет господствующий над собой) должно быть эксплицировано в предикативную единицу, содержащую такой изъяснительный глагол [42]. Если учесть, что связи между компонентами задаются валентными свойствами компонентов, то станет ясным, что ненасыщение обязательной валентности, что, по мнению Т. А. Колосовой, и имеет место в модели «Если А, то С», есть не что иное, как нарушение правильной структуры предложения, т. е. грамматический эллипсис, а не имплицитность.

Что касается бессоюзного сложного предложения, то там разграничить грамматический эллипсис и имплицитный на предложенных Т. А. Колосовой основаниях еще сложнее по той причине, что в бессоюзных предложениях нет союзов и союзных слов, наличие которых у Т. А. Колосовой, как уже говорилось, считается показателем правильной структуры сложного предложения.

Несмотря на отмеченные трудности в разграничении грамматического эллипсиса и имплицитного смысла, полагаем, что за этим

---

[41] Заметим, что «вопросный» метод, подвергшийся в свое время резкой и заслуженной критике как метод отождествления членов предложения, вполне корректен при установлении цепочки синтаксически зависимых членов.

[42] *Колосова Т. А.* Указ. соч., с. 56—57.

противопоставлением стоят действительно важные различия невербализованных смыслов. Более точно эти различия можно было бы попытаться сформулировать следующим образом. Будем различать невербализованный смысл, передаваемый незамещенной синтаксической позицией, и опосредующий имплицитный смысл.

Утверждение о незамещенной синтаксической позиции означает:

(1) в высказывании есть невербализованный смысл, который не может быть приписан ничему, кроме незамещенной синтаксической позиции;

(2) наличие незамещенной синтаксической позиции (или, что то же самое, синтаксические параметры позиции) определяются системными языковыми показателями (т. е. синтаксические позиции объективированы системой языка);

(3) лексико-семантическое содержание незамещенной позиции определяется или исходя из лексико-семантических компонентов высказывания, или из окружения (в широком смысле слова) высказывания с незамещенной синтаксической позицией.

Незамещенные синтаксические позиции различаются в зависимости от того, как проявляют себя (2) и (3) признаки. Так, нулевые формы связки и бытийного глагола выделяются на системной парадигматической основе и выявляют свое значение настоящего времени изъявительного наклонения в противопоставлении вербализованным в соответствующей парадигме глаголам: *Он инженер — Он был инженер — Он будет инженер*; *В саду яблони — В саду были яблони — В саду будут яблони*. Среди незамещенных позиций, которые в синтаксическом плане предопределены прямой или обратной валентностью наличных компонентов, выделяются такие, лексико-семантическое содержание которых определяется из самого высказывания, это так называемые нулевые полнозначные глаголы или стационарный эллипсис типа *Татьяна в лес*[43], и такие, лексико-семантическое содержание которых определяется из окружения высказывания: контекста и конситуации ср.: А. *Ты с ним пойдешь.* Б. *С ним; Он показал глазами на котенка: «Возьмем?»* [44].

Чтобы отличить смысл, передаваемый незамещенными синтаксическими позициями, от опосредующего отношения имплицитного смысла в сложном предложении, надо подчеркнуть следующее: незамещенные синтаксические позиции выявляются на основании языковых системных показателей — имплицитный смысл в сложном предложении не имеет явных языковых сигналов, и, следовательно, наличие такого смысла не связано с наличием в высказывании незамещенных синтаксических позиций. Откуда же «берется» имплицитный смысл? Ответ на этот вопрос требует дифференцированного подхода к сложному предложению.

(1) Для понимания природы имплицитного опосредующего смысла в сложных предложениях с пропозиционными отношениями, как кажется, полезно обратиться к понятию апперцепцион-

---

[43] О нулевых полнозначных глаголах подробнее см.: Русская разговорная речь. М., 1973, с. 288—313.

[44] См. главу «Конситуативные высказывания» в кн.: *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Указ. соч.

ной базы. Апперцепционная база — это фонд общих знаний партнеров коммуникации. На роль апперцепционной базы для языка впервые обратил внимание Л. П. Якубинский. Он писал: «Наше восприятие и понимание чужой речи, как и всякое восприятие, апперцепционно: оно определяется не только, а часто и не столько внешним речевым раздражением, но и всем прежде бывшим нашим внутренним и внешним опытом» [45]. Действие апперцепционной базы в языке Л. П. Якубинский показывает на примере того, как неверно осмысленная апперцепционная база может исказить коммуникацию: «Мой сожитель пришел со службы очень голодный, поджарил картошки и понес к себе; я тоже захотел есть и спрашиваю, можно ли еще поджарить картошку, т. е. топится ли плитка, он отвечает «нет», догадавшись по началу фразы «можно ли», что я прошу у него картошки; плитка же еще топилась. Здесь определяющим неправильное восприятие моментом явилось чувство голода» [46].

Одной из наиболее существенных областей апперцепционной базы являются наши знания о связях и отношениях между предметами и явлениями действительности. Когда утверждается, что смысловые отношения между предикативными конструкциями в сложном предложении извлекаются из содержания предикативных конструкций, то следует иметь в виду, что это извлечение может самым непосредственным образом опираться на апперцепционную базу партнеров коммуникации, ср.: *Не очень жарко сегодня будет/ ветерок есть//*, где причинные отношения между предикативными конструкциями определяются нашим повседневным опытом (апперцепционной базой): каждый знает, что ветер снимает жару. Иная повседневность дает и иную апперцепционную базу: если, например, в какой-то области, скажем, прилегающей к пустыне, ветер приносит не прохладу, а напротив, жару, то жители этой области будут иметь противоположную рассмотренной апперцепционную базу; и при такой апперцепционной базе возможно бессоюзное сложное предложение с причинными отношениями: *Опять жара сегодня будет: ветер с востока дует* [47]. Закрепленные в апперцепционной базе говорящих знания о связях и отношениях между постоянно сопровождающими человека

---

[45] *Якубинский Л. П.* О диалогической речи. — В кн.: Русская речь, I. Пг., 1923, с. 147. — Ср. также во многом сходное с понятием апперцепционной базы понятие энциклопедических знаний, см., например: *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978, с. 114—115.

[46] Там же, с. 151.

[47] В логико-грамматических концепциях языка много внимания уделяется понятию пресуппозиции. В самом общем виде пресуппозиции можно определить как некоторые необходимые для успешного осуществления коммуникации предпосылки. Дж. Лаков специально выделяет логические пресуппозиции, включающие представления говорящих о естественных отношениях между событиями. Так, в предложении *Сейчас июль, но идет снег* употребление противительного союза *но* корректно только в том случае, если для данной области снег в июле — нехарактерное событие (см. об этом: *Арутюнова Н. Д.* Понятие пресуппозиции в лингвистике. — Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1973, т. 31, № 1).

событиями, как правило, образуют весьма развитые цепочки отношений, ср.: холодная сырая погода — легкая возможность простудиться и заболеть — получить в результате простуды серьезные осложнения — надолго выключиться из активной работы — не суметь сделать ранее задуманного по работе и т. д. и т. п.

Такая хорошо закрепленная в апперцепционной базе связь событий и позволяет строить сложные предложения с опосредованными отношениями: из апперцепционной цепочки вербализуются в форме предикативных конструкций только некоторые звенья, которые с необходимостью вызывают в сознании другие, невербализованные звенья, активизируя тем самым всю цепочку событий или какую-то ее часть. На основе приведенной выше цепочки отношений построены такие высказывания с опосредованными отношениями: *Опять обещали эту ужасную нулевую температуру с дождем и ветром — ничего не стоит осложнение подхватить* или *Сляжешь надолго — придется просить продлить сроки: не успеешь сделать вовремя.*

Итак, одна из возможностей опосредования отношений в сложном предложении основывается на апперцепционной базе говорящих.

Следует специально подчеркнуть, что прямые или опосредованные отношения как некоторая лингвистическая реальность (а не как исследовательский конструкт) регулируются исключительно теми отношениями, которые вошли в апперцепционную базу и составляют, как иногда выражаются, картину мира носителей языка. Эта картина мира далеко не всегда совпадает с логической интерпретацией тех или иных отношений или с интерпретацией отношений с точки зрения некоторых научных представлений. Так, если для носителей языка существует явно прямая причинно-следственная связь между такими событиями, как головная боль и неспособность в этот момент к интеллектуальной деятельности, то специалист в соответствующей области может, по-видимому, представить эту связь как непрямую, опосредованную: голова болит из-за того, что нарушено кровообращение в мозгу, и именно это нарушение снижает возможности интеллектуальной деятельности. Однако возможность такой узкоспециальной интерпретации отношений не означает, что смысловые отношения в построенном на основании данной апперцепционной базы бессоюзном сложном предложении *Голова болит/ совсем не могу читать//* должны рассматриваться как опосредованные.

Весьма показательна для определения прямых и опосредованных отношений в сложном предложении некоторая эволюция взглядов Т. А. Колосовой на эту проблему. В своих ранних работах Т. А. Колосова стремилась выявить имплицитный смысл в сложном предложении, интерпретируя отношение в духе формальной логики, например, отношения в предложении *Яркая роскошь южной природы не трогала старика, но зато многое восхищало Сергея, бывшего здесь впервые* (А. Куприн) интер-

претируются так: неверно, что [яркая роскошь южной природы трогала старика] или [не восхищала Сергея]; верно, что [она не трогала старика] и [восхищала Сергея] [48]. Едва ли верно думать, что такой формальный анализ как-то представлен в сознании рядовых носителей языка; скорее всего, что никакого имплицитного смысла рядовой носитель языка в этом предложении не обнаружит. И поэтому Т. А. Колосова обратила внимание впоследствии на более надежный способ выявления имплицитного смысла: естественное развертывание имплицитных структур в соответствующие эксплицитные. Этот прием представляется вполне корректным, потому что реально предположить, что отношения, которые осознаются носителями языка как непосредственные, регулярно выступают в форме сложного предложения.

Есть и еще один важный показатель прямых/опосредованных отношений. Те связи и отношения, которые складываются в апперцепционной базе, могут так или иначе проявлять себя в системе языка. Одним из таких системных языковых проявлений этого является наличие в языке слов, семантика которых имеет общие компоненты, вскрывающие внешние связи того, что обозначено данным словом. Распределенные по разным предикативным конструкциям такие слова, способствуя обнаружению нужной смысловой связи, свидетельствуют в то же время о прямых отношениях в сложном предложении, и наоборот, отсутствие в составе предикативных конструкций слов с общими компонентами характерно для сложных предложений с опосредованными отношениями.

Различаются два типа слов с общими компонентами в значении.

(а) Слова с лексико-семантическим согласованием. Они имеют то отличительное свойство, что способны вступать в непосредственные подчинительные связи. Одним из первых на возможность лексико-семантического согласования слов обратил внимание В. Г. Гак. Он писал: «Наличие одной и той же семы в двух членах синтагмы выступает как своеобразное семантическое согласование — семантически зависимого и семантически господствующего членов, причем синтагмема является формальным средством этого согласования на семантическом уровне (в плане содержания). Подобно грамматическому, семантическое согласование есть формальное средство организации высказывания, достигшее, однако, значительно меньшей формализации» [49].

В лексико-семантическом согласовании находятся, например, слова в подчинительном словосочетании *полежать на раскла-*

[48] *Колосова Т. А.* О двух планах анализа семантики сложных предложений. — В кн.: Исследования по современному русскому языку. М., 1970.

[49] *Гак В. Г.* К проблеме семантической синтагматики. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972, с. 380.

душке; семантика слова *раскладушка* с необходимостью включает компонент 'лежать': *раскладушка* — это предмет для отдыха (сна) лежа. Это лексико-семантическое согласование явным образом проявляет себя в таком бессоюзном сложном предложении с прямыми отношениями, как *Полежать хочется — разложи раскладушку*, ср. сложное предложение с опосредованными отношениями: *Витя сегодня приезжает — разложи раскладушку* 'Витя (гость) приезжает — [ему нужно место для сна] — разложи раскладушку'.

(б) Слова с категориально-семантическим согласованием. Общий компонент таких слов показывает, что эти слова принадлежат к некоторой однородной лексической группе одной части речи. Общий компонент (или компоненты) и интегрирует эти слова в однородную группу. Слова с категориально-семантическим согласованием имеют то отличительное свойство, что могут образовать однородный сочинительный ряд, ср.: *У нас этим летом и жара, и холод, и дожди были*, где существительные *жара, холод, дожди* — объединены категориально-семантическим компонентом 'погодные условия'. Этот компонент дает возможность построить бессоюзное сложное предложение с прямыми сопоставительными отношениями: *У нас этим летом была жара — у них там холод и дожди без конца*, ср. соответствующее данному сложное предложение с опосредованными отношениями между предикативными конструкциями: *У нас этим летом была жара — у них в Прибалтике даже отдыхающие уезжали* 'у нас была жара — [у них было холодно] — и поэтому даже отдыхающие уезжали'.

Итак, различению прямых/опосредованных отношений типа (1) способствует проверка на естественность развертывания сложного предложения путем экспликации имплицитного смысла; анализ лексического состава предикативных конструкций в плане наличия/отсутствия в них семантически согласованных слов. Но в конечном счете все же решение вопроса о прямых/опосредованных отношениях связано с детальным описанием картины мира носителей языка. Являются ли те или иные отношения в сложном предложении прямыми или опосредованными — это вопрос, который может быть решен только с помощью информантов — носителей языка. Изучение «картины мира» информантов — задача особая, и далеко не только лингвистическая. Здесь она, естественно, решена быть не может. А поэтому мы должны существенно ограничить себя в описании прямых/опосредованных отношений. Свою задачу мы видим в том, чтобы без особых доказательств, в значительной степени основываясь на собственном чувстве языка, принять за исходный пункт анализа определенное сложное предложение с прямыми отношениями с тем, чтобы показать возможные регулярные пути опосредования смысловых отношений. Так, определяем как прямые отношения в сложном предложении со следующей семантико-синтаксической структурой — 'требование иметь некоторый функциональный предмет,

требование привести функциональный предмет в рабочее состояние — потому что необходимо осуществить действие, производимое данным функциональным предметом': *Дай топорик: мясо разрубить мне надо; Заведу я, пожалуй, будильник: не проспать бы мне завтра*; *Сделай-ка мне бутерброд какой-нибудь: есть хочется очень*. В предикативных конструкциях этих предложений налицо компоненты, находящиеся в лексико-семантическом согласовании: *топор* — инструмент для рубки — *рубить*; *будильник* — специальные часы, предназначенные для того, чтобы будить — *не проспать* — быть разбуженным; *бутерброд* — разновидность еды — *есть*. Опосредование осуществляется по такой линии (модели): называется цель, для достижения которой необходимо осуществить действие, а смысл 'необходимость осуществить действие, производимое данным функциональным предметом' становится имплицитным: *Дай топорик*: *мясо я к обеду хочу потушить*; *Заведу я пожалуй будильник*: *рано мне его встречать завтра*; *Сделай-ка мне бутерброд*: *без перерыва мы сегодня заседали*. В частях этих предложений уже нет слов с лексико-семантическим согласованием, и эти предложения легко, естественным образом допускают экспликацию указанного имплицитного смысла, ср.: *Дай топорик, мясо разрубить надо — к обеду я хочу потушить*; *Заведу я, пожалуй, будильник*: *не проспать бы мне завтра — рано мне его встречать*; *Сделай-ка мне бутерброд*: *есть хочется что-то — без перерыва мы сегодня заседали и остались без обеда*.

Апперцепционная база, на основе которой возможно опосредование отношений в сложном предложении, может быть общей и частной. Общая апперцепционная база — это знания и опыт всех или по крайней мере неопределенно многих носителей языка. Частная апперцепционная база — это фонд опыта и знаний ограниченного, чаще всего весьма небольшого, микроколлектива [50]. Рассмотренные примеры опосредования отношений имеют в своей основе общую апперцепционную базу. Большую активность в установлении прямых и, соответственно, опосредованных отношений показывает и частно-апперцепционная база. Так, например, одна семейная (и потому, естественно, весьма частная) апперцепционная база включала в себя следующую установку: перед длительным отъездом на дачу окна в городской квартире завешивались газетами. Такая апперцепционная база позволила построить понятное только в данной семье предложение *Давай закрывай окна газетами/ завтра поедем же//* (поедем на дачу). Если это бессоюзное сложное предложение характеризовать как предложение с прямыми отношениями, то следующее предложение

[50] Ср.: «Апперцепцирующая масса, определяющая наше восприятие, включает в себя элементы постоянные и устойчивые, которыми мы обязаны постоянным и повторяющимся влиянием свойственной нам среды или сред, и элементы преходящие, возникающие в условиях момента» (*Якубинский Л. П.* Указ. соч., с. 147).

необходимо будет рассматривать как предложение с опосредованными отношениями: *Не буду я убирать газеты/ скоро на дачу поедем//*, ср. то же предложение с экспликацией имплицитного смысла: *Не буду я убирать газеты/ скоро понадобятся закрывать окна/ потому что на дачу поедем//*.

(2) Особый, отличный от (1), тип опосредования смысловых отношений между предикативными конструкциями имеет место при таких отношениях, когда одна из предикативных конструкций служит удовлетворению обязательной валентности опорного слова другой предикативной конструкции. К таким отношениям принадлежат прежде всего изъяснительные. Если опорное слово с обязательной валентностью налицо, то отношения прямые, ср.: *Я видел: они на лыжах катаются*; *Я убедился: нет этого слова в словаре*. При опосредованных отношениях нет слова с обязательной валентностью, но оно так или иначе предсказывается, ср.: *Я посмотрел: они на лыжах катаются*; *Я взял словарь: нет там этого слова*. Что же позволяет обойтись без опорного слова с обязательной валентностью? По-видимому, и в этом случае можно говорить о действии апперцепционной базы носителей языка, но базы особого рода. Если в типе (1) опосредования речь шла о цепочке событий, то в данном случае можно говорить о последовательности развития одного события: в приведенных примерах речь идет об этапах обнаружения, познания и т. п. Глаголы, называющие последовательные действия в этом сложном процессе, могут связываться союзом *и*, и поэтому при развертывании бессоюзных сложных предложений с опосредованными отношениями в предложения с прямыми отношениями к глаголам, не имеющим обязательной валентности, можно добавить с помощью союза *и* глагол с требуемой валентностью, ср.: *Я посмотрел и увидел: они на лыжах катаются*; *Я взял словарь и убедился: нет там этого слова*. Глаголы, образующие сочинительную цепочку, могут иметь в своем значении общие компоненты: *посмотрел* и *увидел*. Ср. еще: *Я оглянулся: он стоит* (*оглянулся и увидел*); *Я прислушался: все тихо* (*прислушался* и *услышал*). Такие общие компоненты значения облегчают опосредование, с большой ясностью предсказывая опорный глагол. Однако общность компонентов значения не является обязательным условием опосредования отношений данного типа, ср. *взял* и *убедился*. Дадим еще примеры: *Я проходил мимо нашего магазина/ рыбу свежую несут//* 'проходил и видел, что рыбу свежую несут'. *Я гулял в лесу: новые скамейки оригинальные там сделали//* 'гулял и видел, что новые скамейки там сделали'.

Как и при опосредовании типа (1), в типе (2), хотя имплицитный смысл обычно равен значению одного глагола с сильной валентностью, говорить о незамещенной синтаксической позиции нет оснований, потому что опорное слово предсказывается не на основе валентных свойств наличных компонентов, а на основе особого рода апперцепционной цепочки. Следует еще в этом плане обсудить вопрос об обратной валентности изъяснительной преди-

кативной конструкции. Дело в том, что объектный распространитель глагола, выраженный словоформой, может обратной валентностью сигнализировать незамещенную позицию глагола-предиката, ср. незамещенные синтаксические позиции глаголов говорения: *Он о своем докладе на конференции//*; *Я не о содержании/ я о композиции книги//*; в этом случае о незамещенной позиции глагола говорения ясно свидетельствует форма *о* + дательный пад. существительного соответствующей семантики [51]. Изъяснительная предикативная конструкция не обладает ни такой формой, которая могла бы задать позицию глагола с обязательной валентностью, ни особым значением, которое бы определило лексическую семантику этого глагола: действительно, семантика 'они на лыжах катаются' ничего не говорит о семантике 'увидел', семантика 'нет в словаре этого слова' также не избирает особо среди глаголов глагол с семантикой 'убедиться', в то время как, например, компонент *о докладе на конференции* явно сочетается прежде всего с глаголами *говорить, рассуждать* и т. п. Таким образом, механизм обнаружения имплицитного опосредующего смысла типа (2) отличен от механизма обнаружения смысла, передаваемого незамещенными синтаксическими позициями.

Опосредования смысла типа (1) и (2) имеют между собой еще одно существенное отличие. Сложные предложения с опосредованными отношениями типа (1) могут быть как союзными, так и бессоюзными, ср.: например: *Надо вызвать такси/ нельзя нам опаздывать//* 'надо вызвать такси — [на другом транспорте мы не успеваем попасть в нужное место, в нужное время] — туда, в это место нам опаздывать нельзя' и *Надо вызвать такси, потому что нельзя нам опаздывать*. Или: *Не бери в пакетах молоко/ в портфеле везти придется//* (из частно-апперцепционной базы известно, что в данном портфеле пакеты могут лопнуть, в нем можно возить только молоко в бутылках) — 'не бери в пакетах молоко — пакеты могут лопнуть — потому что пакеты в портфеле везти придется' и *Не бери в пакетах молоко, потому что в портфеле везти придется*.

Однако чем сложнее и глубже опосредование, тем менее возможен в сложном предложении союз, ср.: *Надо завести будильник/ Витя приезжает//* 'надо завести будильник — [потому что я должен встать вовремя и рано — потому что должен встретить Витю] — потому что Витя приезжает'; союзное предложение типа *Надо завести будильник, потому что Витя приезжает* едва ли уместно.

Сложные предложения с опосредованиями типа (2) могут быть только бессоюзными. Система языка исключает употребление союза при таких отношениях, ср.: *Он поднял голову: две белки*

---

[51] Подробнее о семантико-синтаксической структуре подобных высказываний см.: *Ширяев Е. Н.* Лексико-семантические характеристики высказываний с нулевыми глаголами-предикатами. — В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1973. Сб. 4, с. 152—160.

*на березе сидят — *Он поднял голову, что две белки на березе сидят*, но *Он поднял голову и увидел, что две белки на березе сидят*; *Он оглянулся: сзади шли два человека — *Он оглянулся, что сзади шли два человека*, но *Он оглянулся и увидел, что сзади шли два человека.*

Таким образом, опосредование смысловых отношений между предикативными конструкциями в сложном предложении характерно для бессоюзных сложных предложений и много реже встречается в союзном типе.

Имплицитный смысл, опосредующий смысловые отношения между предикативными конструкциями, может характеризоваться не только с точки зрения принципов его обнаружения, но и в плане его принадлежности к модусу или пропозиции.

При опосредовании типа (1) имплицитный смысл опосредует отношения между предикативными конструкциями — пропозициями и сам имплицитный смысл имеет при этом пропозитивный характер.

При опосредовании типа (2) имплицитный смысл «помещается» внутри модуса и, естественно, сам имеет модальный характер.

Гораздо более сложные отношения имплицитного и эксплицитного смысла имеют место в сложных предложениях типа *Новую набережную в Горьком строят/ я ездил на пароходе//*; *Какие-то новые холодильники в магазине продают у нас/ я проходил мимо//*; *Интересная была конференция в Горьком/ Петя приезжал//*. Семантическое «прочтение» таких предложений следующее: 'я могу (имею основания) утверждать, что в Горьком строят новую набережную, потому что я ездил на пароходе по Волге (мимо, следовательно, Горького) и видел (это строительство); 'я знаю (и поэтому сообщаю тебе), что в магазине у нас продают какие-то новые холодильники, потому что я проходил мимо магазина и видел это', 'я знаю, (и поэтому сообщаю тебе), что конференция в Горьком была интересная, потому что приезжал Петя (который был на этой конференции) и рассказывал мне об этом'.

Семантико-синтаксическая структура этих предложений имеет много общего с изъяснительными предложениями: у них часто один и тот же лексико-семантический состав частей; формальное отличие состоит только в порядке следования предикативных конструкций, ср.: изъяснительные отношения — *Я видел/ новую беседку в лесу построили//* 'я видел, что новую беседку в лесу построили' и *Новую беседку в лесу построили/ я видел//* 'я утверждаю, что новую беседку в лесу построили, потому что я видел это'.

В бессоюзных сложных предложениях рассматриваемого типа имплицитным является смысл 'я знаю и поэтому сообщаю (утверждаю) и т. п. (что-то)'. Этот имплицитный смысл непосредственно связан как с первой, так и со второй предикативными конструкциями, которые между собой не имеют смысловых связей. При

этом логико-семантический статус имплицитного смысла, в зависимости от того, по отношению к какой из предикативных конструкций определяются его связи, различен. По отношению к первой предикативной конструкции имплицитный смысл представляет из себя «чистый» модус: 'я знаю и сообщаю тебе, что в Горьком строят новую набережную', 'я знаю и сообщаю тебе, что в магазине у нас продают какие-то новые холодильники' и т. п. Вторая предикативная конструкция имеет с имплицитным смыслом причинную связь, в этой предикативной конструкции обосновывается, почему что-то кому-то известно; имплицитный смысл в этом плане представляется уже как пропозиция, находящаяся в причинных (т. е. пропозиционных) отношениях с другой пропозицией: 'я знаю и сообщаю тебе, (что в Горьком строят новую набережную), потому что я ездил на пароходе'; 'я знаю и сообщаю тебе (что в магазине у нас продают какие-то новые холодильники), потому что я проходил мимо' и т. п. Как и при любых других причинных отношениях, эти отношения, естественно, при условии экспликации имплицитного смысла можно выразить специальным причинным предикатом при неполной номинализации предикативных конструкций, ср.: *Тот факт, что я ездил по Волге, является причиной того факта, что я знаю* (*о том, что в Горьком строят новую набережную*). При изъяснительных отношениях в этих, как и в любых других структурах, подобная экспликация отношений исключена.

Семантическую структуру анализируемых сложных предложений, с учетом имплицитного смысла, можно представить как сложение двух структур: (имплицитный смысл в роли модуса + + изъяснительная предикативная конструкция — пропозиция) + + (имплицитный смысл в роли пропозиции + причинная предикативная конструкция — пропозиция). В такой записи ясно видно, что именно имплицитный смысл организует в одно семантическое целое смысл, эксплицированный в предикативных конструкциях.

К этому следует еще только добавить, что вторая предикативная конструкция может иметь внутри себя имплицитный смысл, как это бывает при собственно изъяснительных отношениях: ср. *Новую беседку в лесу построили: я гулял — Новую беседку в лесу построили: я гулял и видел это — Я знаю и сообщаю тебе, что новую беседку в лесу построили, потому что я гулял в лесу и видел это* (ср. с изъяснительными отношениями: *Я гулял в лесу: новую беседку построили — Я гулял в лесу и видел, что новую беседку построили*).

Заканчивая обзор функций имплицитного смысла в сложном предложении, отметим следующее. В вопросно-ответной форме диалога может быть равная по составу одной предикативной конструкции ответная реплика, которую можно интерпретировать как часть сложного предложения при имплицитной другой части: *Почему ты не поехал на конференцию? — Работы много* (ср.: *Я не поехал на конференцию: работы много*); *Почему ты не идешь*

гулять? — Голова болит (ср.: *Я не иду гулять: голова болит*). Такая интерпретация ответной реплики в диалоге возможна тогда, когда ответ — предикативная конструкция, не опираясь в своем синтаксическом строении на реплику-вопрос, извлекает из этой реплики-вопроса пропозитивный смысл, ср.: (а) *Ты когда пойдешь гулять? — В пять* и (б) *Почему ты не идешь гулять? — Очень занят.*

В (а) ответная реплика опирается в синтаксическом и в смысловом плане на структуру вопроса, ответ как бы включается в эту структуру: *Я пойду гулять в пять часов*; ответная реплика в этом случае — часть простого предложения. В (б) ответная реплика опирается исключительно на смысл вопросительной реплики; поскольку между извлеченным из вопросительной реплики смыслом и смыслом ответной реплики устанавливаются активизированные смысловые отношения — именно на установление этих отношений направлен вопрос — ответную реплику и можно рассматривать как часть сложного предложения: *Я не пойду гулять: очень занят.* Реплики—части сложного предложения обычно бывают при вопросах о причине, следствии, условии: *Почему собрание опять отменили? — Кворума, говорят, нет*; *А как* (на каких условиях) *они согласны с нами сотрудничать? — Контракт заключим* и т. п.

В вопросно-ответном диалоге с репликой—частью сложного предложения возможна такая ответная семантическая структура, которая может интерпретироваться как сложное предложение с опосредованными отношениями. Это бывает при ответах на темпоральные и локальные вопросы, если ответ является непрямым, ср.:

Когда ты пойдешь гулять? — Работы много//, ср.: Работы много, поэтому гулять некогда, и, следовательно, я вообще не пойду гулять; *К четвергу Анна Петровна сможет напечатать мне статью? — Анна Петровна уже неделю в больнице//*, ср.: Анна Петровна уже неделю в больнице, поэтому вообще не печатает и, следовательно, не напечатает и к четвергу; *В Горьком на конференции я теперь тебя увижу// — Я не посылал в Горький заявки//*, ср.: Я не посылал в Горький заявки, поэтому в Горький на конференцию не поеду, и, следовательно, в Горьком мы не увидимся.

Имплицитный смысл в ответной реплике—части сложного предложения осознается, как и в других рассмотренных случаях, на основе заложенных в апперцепционной базе отношений. Приведенные примеры показывают действие общей апперцепционной базы: всем известно, что работа исключает отдых (гуляние) и т. п. Возможно также «действие» и частной апперцепционной базы, оно ясно проявляется при непрямых ответах, ср.: (известно, что А. накануне лекции считает нужным хорошо отдохнуть) Б. *Ты гулять идешь? — А. У меня лекция завтра//*, ср.: У меня лекция завтра, и так как я всегда перед лекциями гуляю, то и сегодня пойду гулять; (известно, что А. обычно читает газету

на балконе и часто там ее забывает) Б. *А где сегодняшняя газета?* А. *Я читал//* (или *Газета — я читал//*), ср.: Я читал газету, и, следовательно, газета на балконе; (известно, что А. (Саша) в 4 часа обычно ходит в детсад за ребенком) Б. *А куда Саша пошел?* А. *Четыре часа ведь уже//*, ср.: Четыре часа уже, и поэтому Саша, как всегда в это время, пошел в детсад за сыном.

Относительно непрямых ответов, как с общей, так и с частной апперцепционной основой должно быть обсуждено предположение: нельзя ли считать, что непрямой ответ — это предикативная конструкция, употребленная в переносном значении, и, следовательно, никакого имплицитного смысла при данной конструкции нет? Такое предположение кажется неверным. Следует иметь в виду, что любое прямое и соответствующее переносное значение не могут выступать одновременно (случаи, когда, например, в каламбурах совмещают эти значения, только подтверждает их несовместимость в обычных случаях). Если приписать ответной реплике соответствующее переносное значение, то оно должно исключить прямое, но вербализованная ответная часть всегда имеет прямое значение: в диалоге *Куда ты пойдешь завтра? — Завтра у меня гости* ответ включает не только информацию 'я никуда не пойду', но и обоснование этого факта, что и выражается прямо лексико-семантическим содержанием ответной реплики: *Я никуда не пойду, потому что завтра у меня гости* (или: *Завтра у меня гости, и поэтому я никуда не пойду*). Именно это и дает основание заключить, что имплицитный смысл не может быть (на правах переносного) приписан вербальной ответной части.

Еще раз о сочинении/подчинении и бессоюзном сложном предложении

О сочинении/подчинении речь в этой книге шла уже неоднократно. Подведем некоторые окончательные итоги.

(1) Сочинение/подчинение — формальная категория: ее синтаксическое значение — возможность соотнести сочиненные члены одинаковым образом с третьим членом/невозможность третьего члена, находящегося в одинаковых отношениях с соединяемыми при подчинении; средство выражения этого значения в сложном предложении — союзы и союзные слова. Следовательно, сочинение/подчинение как формально-синтаксическое значение выражается только в союзном сложном предложении и не представлено в бессоюзном.

(2) Дать непротиворечивое определение сочинению/подчинению на основе чисто семантической характеристики отношений невозможно, потому что существуют отношения, которые оформляются и как сочиненные, и как подчиненные.

Задачу в этом плане нам кажется возможным поставить несколько иначе. Не пытаясь определить сочинение/подчинение на семантической основе, можно выявить способность каждого из

отношений к выражению в форме сочинения/подчинения [52]. Такая характеристика отношений даст возможность представить системные семантические взаимоотношения союзных и бессоюзных предложений. Рассмотрим систему союзных и бессоюзных предложений в этом плане.

Дифференцированные смысловые отношения в бессоюзных сложных предложениях делятся на такие, которые в союзном сложном предложении:

(а) могут быть выражены только с помощью сочинительных союзов; сопоставительных — *Я работаю/ он рядом играет// — Я работаю, а он рядом играет*; *Он по Волге каждое лето ездит/ она без Прибалтики жить не может// — Он по Волге каждое лето ездит, а она без Прибалтики жить не может*; разделительных: *Только от тебя зависит что тебя ждет// В армию пойдешь/ в институт поступишь// — В армию пойдешь или в институт поступишь.*

(б) могут быть выражены только с помощью подчинительных союзов: изъяснительных — *Я утверждаю: это неверно в принципе* и *Я утверждаю, что это неверно в принципе*; *Он говорил: давно уже эти конференции отменили — Он говорил, что давно уже эти конференции отменили*; определительных — *Полотенце/ мне подарили/ по-моему китайское//* и *Полотенце, которое мне подарили, по-моему, китайское* и т. п.

(в) могут быть выражены и с помощью сочинительных, и с помощью подчинительных союзов: *Взошло солнце: можно отправляться в путь* и *Взошло солнце, и можно отправляться в путь, Взошло солнце, так что можно отправляться в путь.*

Недифференцированные смысловые отношения в бессоюзных сложных предложениях делятся на такие, в которых:

а) составляющие недифференцированное значение дифференцированные значения могут быть порознь выражены только подчинительными союзами (союзными словами): *Пойдем купаться: будет солнышко// — Пойдем купаться, потому что будет солнышко + Пойдем купаться, если будет солнышко + Пойдем купаться, когда будет солнышко.*

(б) составляющие недифференцированное значение дифференцированные могут быть порознь выражены и сочинительными и подчинительными союзами: *Купил хлеба: мало у нас совсем// — Купил хлеба, потому что мало у нас совсем + Купил хлеба, а то мало у нас совсем; Я не успевал за ним/ он шел быстро// — Я не успевал за ним, а он шел быстро + Я не успевал за ним,*

[52] Заметим, что путь поиска в бессоюзных сложных предложениях сходных, но не идентичных с сочинением/подчинением явлений имеет своих сторонников. Так, А. А. Бронская, различая в бессоюзном сложном предложении нейтральную, двустороннюю и одностороннюю синтаксические связи, сравнивает их соответственно с перечислительной, сочинительной и подчинительной связью в союзном сложном предложении, см.: *Бронская А. А.* Синтаксические связи в бессоюзных сложных предложениях. — Научн. докл. высшей школы. Филол. науки, 1975, № 1.

потому что он шел быстро; *Он учится хорошо/ получает только пятерки и четверки// — Он учится хорошо, то есть получает только пятерки и четверки + Он учится хорошо, потому что получает только пятерки и четверки*; *Я его звал в гости/ он не пришел// — Я его звал в гости, но он не пришел + Хотя я его звал в гости, он не пришел.*

И, наконец, выделяются бессоюзные сложные предложения с такими дифференцированными отношениями, которые союзами или союзными словами вообще не выражаются, к ним относятся бессоюзные сложные предложения с пояснительными и знаковыми отношениями: *Я сделаю так/ пойду и все скажу ему//*; *Ласточки высоко летают/ значит дождя не будет//.*

Из сказанного следует, что в принципе не существует ни одной идентичной пары союзное — бессоюзное сложное предложение. Бессоюзные сложные предложения с дифференцированными отношениями, допускающими выражение этих отношений только сочинительным или подчинительным союзом, и соответствующее союзное сложное предложение отличаются только невыраженностью/выраженностью сочинения или подчинения. Бессоюзные сложные предложения с дифференцированными отношениями, допускающими выражение этих отношений и сочинительным и подчинительным союзами, имеют два соотносительных сложных предложения, каждое из которых отличается от бессоюзного только выраженностью сочинения или подчинения. Бессоюзные сложные предложения с недифференцированными отношениями отличаются от союзных и характером смысловых отношений между предикативными конструкциями, и невыраженностью сочинения/подчинения.

Тем не менее, несмотря на эти различия, нельзя исключать возможности употребления бессоюзных сложных предложений с дифференцированными значениями и соответствующих союзных предложений как вариантов, свободно заменяющих друг друга в некоторых текстах. Невыраженность/выраженность грамматической категории сочинения/подчинения этому может не препятствовать. Если ставится цель выразить нужные смысловые отношения с помощью союза или союзного слова, то совсем не обязательно ставится одновременно цель выразить и сочинение или подчинение, но при употреблении союза или союзного слова не выразить сочинение или подчинение просто нельзя. Поэтому в союзных сложных предложениях сочинение/подчинение может быть просто неизбежным грамматическим (синтаксическим) «довеском». И, естественно, что этот «довесок» может не приниматься во внимание. Ситуация в этом случае во многом аналогична такой: если говорящий решает вопрос о том, каким словом — *тахта* или *диван* — уместно назвать соответствующий предмет, то, конечно, этот говорящий будет ориентироваться прежде всего на лексические значения слов, но не на грамматический род этих слов: мужской или женский.

Бессоюзные сложные предложения и функциональные группы

Существуют такие текстовые образования, которые по своей семантико-синтаксической структуре настолько близки к бессоюзным сложным предложениям, что могут быть рассмотрены в одной системе. Ср.:

Бессоюзное сложное предложение	Текст из двух высказываний
Ты никуда не пойдешь/ поздно уже// — 'ты никуда не пойдешь, потому что поздно уже'	Ты никуда не пойдешь? Поздно уже// — 'ты никуда не пойдешь? — я спрашиваю тебя об этом (мой вопрос имеет основания), потому что поздно уже'.

Этот текст из двух высказываний отличается от бессоюзного сложного предложения только тем, что первое высказывание в нем имеет функцию вопроса, выраженную вопросительной интонацией, а второе имеет повествовательную функцию с соответствующей повествовательной интонацией. И повествовательная интонация, и вопросительная интонация сигнализируют конец, завершенность, высказывания, и поэтому вопросительность первой части и повествовательность второй заставляют видеть в данном образовании именно текст, а не бессоюзное сложное предложение, поскольку в бессоюзном сложном предложении, согласно принятому определению, предикативные конструкции не имеют самостоятельной формально выраженной коммуникативной целеустановки: в плане коммуникативной целеустановки бессоюзное сложное предложение оформляется как одно целое, что и позволяет рассматривать соединение двух предикативных конструкций как одно высказывание. По-видимому, в основе рассматриваемого текста лежат семантико-синтаксические схемы бессоюзных сложных предложений. Вполне очевидно, что из некоторых полипредикативных высказываний РР можно легко вывести ряд текстовых образований. Для этого достаточно частям бессоюзных сложных предложений придать самостоятельную формально выраженную функцию. Можно думать, что текст, построенный по схеме бессоюзного сложного предложения, не производится каждый раз, а воспроизводится подобно тому, как воспроизводятся грамматические единицы. Во всяком случае для РР характерны тексты, построенные по схеме приведенного бессоюзного сложного предложения, типа: *Сходим в рыбный? Судаки бывают//*; *Вынесешь ведро? Класть уже некуда//*; *Ты за мной зайдешь? Мимо тебе ехать все равно//*; *Сырок ему купишь? За молоком идешь//*

Особый характер рассматриваемых текстовых образований, их «ориентация» на бессоюзное сложное предложение подтверждается тем, что одна часть, отличная по своей функции от другой, может располагаться интерпозитивно по отношению к этой части, ср.: *Футбол/ поедим? будет//* 'поедим сейчас? потому что скоро

по телевизору будет футбол (и поесть будет некогда)'; (о книге) *Далеко мне/ завернете? нести//*; *Мне все это/ поможешь? вниз отнести надо//*. Такие интерпозитивные функционально маркированные части напоминают вставные конструкции. Однако это сходство чисто внешнее, по сути своей они ничем не отличаются от «обычной» части бессоюзного сложного предложения кроме того, что имеют свою функциональную целеустановку.

Бессоюзные сложные предложения и базирующийся на их структуре текст можно объединить в функциональные группы. Это название выбрано потому, что в русской грамматической традиции повествовательность, утвердительность, побудительность и вопросительность высказывания (предложения) рассматривается как его функциональная (или коммуникативная) целенаправленность.

Всякий член функциональной группы предполагает такой же имплицитный смысл с двойной, модальной и пропозитивной, функцией, какой имеет место в бессоюзных сложных предложениях типа *А причалы в Куйбышеве построили/ я ездил//* — 'я утверждаю, что причалы в Куйбышеве построили; я могу утверждать это, потому что я ездил и видел это'. Ср. члены функциональной группы, построенные на основе данного сложного предложения:

А причалы в Куйбышеве построили? ты ездил//	'я спрашиваю, построили ли причалы в Куйбышеве; я спрашиваю об этом именно тебя, потому что ты ездил (по Волге в Куйбышев) и знаешь об этом'
А причалы в Куйбышеве построили/ ты ездил?	'ты утверждаешь, что причалы в Куйбышеве построили; верно ли, что ты утверждаешь об этом, потому что ездил (по Волге в Куйбышев)'
А причалы в Куйбышеве построили? ты ездил?	'я спрашиваю, построили ли причалы в Куйбышеве; я спрашиваю об этом тебя, потому что предполагаю и хочу убедиться в том, верно ли я предполагаю, что ты ездил по Волге в Куйбышев и знаешь об этом'.

Однако если в рассмотренном типе двойная функциональная нагрузка имплицитного смысла проявляет себя и в сложном предложении, и в членах функциональной группы, построенной на основе этого сложного предложения, то в других случаях имплицитный смысл делается релевантным для понимания семантической структуры только в членах функциональной группы. Так в сложном предложении с причинными отношениями типа *Я на лыжах пойду/ снежку поднавалило//* существует, как и вообще при любом предложении, имплицитный модус 'я утверждаю, что я на лыжах пойду, потому что снежку поднавалило', но этот модус ничего не объясняет в семантике связей. Если же обратиться к членам функциональной группы, существующих на основе данного сложного предложения, то без учета имплицитной модальной части смысловые связи интерпретировать оказывается уже невозможным:

Ты на лыжах пойдешь? снежку поднавалило//	'я спрашиваю тебя, пойдешь ли ты на лыжах; мой вопрос закономерен потому, что я знаю, что снежку поднавалило (и это способствует лыжной прогулке)'
Ты на лыжах пойдешь/ снежку поднавалило?	'я знаю, что ты пойдешь на лыжах; верно ли думать, что это вызвано тем, что снежку поднавалило'
Иди на лыжах/ снежку поднавалило//	'я советую тебе идти на лыжах; мой совет обоснован тем, что обстоятельства (снежку поднавалило) способствуют лыжной прогулке'.

Ср. еще одну функциональную группу, построенную на основе бессоюзного сложного предложения с условными отношениями типа: *Я подольше с ним* (с ребенком) *погуляю/ дождя не будет//*.

Погуляешь с ним подольше? дождя не будет//	'я спрашиваю тебя, погуляешь ли ты с ним подольше; я понимаю, что это можно сделать только при условии, если дождя не будет'
Погуляй с ним подольше/ дождя не будет//	'я прошу тебя погулять с ним подольше; я знаю, что моя просьба выполнима только при условии, если не будет дождя'.

Особого комментария требует член функциональной группы с императивной частью. Императивная часть в интонационном и семантико-синтаксическом плане, несомненно, является предложением, а не частью сложного предложения: такая часть имеет свою функциональную установку (побуждение, повеление) и в ней нет ни формальных, ни семантических признаков несамостоятельности, потому что императивные предложения — обычная регулярная синтаксическая структура, ср.: *Иди на лыжах*; *Погуляй с ним подольше* и т. п. Между тем в большинстве работ по сложному предложению конструкции типа *Иди на лыжах*: *снежку поднавалило* включаются в состав бессоюзных сложных предложений, хотя соответствие их принятому в данных работах определению бессоюзного сложного предложения далеко не очевидно. Так, Н. С. Поспелов выделяет в составе бессоюзных сложных предложений с указанием во второй части основания, причины особую повелительно-изъяснительную группу [53], хотя в предложениях этой группы едва ли можно обнаружить характерную, по мнению Н. С. Поспелова, для причинных предложений интонацию, характеризующуюся тем, что первая часть произносится с неспокойным понижением тона и со значительной паузой перед второй частью. Первая часть в причинных предложениях повелительно-изъяснительной группы произносится явно с интонацией обычных побудительных предложений.

Известна попытка Г. В. Валимовой построить такое определение сложного предложения, которое допускает разнофункциональность составляющих его частей. Так, выделяются сложноподчиненные предложения с обязательным вопросительным компонентом в позиции главной части, их «придаточная часть может состоять как из повествовательных, так и вопросительных компонентов». Эта придаточная часть в таких вопросительных предложениях может быть изъяснительной: *Разве ты не слышал от стариков, что на краденом коне далеко не уедешь?* (В. Короленко); условной: *Чем виноват человек, когда ему подставляют ногу, опутывают его интригами, крадут, убивают?* (И. Гончаров); причинной: *Не оттого ли, может быть, шагала она так уверенно по этому пути, что по временам*

[53] Грамматика русского языка. М., 1960, Т. II, ч. 2, с. 393—395.

слышала рядом другие, еще более уверенные шаги друга, которому верила и с ним соизмеряла свой шаг? (И. Гончаров) и т. п.[54]

Нетрудно видеть, что разнофункциональность частей в этих примерах устанавливается на чисто смысловой основе, интонационно-грамматическими средствами она не выражена. При этом и анализ смысла в этом плане не всегда бесспорен. Так, если Г. В. Валимова находит, что в сложноподчиненных предложениях с изъяснительными отношениями типа: *Он поинтересовался, почему я опоздал* первая часть является повествовательной, а вторая вопросительной, то А. Ф. Кулагин считает, что такая придаточная часть в отличие от синтаксически независимой вопросительной конструкции не имеет собственного плана коммуникативной целеустановки: в силу определенных лексико-грамматических показателей (лексическое значение опорного слова в главной части и сходство статической структуры придаточной части со статической структурой вопросительных предложений) в придаточной части «может в большей или меньшей степени проявляться лишь оттенок вопросительного значения, иногда доходящий до нуля»[55], ср.: *Он даже не поинтересовался* (*ему было безразлично*), *почему я опоздал*. От таких сложных предложений, следовательно, члены функциональной группы отличаются тем, что в последних разнофункциональность частей имеет формально-интонационное выражение.

---

[54] *Валимова Г. В.* Функциональные типы предложений. Ростов н/Д, 1967, с. 172, 188, 223, 239.

[55] *Кулагин А. Ф.* Основные структурно-семантические типы сложного предложения в аспекте коммуникативной целеустановки. Автореф. докт. дис. Л., 1972, с. 8.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СФЕРАХ

В предшествующих главах была дана общая характеристика формального и семантического устройства бессоюзных сложных предложений. Разные формальные и семантические признаки бессоюзного сложного предложения неодинаково распределены по разным языковым сферам и, что не менее важно, по-разному проявляют себя в разных сферах.

Сферами языка называем разговорную речь, язык художественной литературы и функциональные стили: научный, деловой и публицистический. Необходимость выделения этих трех больших сфер языка обоснована Д. Н. Шмелевым, показавшим особую языковую организацию каждой из сфер. Языковые сферы различаются не столько тем, что каждая из них имеет свои специфические средства, сколько тем, что они по-разному используют «общие средства».

«Было бы, очевидно, не совсем правильно, — пишет Д. Н. Шмелев, — представить соответствующие разновидности как какие-либо концентрические круги, или как секторы одного круга (символизирующие «общелитературный язык»), центральную часть которого занимают «нейтральные» языковые средства, общие для всех типов речи, периферия же которого разделена между секторами. Такое представление, помимо всего прочего, противоречило бы представлению о единстве литературного языка, несомненно присутствующему в сознании говорящих. Языковые средства, конечно, неравномерно распределены между различными типами речи. Однако специфические для каждого из них единицы не образуют в основной своей массе каких-либо синонимических рядов, которые можно было бы сопоставить друг с другом.

Литературный язык, по-видимому, с большим основанием мог бы быть представлен как такой круг, который в зависимости от функциональной направленности речи смещается в разные плоскости, при разных смещениях отдельные его части выступают на первый план, некоторые другие — отходят в тень. Функциональные разновидности тогда — это разные проекции единого круга в трехмерном пространстве» [1].

[1] *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977, с. 38—39. — См. также одно из первых выполненное в таком направлении большое стилистическое исследование: *Винокур Т. Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.

Особое место среди сфер языка занимает РР. Коммуникативные задачи, которые решаются при использовании РР, предполагают своеобразное использование языковых единиц, в том числе и бессоюзного сложного предложения, и своеобразные синтагматические и парадигматические связи между единицами. Это своеобразие настолько существенно, что дало основание выдвинуть гипотезу о РР как особой языковой системе или особом языке [2]. Не все исследователи РР приняли эту гипотезу. Д. Н. Шмелев, противопоставив РР другим языковым сферам, показывает, однако, не только разграниченность данных сфер, но и их взаимосвязи. Существование таких взаимосвязей служит для Д. Н. Шмелева одним из аргументов неприятия гипотезы о РР как особой системе. Следует заметить, что и сами авторы гипотезы о РР как особой системе хорошо понимают, что разносистемность РР и КЛЯ — это не то же самое, что разносистемность двух национальных языков. Достаточно сказать, что РР и КЛЯ имеют одних и тех же носителей. Безусловно и то, что системы РР и КЛЯ, несмотря на все их своеобразие, имеют и много общего, вследствие чего эти системы противопоставлены далеко не так контрастно, как, скажем, противопоставлены системы неблизкородственных индоевропейских языков (русский и английский, немецкий и испанский и т. п.). Но, с другой стороны, близость РР и КЛЯ не настолько велика, чтобы рассматривать их в одной системе. Для нас гипотеза об РР как особой системе означает главным образом следующее: РР должна описываться как самостоятельная система, не сводимая к системе КЛЯ и не выводимая из системы КЛЯ. Если пытаться «вместить» особенности РР в грамматики КЛЯ, то есть опасность просто неверно истолковать эти особенности. В этом убеждает опыт описания разговорного материала, в том числе и опыт описания бессоюзного сложного предложения в РР. О. А. Лаптева обратила внимание на типично разговорные бессоюзные сложные предложения типа *А где носовой платок я кинула?; Где мои шерстяные носки тут были?; А где мой кошелек тут лежал?; А где мой ножичек здесь был?; А где картонная коробка/ у нас была?; А где мои бумажечки здесь валялись?* и т. п. О. А. Лаптева интерпретирует эти конструкции через систему КЛЯ, устанавливая для них общелитературные эквиваленты. Утверждается, что такие конструкции эквивалентны сложноподчиненному предложению одночленного типа с атрибутивной придаточной частью [3]. Нам представляется, что такое толкование неточно. Данные предложения входят в системе бессоюзных предложений разговорной речи в ту группу, где вторая предикативная

[2] Эта гипотеза, разработанная под руководством Е. А. Земской и М. В. Панова авторами монографии «Русская разговорная речь» (М., 1973), впервые была сформулирована в кн.: *Земская Е. А.* Русская разговорная речь (Проспект). М., 1968, с. 15.

[3] *Лаптева О. А.* Некоторые эквиваленты общелитературных подчинительных конструкций в разговорной речи. — В кн.: Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1967, с. 55.

конструкция связана по смыслу с модусом предложения, семантическая интерпретация этих предложений может быть представлена так: 'я спрашиваю (у меня есть основания спрашивать), где носовой платок, потому что я (его) кинула сюда, а теперь его тут нет'; 'я спрашиваю, где мои шерстяные носки, потому что они тут лежали, а теперь их нет' и т. п. Не исключено, что это значение сливается в одно недифференцированное значение с определительным, но интерпретация смысловых отношений в этих предложениях только как определительных едва ли правомерна. Увидеть истинные смысловые отношения помешала здесь ориентация на привычную исследовательскому глазу систему сложного предложения КЛЯ. Сомнения в правильности интерпретации О. А. Лаптевой смысловых отношений в рассматриваемых конструкциях мы имели возможность высказать в одной из своих публикаций [4] и получили ответ на это. Суть ответа в следующем: «Поиск общелитературного эквивалента отражает известный факт наличия соотнесенности между союзными и бессоюзными подчинительными конструкциями, отмеченный еще А. М. Пешковским, а вслед за ним претворяемый в описание В. И. Борковским, М. Кубиком и другими исследователями... Этот факт не может отразиться отрицательно на адекватном отражении системы смысловых отношений в описании, тем более что эквивалентность затрагивает не всю систему, но лишь часть ее» [5]. Возразить против поисков соотнесенности, действительно, нечего. Но ведь все дело в том, где граница такой соотнесенности и в чем проявляется такая соотнесенность. О. А. Лаптева по-прежнему настаивает на эквивалентности рассматриваемых структур определительным сложноподчиненным предложениям, но при этом наша приведенная здесь интерпретация никак не опровергается [6]. И это дает основание продолжать думать, что взгляд на РР через систему КЛЯ может дать неверные интерпретации фактов.

Настаивая на том, что РР — это особая система, мы тем не менее не только не отрицаем, но, наоборот, считаем совершенно необходимым, с одной стороны, сравнение двух систем и, с другой — всестороннее исследование взаимодействия систем РР и КЛЯ. Для понимания бессоюзного сложного предложения важно и то, и другое.

Основной синтаксической единицей РР кажется целесообразным считать высказывание. Сложному предложению КЛЯ в РР соответствует единица, которую называют полипредикативным высказыванием [7]. Предложение и высказывание сходны во всем, кроме одного существенного момента. Высказывание как синтаксическая единица РР в гораздо большей степени, чем предложения КЛЯ, связано со своим речевым и, что особенно важно, внеречевым окружением,

---

[4] Русская разговорная речь. М., 1973, с. 329.

[5] *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976, с. 286—287.

[6] Там же, с. 291—292.

[7] Подробнее о высказывании как основной синтаксической единице РР см.: *Ширяев Е. Н.* Об основной синтаксической единице разговорного языка. — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, с. 130—133.

с тем, что выше было охарактеризовано как апперцепционная база. Эта связь во многих случаях настолько тесна и многогранна, что изолированное от своего окружения высказывание оказывается просто бессмысленным и, если можно так сказать, бесструктурным, ср., например, диалог с такой предысторией: А. уезжая в командировку, обещал Б. купить фотобумагу разного формата, вернувшись из командировки, А. отдает Б. фотобумагу. Б. *А большая что?* А. *Она бывает бывает// Я просил знакомых/ пришлют может//*. Без знания описанной предыстории высказывания — реплики диалога поняты быть не могут; нельзя, естественно, понять и связи между предикативными конструкциями в последнем бессоюзном полипредикативном высказывании; знание же предыстории делает очевидным весь диалог: *А большего формата фотобумаги не было? — Она* (фотобумага большого формата) *бывает, но в данный момент ее не было. Я просил знакомых купить ее* (когда она будет). *Они обещали это сделать, и когда сделают, то следовательно, пришлют*. Предложения КЛЯ также связаны с речевым и внеречевым окружением, но эта связь менее тесная и глубокая. Чтобы понять семантико-синтаксическую структуру предложения КЛЯ, его можно изолировать из окружения. На таком абстрагировании предложения как семантико-синтаксической структуры со своей схемой построен в принципе любой синтаксис предложения КЛЯ.

Поскольку здесь не ставится специальная задача по выявлению взаимодействия полипредикативного высказывания РР с его окружением [8] и поскольку нас интересует выбранный для исследования объект равным образом во всех языковых сферах, считаем возможным использовать для названия этого объекта только один термин — бессоюзное сложное предложение.

Бессоюзные сложные предложения в разговорной речи

Условия осуществления разговорного коммуникативного акта благоприятствуют употреблению в нем бессоюзных сложных предложений. Синтаксическая форма бессоюзного сложного предложения такова, что требует от слушателя решить небольшую семантическую задачу: вывести задуманные говорящим отношения из содержания предикативных конструкций. Всегда остается небольшое опасение, что эта задача будет решена не совсем верно. Непосредственное участие говорящих в коммуникативном разговорном акте сводит эту опасность на нет, поскольку всегда существует возможность переспроса для разного рода уточнений, пояснений, одним словом, всегда существует возможность коррекции коммуникативного акта, ср.: А. *Ну я ушел/ они начали спорить//* Б. *А что же тебе так их споры не нравятся?* А. *Да нет/ просто я уже должен был уходить/ почему не нравятся//* — здесь говорящий задумал временные отношения ('ну я ушел, когда они начали спорить'), а слушающий нашел возможным интерпретировать эти отношения как причинные или как недифференцированные причинно-временные; возникшее недоразумение немедленно разъясняется. Письменные тексты КЛЯ, естественно,

[8] Эта задача решается нами в полном объеме в кн.: *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

лишены возможности решать так просто подобного рода конфликтные ситуации, и это служит сдерживающим моментом использования в КЛЯ бессоюзного сложного предложения.

Распространению в РР бессоюзных сложных предложений в большой степени способствовало еще то, что тексты РР явно избегают длинных цепочек с эксплицированными отношениями между их составляющими компонентами. Это — в резком отличии от КЛЯ, где обычны так называемые усложненные сложные предложения. Усложненные сложные предложения состоят из нескольких по-разному соединяемых элементарных бинарных пар. И хотя часто семантическая структура предикативных конструкций в этих парах такова, что позволяет воспользоваться формой бессоюзного сложного предложения, усложненное сложное предложение явно противодействует употреблению бессоюзия. Это объясняется, по-видимому, тем, что решение не одной, а сразу нескольких задач по нахождению смысловых отношений между предикативными конструкциями для слушающего затруднено. Эти трудности значительно увеличиваются еще тем обстоятельством, что слушающий должен не просто установить смысловые отношения в бинарных конструкциях, составляющих усложненное сложное предложение, но и соответствующим образом упорядочить эти отношения. Решение таких задач оказывается для слушающего нежелательным, и поскольку употребление союза или союзного слова снимает эти задачи, усложненные сложные предложения обычно бывают союзными. Рассмотрим такие примеры:

(1) Каждому солдату приятно становилось на душе от того, что он знал, что туда же, куда он идет, идет еще много, много наших (Л. Толстой).

(2) [Допросили и поляков]. Они в своей комнатке, хоть и легли было спать, но всю ночь не заснули, а с прибытием властей поскорей оделись и прибрались, сами понимая, что их непременно потребуют (Ф. Достоевский).

Бинарные составляющие из данных усложненных сложных предложений, взятые сами по себе, вполне допускают бессоюзную связь:

(1) Каждому солдату приятно становилось на душе: он знал, что туда же, куда он идет, идет еще много, много наших; Он знал: туда же, куда он идет, идет еще много, много наших.

(2) Они в своей комнате хоть и легли спать — всю ночь не заснули; Они в своей комнате хоть и легли спать, но всю ночь не заснули — с прибытием властей поскорей оделись и прибрались; Поскорей оделись и прибрались, понимая: их непременно потребуют.

Соединенные же в одно целое, данные бинарные конструкции в полностью бессоюзном оформлении уже явно нежелательны:

(1) * Каждому солдату приятно становилось на душе: он знал: туда же, куда он идет, идет еще много, много наших.

(2) *Они в своей комнате хоть и легли было спать — всю ночь не заснули — с прибытием властей поскорей оделись и прибрались, сами понимая: их непременно потребуют.

В связи с этим бессоюзная связь в усложненных сложных предложениях вообще используется нечасто, а если используется, то не более одного, очень редко, двух раз, ср.:

Но тот, который говорит, что причина есть движение колес, сам себя опровергает, ибо если он вступил на почву анализа, он должен идти дальше и дальше: он должен объяснить причину движения колес (Л. Толстой); Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперед (И. Тургенев); Оговорюсь: я убежден, как младенец, что страдания заживут и сгладятся, что весь обидный комизм человеческих противоречий исчезнет, как жалкий мираж, как гнусненькое измышление малосильного и маленького, как атом, человеческого эвклидовского ума, что, наконец, в мировом финале, в момент вечной гармонии, случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими крови, хватит, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось с людьми, — пусть, пусть это все будет и явится, но я-то этого не принимаю и не хочу принять (Ф. Достоевский).

Полностью бессоюзные усложненные сложные предложения, если и возможны в КЛЯ, то число связей в них не превышает двух, ср.: *Я посмотрел кругом — сердце во мне заныло: не весело ночью войти в мужицкую избу* (И. Тургенев). Примеры из КЛЯ бессоюзных сложных предложений с числом связей более двух нам неизвестны. В РР бессоюзные усложненные сложные предложения более вероятны, не исключены там и сложные предложения с тремя бессоюзными связями: (о ребенке) Они пришли/ он им торжественно заявил/ все в порядке/ ни капельки не ревел//; Никого нет/ он лучше себя ведет/ не дергают его//.

Для РР, как уже сказано, развернутые усложненные бессоюзные сложные предложения вообще нехарактерны, но и в небольших усложненных предложениях РР, подобно КЛЯ, все же предпочитает союзную связь, ср.:

(1) . . .я спорил с Борисом Алексанычем Эйхенбаумом/ на ту тему можно или нельзя/ во время экзамена может ли экзаменатор любого экзаменующегося/ вне зависимости от уровня его знаний/ провалить// Но и причем я доказал Борису Алексанычу что может провалить потому что я его провалил на трех вопросах по русской литературе/ так что он вынужден был признаться что «совершенно вы правы»//

(2) [из рассказа о походе] И вдали/ вдали/ там где-то деревья так вот понатыканы/ сосны/ но чувствуется/ что там палатки даже поставить негде/ потому что склон такой//[9].

[9] Оба текста взяты из кн.: Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978, с. 86—87, 94.

В отдельно взятых бинарных структурах из этих усложненных полипредикативных конструкций бессоюзная связь вполне возможна, ср.:

Но и причем я доказал Борису Алексанычу: может провалить; . . .Может провалить: я его провалил; Я его провалил. . . — он вынужден. . .

Система бессоюзных сложных предложений РР характеризуется двумя следующими основными особенностями: (1) все формально-семантические характеристики бессоюзного сложного предложения в РР проявляются с большой последовательностью; (2) некоторые формально-семантические характеристики могут иметь в РР качественно своеобразное проявление. Остановимся на этих особенностях подробнее.

В формальном плане своеобразие системы бессоюзных полипредикативных высказываний РР проявляется в том, что в ней регулярно используются оба типа интонационной связи: связь с особым интонационным оформлением непоследней предикативной конструкции и интонационно одноконструктивная связь. Для КЛЯ интонационно одноконструктивная связь нехарактерна. Вот примеры активизации разных смысловых отношений с помощью интонационно одноконструктивной связи в РР: изъяснительные — *Она* (преподаватель) *мне сказала математика у него очень хорошо идет//*; *А он мне говорил ведь это/ не отвертывается//*; *Он обещал на конференцию приедет//*; определительные — *Совсем у нас разваливается бочка под краном стоит//*; *Вишня под окном у нас растет наверно ягоды будут//*; А *это бездомный что ли кот к нам во двор ходит?;* причинные — (о катании на лыжах) *Плохо совсем сегодня тает//* и т. п.

По-видимому, только сопоставительные и противительные отношения, а также недифференцированные значения, включающие противительный компонент, не могут активизироваться подобным образом: *Я приду/ он уходит/ он приходит/ мне некогда//*; *Дождь идет/ все равно гулять просится//*.

В формально-семантическом плане последовательность системы РР проявляется особенно рельефно в том, что в РР в отличие от КЛЯ бессоюзное оформление могут получать любые отношения.

На возможность оформления определительных отношений в РР без союзных слов, что совершенно невозможно в КЛЯ, обратила внимание О. А. Лаптева: *Я ему показал одну икону/ у Сони висит в комнате//*[10]. Действительно, бессоюзные определительные сложные предложения распространены в РР очень широко: *А это и есть те часы/ ты из ГДР привез?; Ты знаешь я в нашем магазине видел люстру/ вот по-моему они* (знакомые) *ищут//*; *Дай-ка мне*

[10] *Лаптева О. А.* Некоторые эквиваленты общелитературных подчинительных конструкций в разговорной речи, с. 57; *Она же.* Русский разговорный синтаксис, с. 284—352.

галстук/ я купил недавно// (тот галстук, который я купил недавно) [11].

Но дело не ограничивается только определительными предложениями. Без союза в сложных предложениях разговорной речи могут быть выражены и многие другие смысловые отношения, для передачи которых в КЛЯ совершенно необходим союз (или союзное слово), например, противительно-уступительные отношения (для выражения которых в КЛЯ обязательны союз *но* и *хотя*): *Пыталась я ее гимнастикой* (заставить заниматься)*/ не вышло у нее ничего//*; *Я на такси даже/ опоздал все равно//* (поехал); (о билетах в театр на дефицитный спектакль) *Зайди там в кассу на всякий случай/ ничего конечно не будет//*; сравнительные (в КЛЯ обязателен союз *как*): *Я ему медведя купил большого этого коричневого/ у меня помнишь был//*; А. *А ты бегаешь теперь как?* (в каком темпе) Б. *Я бегаю/ мы вот с тобой в Смоленске тогда бегали// Так примерно//*; компаративные (в КЛЯ обязателен союз *чем*): *У них же однокомнатная кооперативная какая-то страшно дорогая/ но она такая/ даже больше/ у нас была на Кадомцева//*.

Если в КЛЯ в некоторых типах сложноподчиненного предложения обязательными компонентами связи наряду с союзами (союзными словами) являются и соотносительные слова, то в системе полипредикативных высказываний РР и это ограничение снимается.

Исследования Е. А. Земской и И. Н. Кручининой не оставили сомнения в том, что отношения в местоименно-соотносительных сложноподчиненных предложениях типа *Кто весел, тот смеется* вполне последовательно и регулярно оформляются в РР без соотносительного слова: *Кормимся что Степанна купит//*; *Ели что вчера приготовили//* [12].

Так же — без соотносительного слова (и без союза) — могут оформляться в РР смысловые отношения степени, для выражения которых в КЛЯ строго обязательны и соотносительное слово, и союз: *Машина сползла так глубоко, что втроем ее нельзя было вытащить*; в РР возможно: *Машина сползла/ втроем нельзя было вытащить//*, ср. другие примеры РР: А. *Он крепко у вас спит?* Б. *Он спит/ разбудить невозможно//* (в КЛЯ только *Он спит так крепко* [или *Он так спит,*] *что разбудить невозможно*); А. *Вы долго*

---

[11] Интересно отметить, что бессоюзные сложные предложения с определительными отношениями широко представлены в древнерусских текстах и некоторых фольклорных жанрах, см. об этом: *Борковский В. И.* Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными. М., 1972, с. 117—148; *Он же.* О двух ярких синтаксических особенностях русских сказок. — Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка, 1979, т. 38, № 1, с. 3—8; *Он же.* Синтаксис сказок. Русско-белорусские параллели. М., 1981, с. 205—221.

[12] *Земская Е. А.* Русская разговорная речь (Проспект), с. 60—61; Русская разговорная речь. М., 1973, с. 228—231; *Кручинина И. Н.* Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов). Автореф. канд. дис. М., 1968, с. 14.

гуляли? Б. *Гуляли мы долго/ замерзли совсем//; Дождь был/ до нитки промокли//.*

Столь же последовательно проявляют себя в РР и собственно семантические характеристики бессоюзных полипредикативных высказываний. Именно для РР характерны все типы недифференцированных значений, в том числе и такие, в которых соединяются значения разных логико-семантических групп, в КЛЯ такие недифференцированные значения с разноплановыми компонентами редки: *Позвоню я тебе завтра утром/ все у меня выяснится//* — причинно-временное значение (*Позвоню, потому что все у меня выяснится* и *Позвоню утром, когда все у меня выяснится*); *Плохо я спала/ зайду к этой сестре* (медсестре)*/ вот давление меряет//* — определительно-причинное значение (*Зайду к сестре, которая давление меряет* и *Зайду к сестре, потому что (она) давление меряет*); *Выбросить там уже надо из холодильника мандарины часть/ совсем уже сгнили//* — определительно-причинные (*Выбросить ту часть мандаринов, которая совсем сгнила* и *Выбросить часть мандаринов, потому что она сгнила*).

Тот факт, что именно в РР получила последовательное развитие система недифференцированных значений, объясняется тем, что статус недифференцированного значения вполне отвечает тем коммуникативным задачам, которые ставятся при общении на РР: любая тема в РР развивается непринужденно, и строгие формулировки, не терпящие некоторой неопределенности недифференцированных значений, РР просто не нужны. Если же, что практически бывает очень редко, неопределенность недифференцированного значения мешает коммуникации, то эти помехи без труда выясняются и устраняются.

Широко представлены в РР опосредованные смысловые отношения. Регулярны бессоюзные сложные предложения с таким «глубоким» опосредующим смыслом, который в КЛЯ явно нетерпим: [известно, что в семье А. перевозят варенье с далекой дачи в целофановых пакетах] А. *Купила я еще этих целофановых пакетов/ малины много говорят//* 'много малины (больше обычного) — будет больше обычного варенья из нее — для его перевозки нужны дополнительные целофановые пакеты — купила еще целофановых пакетов'; *Мне в библиотеку надо будет зайти сегодня/ кому-то отдал я книгу/ искал вчера//* 'надо зайти в библиотеку, — взять нужную книгу — хотя эта книга есть у меня, но я ее кому-то отдал (искал у себя ее вчера безуспешно'). Условия разговорной коммуникации способствуют опосредованию отношений. Ошибки со стороны слушающего в установлении опосредованных связей редки, а если и возникают, то без труда устраняются «по ходу дела». Вот пример одной такой ошибки и ее коррекции: А. *Я задержусь немножко/ Витя вечером приедет//* 'задержусь немножко, потому что зайду в магазин купить бутылку вина, чтобы угостить Витю — Витя вечером приедет' Б. *Приедет/ а ты задержишься?* А. *Да нет/ немного/ в магазин же я должен за бутылочкой зайти//.*

Широко и последовательно используются в РР бессоюзные сложные предложения с имплицитным модальным смыслом типа *Ветчина в магазине есть/ я заходил//* 'я утверждаю, что ветчина в магазине есть'; 'я могу утверждать это, потому я заходил в магазин и знаю об этом'. Именно разговорная речь позволяет выявить развитые функциональные группы, существующие на основе бессоюзных полипредикативных высказываний такого типа, ср.:

Ветчина в магазине есть? ты заходил//	'я спрашиваю, есть ли ветчина в магазине; я спрашиваю об этом именно тебя, потому что ты ходил в магазин и знаешь об этом'.
Ветчина в магазине есть/ ты заходил?	'ты утверждаешь, что в магазине есть ветчина; верно ли, что ты утверждаешь об этом потому, что заходил в магазин и знаешь об этом'.
Ветчина в магазине есть? ты заходил?	'я спрашиваю, есть ли в магазине ветчина, я спрашиваю об этом тебя, потому что предполагаю, что ты заходил в магазин и знаешь об этом'.

Приведем ряд разговорных примеров высказываний подобного рода и членов функциональной группы, построенной на основе этих высказываний:

Нет Кирки (ребенок) на площадке/ я выходила половики трясти//; Каток там залили уже/ я с работы ехал// (ехал и видел); Новые красивые такие скамейки в нашем лесу теперь (речь идет о лесопарке)/ гуляли мы с Катей//;

А Артем в первый «А» идет? ты списки смотрела//; Он уже из школы пришел? вы звонили//; Как сыграли-то? ты смотрел вчера//; А у Нины поступил Алеша? ты у них была//; Мост у Яузы сделали? ты ездишь на работу//; Они обещают за ним специально последить? ты ходила// (ходила на родительское собрание); Ветер ты ходил теплый?; Конференция будет/ ты с Ивановым разговаривал?; У моста лесенку сделали/ ты разве там ходишь?

Широко представлены в РР и функциональные группы, базирующиеся на таких бессоюзных сложных предложениях, для понимания семантической структуры которых имплицитный модальный смысл нерелевантен, активизируется он именно в членах функциональной группы, ср.:

Я закрыл окно/ дует очень//

Ты окно закрыл? очень дует//	'я спрашиваю тебя,закрыл ли ты окно, мой вопрос-побуждение обоснован тем, что из окна очень дует и надо его закрыть'
Ты окно закрыл/ очень дует?	'я знаю, что ты закрыл окно; верно ли думать, что ты сделал это потому, что из окна очень дует'
Ты окно закрыл? очень дует?	'я спрашиваю тебя, закрыл ли ты окно, мой вопрос обоснован, потому что, по-видимому, очень дует из окна (так как я в этом не уверен, то спрашиваю и о причине)'
Закрой окно/ дует очень//	'я требую закрыть окно, мое требование правомерно, потому что очень дует из окна'.

Приводим разговорные примеры членов функциональных групп этого типа:

Зачем ты ключи (берешь с собой)? я же дома// (не бери ключи, потому что я дома); (в кассе нет денег) А может быть вы мне найдете? сумма-то у меня совсем пустяковая// (найдете мне, потому что сумма пустяковая); Ты можешь в пятницу подежурить? Иванов заболел// Ты будешь дома завтра/ Киришка болеет?; Ты зонт таскаешь/ солнца боишься?; Ты ложишься/ рано вставать хочешь?; Чайку дать? живот болит еще? (предлагаю именно чай ничего другого, потому что, может быть, живот болит еще); На лыжах поедешь? нос-то твой? (нос еще болит); Сходи-ка за арбузиком/ вон несут//.

Развитость в РР функциональных групп объясняется прежде всего тем, что в разговорном коммуникативном акте обязательно непосредственное участие говорящих. И поэтому разговорная речь ориентирована на 1-е и 2-е лицо. «Каждый тип речи, — пишет Д. Н. Шмелев, — характеризуется определенной тематикой, но каждому из них присуще и особое соотношение между первыми двумя лицами, т. е. отправителем сообщения и адресатом. Понятно, что не может быть речи без авторства, но проявление «авторства» в различных случаях различно. Разговорная речь предполагает непосредственное участие обоих первых лиц, и говорящий и адресат здесь конкретны и индивидуальны, причем — что существенно — соотношение между ними устанавливается в самом акте речи» [13]. При этом особо подчеркивается, что определенность 1-го и 2-го лица заключается не только в их непосредственном присутствии, но и в их непосредственной «индивидуальности» [14]. Мотивировка функциональной направленности непосредственно связана с ориентацией на определенное лицо, на его потенциальные знания, желания и т. п. модальные качества. Это особенно ясно проявляется в высказываниях типа *А в коробках там есть конфеты? ты ходил//*, где вопрос обращен не только к конкретному лицу, но и к лицу с «индивидуальной» особенностью — к тому, кто ходил в магазин, и именно эта индивидуальная особенность лица позволяет задать ему вопрос.

КЛЯ в этом отношении отличается от РР. Рассматривая научные стили, где с большой последовательностью и яркостью проявляется система КЛЯ, Д. Н. Шмелев отмечает, что в научной речи «сообщение дается в форме объективной констатации фактов, не зависимой от субъекта речи и его адресата» [15]. Действительно, если попытаться эксплицировать модальность такого, например, вполне обычного для КЛЯ высказывания, как *В Москве построено много спортивных сооружений, потому что здесь проходили Олимпийские игры*, то, по-видимому, это следовало бы сделать

---

[13] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 57.
[14] Там же, с. 57—58.
[15] Там же, с. 62.

примерно так — 'многие, в том числе и я, говорят (сообщают) многим лицам, что. . .'

Если же на основе подобного предложения построить функциональную группу, то сразу же делается очевидной необходимость вполне конкретного адресата, ср.: *Автобусы отменили/ снегопад был жуткий//* (отменили автобусные рейсы) — высказывание не предполагает конкретного адресата (хотя, конечно, может быть предназначено и вполне определенному лицу), члены функциональной группы, построенные на основе этого высказывания, требуют определенного адресата:

Автобусы отменили? снегопад был жуткий//	'я спрашиваю тебя, отменили ли автобусы; мой вопрос вызван тем, что я знаю, что снегопад был жуткий (и автобусы могут не пройти)'
Автобусы отменили/ снегопад был жуткий?	'я знаю, что автобусы отменили; верно ли думать, что это сделано потому, что снегопад был жуткий'

Как было показано, в выявлении смысловых отношений между предикативными конструкциями может играть существенную роль речевое (контекст) и внеречевое окружение: конситуация и частно-апперцепционная база, представляющая собой опыт и знания некоторого небольшого микроколлектива, число членов которого может быть ограничено только говорящими. На основе частно-апперцепционной базы выявляются смысловые отношения в следующем разговорном бессоюзном сложном предложении: (известно, что в семье А. газету «Советский спорт» читает только Дима) А. *«Спорт» я тогда на эти полгода не буду выписывать/ Дима уезжает//*, где именно частно-апперцепционная база дает тот имплицитный опосредующий смысл, который «связывает» предикативные конструкции — '«Спорт» я тогда на эти полгода не буду выписывать, потому что читать его будет некому, потому что Дима уезжает'. Ср. еще: (известно, что С. [он] хочет на некоторое время поселиться в квартире А. и Б.). А. к Б. *Пусть в августе он приезжает/ не будет нас наверняка//* 'пусть в августе он приезжает, потому что ему будет удобно жить у нас, так как нас самих не будет'; (известно, что в данном учреждении А. отвечает на поступающие письма) Б. (секретарь и друг А.) к А. *Зайди ко мне/ два письма принесли//* 'зайди ко мне — взять два письма — два письма принесли'.

Контекст, конситуация и частно-апперцепционная база позволяют оставить незамещенными многие позиции в предикативных конструкциях, ср.:

(А. трогает землю в горшке с цветком) Полью/ сухая совсем// — Полью цветок, потому что сухая совсем земля; (по телевизору кончилась очередная передача, А. хочет его выключить) Б. Не надо/ не надо/ там скоро я буду// — Не надо выключать телевизор, потому что там скоро будет передача, которую я буду смотреть; (А. и Б. собираются на прогулку; погода такая, что может быть дождь) А. к Б. Да нет/ не будет/ собирайся давай// — Не будет дождя, и поэтому собирайся гулять.

Анализ незамещенных синтаксических позиций в предикативных конструкциях не имеет прямого отношения к проблемам сложного предложения, поскольку здесь действуют те же закономерности, что и в простом высказывании. Для сложного предложения этот анализ интересен в таком отношении: при сильной редукции частей сложного предложения встает вопрос о границах сложного и простого предложения. Вполне очевидна предикативность частей сложного предложения, которые содержат глаголы в личной форме, ср.: (А. завертывает творог) Б. к А. *Заверни получше/ промокнет//→Заверни получше творог, а то промокнет//*. Менее очевидна предикативность частей, которые не имеют личного глагола. Установить в этом случае, простым или сложным является предложение, можно на основе его развертывания путем замещения соответствующих незамещенных позиций. Если такое развертывание дает только предикативные (две и более) конструкции, то предложение сложное, ср. (А. собирает белье в прачечную, которую перевели дальше от дома) Б. к А. *Получше/ получше/ далеко теперь//→Получше собирай белье, потому что далеко теперь его нести.* Возможны, однако, и такие предложения с редуцированными частями, которые с равным успехом могут быть развернуты и в простые предложения, и в сложные: (А. и Б. смотрят расписание, собираясь ехать на электричке) А. *Посмотри около шести//*. Это предложение может быть развернуто двояко: а) *Посмотри электричку около шести часов//*, где *около шести* обычное для РР несогласованное определение к слову *электричка*; б) *Посмотри электричку/ которая идет около шести//*. По-видимому, в этом случае можно говорить о присущей РР своеобразной нейтрализации противопоставления простое/сложное предложение.

К числу тех особенностей бессоюзных сложных предложений РР, которые проявляются исключительно в РР, не имея сколько-нибудь прямых и очевидных аналогий в КЛЯ, относится особая и в плане выражения, и в плане содержания связь свободного соединения. Связь свободного соединения в плане выражения является комплексным средством. Это такая связь, при которой одна из предикативных конструкций — свободная произносится по сравнению с другой — основной в убыстренном темпе и может занимать по отношению к основной предикативной конструкции разные позиции, причем наиболее характерна для свободной конструкции интерпозиция: *Никуда я плохо себя чувствую не пойду//*.

Синтаксическое содержание связи свободного соединения в следующем: свободная конструкция всегда обслуживает смысловые потребности основной конструкции, находясь в смысловом подчинении у основной конструкции. Связь свободного соединения употребляется для выражения разнообразных дифференцированных и недифференцированных отношений: с помощью связи свободного соединения могут быть выражены: (а) причинные отношения — *Я жара начинается на дачу уеду//*; *В ма-*

газин песку надо сходи пожалуйста//; Я у него английский начался помогаю немного/; Выключи ничего интересного телевизор//; (о ребенке) *Он спать/ нагулялся вчера/ рано лег//*; (б) условные — *Там даже подальше проедете белых можно набрать//; Будем дожди кончатся купаться//; Поеду работу кончу на юг куда-нибудь//*; (в) уступительные — *Сочинение безграмотная совсем все же на четверку как-то ухитрилась написать//*; (г) отношения степени — *Испортились есть нельзя апельсины у нас//; Спокойный/ ночи спят/ ребенок у них//* [16] и др. Свобода местоположения одной из предикативных конструкций и свобода в выражении смысловых отношений и делает возможным характеризовать эту связь как свободную.

Может быть поставлен вопрос: не является связь свободного соединения бессоюзной подчинительной связью? Как уже было сказано, сочинение/подчинение может быть выражено в сложном предложении только союзами или союзными словами. Связь свободного соединения — разновидность бессоюзной связи, и при такой связи, естественно, сочинение/подчинение также не выражено. Однако в отличие от других видов бессоюзной связи сложные предложения со связью свободного соединения, если допускают преобразования при дифференцированных отношениях в союзные, то это преобразование однозначно задано — такое преобразование может быть осуществлено только с помощью подчинительных союзов, ср.: *Выключи светло совсем свет-то// → Выключи свет, потому что светло совсем*; *Закрой получше каплет кран в ванной//→Закрой кран в ванной получше, потому что каплет* (из него).

Таким образом, сложные предложения со связью свободного соединения маркированы в плане возможности их преобразования в сложносочиненные/сложноподчиненные структуры: возможно преобразование только в сложноподчиненные конструкции.

Система бессоюзного сложного предложения в разговорной речи и кодифицированный литературный язык

Одно из наших исходных положений заключается в том, что, учитывая большую распространенность бессоюзных сложных предложений в тех сферах КЛЯ, которые явным образом испытывают влияние РР, необходимо непосредственным образом принять во внимание систему бессоюзного сложного предложения РР при описании бессоюзного сложного предложения в текстах КЛЯ. Начнем с общего сравнения системы РР и КЛЯ [17].

---

[16] Сложные предложения (полипредикативные высказывания) со связями свободного соединения подробно описаны в кн.: Русская разговорная речь, с. 318—339.

[17] Опыт сопоставления РР и КЛЯ см. также: *Красильникова Е. В.* О соотношении языковых уровней в системе русской разговорной речи. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1980. М., 1982.

Такое сравнение позволяет выделить по крайней мере три круга явлений.

(1) Как в системе РР, так и в системе КЛЯ есть такие участки, которые не имеют очевидных аналогий в сравниваемых системах. Так, в КЛЯ широко развита система отглагольных форм — причастий и деепричастий и соответственно причастных и деепричастных оборотов, никаких прямых соответствий в РР для причастных и деепричастных оборотов не существует: в предложениях с причастными и деепричастными оборотами выражена синтаксическая перспектива, в частности, основное действие — побочное действие при деепричастном обороте, ср.: *Несчастные куры, как теперь помню, две крапчатые и одна белая с хохлом, преспокойно продолжали ходить под яблонями, изредка выражая свои чувства продолжительным крехтаньем* (И. Тургенев) или *. . .Полевой ветер бродил без порядка близ него, то касаясь лица, то задувая в спину, а иногда и вовсе уходя на покой в тишину придорожного оврага* (А. Платонов). В РР смысл, передаваемый деепричастными оборотами, был бы передан в форме предикативных конструкций в роли самостоятельных высказываний или в роли частей сложного предложения. В свою очередь РР, поскольку для нее неактуально выражение синтаксической перспективы, имеет особую конструкцию с двойными личными глаголами, ср.: *Ну и там в садике мы сели подумали/ куда же мы пойдем устроимся в гостиницу//*; *Он приедет расскажет о конференции//*; *Я пришел выпил чаю/ и опять уже уходить надо//* [18].

(2) Существуют такие участки в системе РР и КЛЯ, которые устроены одинаково и отличаются только заполненностью/незаполненностью «ячеек» системы. Общее свойство системы РР — максимально использовать предоставляемые системой возможности — проявляет себя в этом случае в том, что РР идет обычно в заполненности ячеек системы дальше, чем КЛЯ. Это свойство системы РР убедительно показано Л. А. Капанадзе на многих примерах образования в РР номинаций, в том числе на примере номинаций-метонимий, ср.:

Словосочетание	Сфера употребления	
Читать, знать, любить и т. п. Есенина	КЛЯ	РР
Полный Есенин	КЛЯ	РР
Академический Есенин	КЛЯ	РР
Зеленый Есенин		РР
Положить в Есенина		РР
Закрыть Есениным		РР
Очень старый Есенин		РР
В голубом Есенине		РР
Сворачивать Есенина в трубочку [19]		РР

[18] См. об этом подробнее в кн.: Русская разговорная речь, с. 160—196.
[19] Там же, с. 428.

(3) И, наконец, как кажется, существуют такие тексты КЛЯ, которые испытывают сильное влияние системы РР. КЛЯ и РР принадлежат одному и тому же носителю языка, и поэтому взаимовлияние системы КЛЯ и РР, по-видимому, просто неизбежно. В КЛЯ есть такие участки системы, которые можно рассматривать как пересаженный на почву КЛЯ тот или иной фрагмент системы РР. Такие взаимоотношения систем РР и КЛЯ возможны в тех случаях, когда условия РР способствуют развитию определенного участка системы, а для КЛЯ подобные условия нехарактерны и создаются в нем как бы искусственным образом. Продемонстрируем сказанное на примере высказываний с незамещенными синтаксическими позициями. В РР широко развиты незамещенные синтаксические позиции, лексико-семантическое содержание которых извлекается из конситуации или из частно-апперцепционной базы говорящих, ср.: (А. смотрит утром в окно) *Сколько нанесло!* 'сколько нанесло снега'; (А. видит по телевидению соревнования по метанию копья) *Плохо//* 'плохо метнул копье спортсмен'; (А. и Б. ждут гостей, которые опаздывают) А. к Б. *Позвони узнай//* 'позвони одному из гостей и узнай, почему он не идет'. Коммуникация на КЛЯ, который рассчитан на опосредованное общение, не может быть привязана к конситуации, неопределенность круга лиц, которому адресуется текст на КЛЯ, не позволяет использовать в коммуникации частно-апперцепционную базу. Однако конситуация и, хотя и очень редко, частно-апперцепционная база могут быть даны описательно, и тогда в высказываниях КЛЯ появляются незамещенные позиции, аналогичные конситуативным и частно-апперцепционным незамещенным позициям РР, ср.:

(из предшествующего контекста известно, что говорящие ищут кошелек)

— Ты куда положил, Ростов?

— Под нижнюю подушку.

— Да нету.

Денисов скинул обе подушки на пол. Кошелька не было.

— Постой, ты не уронил ли? — сказал Ростов. . .

— Уж не забыл ли я? Нет, я еще подумал, что ты точно клад под голову кладешь (Л. Толстой) [20].

Описанная ситуация поиска кошелька позволила в репликах диалога ни разу не назвать этот предмет, хотя во всех репликах речь идет именно о нем. Дадим пример на частно-апперцепционное высказывание:

(из предшествующего текста повести А. Чехова «Драма на охоте» известно, что Ольга собирается остаться на ночь у графа, и это не нравится Сергею)

Я подошел к ней.

— Я ухожу, — сказал я.

---

[20] Этот пример рассматривается в кн.: Русский язык. Экспериментальные учебные материалы для средней школы. М., 1980, с. 186—187.

Она кивнула головой.

— Мне уйти отсюда? Да? — спросил я, стараясь прочесть истину на ее хорошеньком, разгоревшемся личике. — Да?

Чуть заметным движением своих длинных черных ресниц она ответила: «Да»

— Ты обдумала?

Описанная частно-апперцепционная база участников диалога позволяет определить, какой объект имеется в виду при глаголе обдумать — обдумала ли ты свое намерение остаться у графа?

Конситуативные и частно-апперцепционные незамещенные синтаксические позиции представлены в КЛЯ главным образом в тех сферах, где так или иначе имитируется РР. Анализ конситуативных и частно-апперцепционных незамещенных позиций только на материале КЛЯ давал бы настолько фрагментарную и непоследовательную в своей реализации систему, что само понятие система по отношению к такому материалу в значительной степени теряет свой смысл. И если верно, что некоторые явления в КЛЯ существуют под непосредственным влиянием системы РР, то, по-видимому, правилен следующий путь познания таких явлений: не строить для явлений, подобных рассмотренному, особую систему, а характеризовать их через сравнение с той системой, где эти явления последовательно развиты. Чтобы пояснить высказанные соображения, позволим себе такое не вполне академическое сравнение. Система поведения и привычек, скажем, попугая в клетке зоопарка может быть описана сама по себе. Но надо думать, что мы поймем много лучше эту систему, если сравним ее с «системой» жизни попугая в естественных условиях — в тропическом лесу. И не только сравним, но и будем исходить из этого при объяснении того, как живет попугай в зоопарке. Высказывания с конситуативными и частно-апперцепционными незамещенными синтаксически позициями в РР — это попугай в естественных условиях тропического леса, подобные высказывания в КЛЯ — это попугай в клетке зоопарка. Аналогичным образом обстоит дело и с бессоюзным сложным предложением.

Родина бессоюзного сложного предложения — это РР. В КЛЯ бессоюзные сложные предложения представлены главным образом в тех сферах, которые осознанно, в силу стоящих перед ними коммуникативных задач, так или иначе ориентируются на РР. К этим сферам относится прежде всего язык художественной литературы, особенно язык персонажей, язык их диалогов и полилогов, публицистический стиль, в котором часто ставится цель, выражаясь по-журналистски, передать интонации живой речи. Менее всего бессоюзные сложные предложения характерны для таких полярных по отношению к РР стилям, как научный и деловой.

Те формальные и семантические характеристики бессоюзных сложных предложений, которые описаны в предшествующих главах, удалось выявить путем последовательного привлечения

к исследованию разговорного материала в полном объеме. То, что эти основополагающие характеристики бессоюзного сложного предложения, особенно семантические характеристики (дифференцированные/недифференцированные отношения, отношения прямые/опосредованные, способность бессоюзного сложного предложения давать функциональную группу) были известны мало или не были известны вовсе, объясняется не какими-то исследовательскими упущениями, а тем, что к анализу не привлекался разговорный материал; на материале же КЛЯ в любых его сферах данные характеристики проявляют себя не вполне ясно и недостаточно последовательно.

Поэтому считаем целесообразным избрать следующий путь описания бессоюзных сложных предложений современного русского языка: на основе уже выявленных основополагающих формальных и семантических характеристик дать системное описание бессоюзных сложных предложений РР и затем путем последовательного сравнения системы бессоюзного сложного предложения в РР с тем, что есть из бессоюзного сложного предложения в КЛЯ, дать интерпретацию бессоюзного сложного предложения КЛЯ.

Утверждение о том, что больше всего в текстах КЛЯ распространены бессоюзные сложные предложения, испытывающие влияние РР, не исключает того положения, что в КЛЯ возможны, пусть и в ограниченных количествах, бессоюзные сложные предложения, существующие на основе системы собственно КЛЯ; для интерпретации таких предложений нет необходимости обращаться к системе бессоюзного сложного предложения РР. Сравнение КЛЯ с РР призвано выявить и такие случаи.

Интерпретация заимствованных у РР бессоюзных сложных предложений КЛЯ через сравнение с системой бессоюзных сложных предложений РР предполагает два аспекта: (а) определение того, с какими семантико-синтаксическими показателями реализуются бессоюзные сложные предложения в КЛЯ по сравнению с РР; (б) определение степени освоенности бессоюзного сложного предложения с определенными разговорными семантико-синтаксическими характеристиками системой КЛЯ.

В аспекте (а) обнаруживают себя два круга фактов.

(1) Наиболее распространенными в КЛЯ бессоюзными сложными предложениями являются такие, которые по своей семантико-синтаксической структуре ничем не отличаются от соответствующих бессоюзных предложений РР, но в РР системные связи бессоюзного сложного предложения более развиты, чем в КЛЯ. Например, бессоюзному сложному предложению с причинными отношениями КЛЯ типа *Щедрин вздрогнул и повесил портрет на место: в дом входили* (К. Паустовский) соответствует такое предложение РР: *Я повесил портрет на место/ в дом входили//*. Если данную структуру принять за исходную с прямыми отношениями, то окажется, что и для КЛЯ, и для РР возможно опосредование отношений на основе общей апперцепционной базы

типа *Я повесил портрет на место/ послышались чьи-то шаги//* (и, следовательно, в дом входили) или *Я повесил портрет на место/ скрипнула дверь//* (и, следовательно, в дом входили). Однако опосредование отношений на основе частно-апперцепционной базы возможно уже только в РР, ср.: (я знаю, что хозяева приходят домой не позже шести часов) *Я повесил портрет/ было уже почти шесть часов//* (и, следовательно, в дом могли войти в любую минуту). Функциональная группа, открываемая данным бессоюзным сложным предложением, в КЛЯ ограничивается одним членом с императивной первой частью: *Повесь портрет на место/ кто-то идет//*. В РР функциональная группа более развита, ср.: *Ты повесил портрет на место? кто-то идет//*; *Ты повесил портрет на место/ кто-то идет?*

Дать системную характеристику рассматриваемому и подобным предложениям КЛЯ через систему РР означает показать место данных предложений в развитой системе РР и показать, с какими ограничениями, как правило, весьма существенными, реализуется эта система в КЛЯ.

(2) Особое место в КЛЯ занимают такие бессоюзные сложные предложения, в которых возможности, заложенные в них системой бессоюзных сложных предложений РР, используются особым образом так, как в самой РР они не используются. Например и в РР, и в КЛЯ под влиянием РР широко представлены изъяснительные бессоюзные сложные предложения с опосредованными отношениями:

Взгляни же вокруг ты теперь: Все грустно молчит, умирая, И настежь раскинута дверь Из прежнего светлого рая (А. Фет) (взгляни и увидишь, что...); Я оглянулся: ныряя тупым рылом в колдобины, к нам приближался вездеход охотничьей базы (Ю. Нагибин) (оглянулся и увидел, что...); Митя еще раз остановился, обернулся на мгновение: вечерний жук медленно плыл и гудел где-то возле него, точно сея тишину, успокоение и сумерки (И. Бунин) (обернулся и увидел, что...); Я вошел в хату: две лавки и стол да огромный сундук возле печи составляли всю ее мебель (М. Лермонтов) (вошел и увидел, что...).

Опосредования такого рода (их механизм будет описан в следующей главе) есть и в РР: *Он оглянулся/ нет никого//*; *Он посмотрел/ нет никого//* и т. п. Существует, однако, такой тип опосредования, который представлен исключительно в КЛЯ; его суть в следующем: описываются такие изменения в ситуации, которые позволяют слушающему увидеть (понять, почувствовать) то, о чем сообщается в изъяснительной предикативной конструкции, ср. *Тогда старик открыл глаза — они были у него почти белые* (К. Паустовский) — 'тогда старик открыл глаза и все увидели (и можно было увидеть), что они были у него почти белые'. Такая своеобразная модель опосредования КЛЯ не свидетельствует об особой системной организации КЛЯ в этой области бессоюзного сложного предложения. Суть дела представляется таким образом, что КЛЯ «заимствует» у РР саму систему опосре-

дования и заполняет такие ячейки в этой системе, которые в самой РР незаполнены. Подобное развитие системы РР в КЛЯ встречается нечасто. Обычно дело обстоит прямо противоположным образом: пустых ячеек системы в РР много меньше, чем КЛЯ.

В аспекте (б) выявляется следующее:

(1) В текстах КЛЯ, особенно в текстах, имитирующих разговорную речь, возможны бессоюзные сложные предложения с такими характеристиками, которые для системы КЛЯ чужды. В этом случае кажется более уместным говорить не о бессоюзных сложных предложениях КЛЯ, а о письменной фиксации собственно разговорных бессоюзных сложных предложений. Ориентация на систему КЛЯ при анализе фактов явно разговорного характера часто давала недостаточно ясные и глубокие интерпретации. Г. В. Валимова обратила внимание на предложения типа *Я прямо с вокзала — куда же теперь деваться?* (А. Н. Толстой). Г. В. Валимова считает, что эти «конструкции создаются формально по модели сложного предложения, но из таких частей, между которыми не возникают синтаксические отношения, свойственные сложному предложению» [21]. Такие конструкции относятся Г. В. Валимовой к синтаксису речи. Действительно, в КЛЯ эти конструкции производят впечатление нерегулярных речевых построений. В системе же полипредикативных бессоюзных предложений РР данные конструкции находят вполне определенное место — это члены функциональной группы следственного бессоюзного полипредикативного высказывания; ср. примеры из РР: *Я не был* (на заседании сектора)*// ничего не слышал об этих планах// — Я не был/ откуда мне знать об этих планах?! — Ты не был/ ничего не слышал об этих планах//* или *Я тоже сегодня из отпуска только/ ничего не знаю об этом деле// — Я тоже сегодня из отпуска только/ где же мне знать об этом деле// — Ты из отпуска что ли только? ничего не знаешь об этом деле.* К системе таких функциональных групп и принадлежит приведенное Г. В. Валимовой предложение, ср.: *Я прямо с вокзала: деваться некуда — Я прямо с вокзала — куда ж теперь деваться?* 'я прямо с вокзала — тем, кто с вокзала (в чужом городе) деваться некуда — поэтому я вправе поставить вопрос (по-видимому, риторический) куда деваться?' Заметим, что Г. В. Валимова объединяет в одну группу с рассмотренным весьма различные по семантике структуры, основывающиеся на разных типах бессоюзного сложного предложения. Конструкция с двумя вопросительными предикативными конструкциями *Как у вас в батальоне, вы кажется батальоном командуете?* 'я спрашиваю вас, как дела в батальоне, потому что вы можете ответить на мой вопрос, потому что вы батальоном командуете' опирается на неизвестное в КЛЯ, но широко представленное в РР бессоюзное сложное предложение типа *В Чертанове много строят/ я там живу//* 'я утверждаю, что в Чертанове

[21] *Валимова Г. В.* Функциональные типы предложений. Ростов н/Д, 1967, с. 81—82.

много строят, потому что я там живу и знаю об этом' — *В Чертанове много строят? ты там живешь//* — *В Чертанове много строят/ ты там живешь?* — *В Чертанове много строят? ты кажется там живешь?* или *Не было ничего интересного на этом вечере* (поэзии)*/ я был//* 'я утверждаю, что не было ничего интересного на этом вечере (поэзии), потому что я там был и знаю об этом' — *Не было ничего интересного на этом вечере? ты был//* — *Не было ничего интересного на этом вечере/ ты был?* — *Не было ничего интересного на этом вечере? ты кажется был на нем?* Таким образом, приведенные Г. В. Валимовой конструкции — это «осколки» системы бессоюзного сложного предложения РР, попавшие в КЛЯ, и именно поэтому данные конструкции в КЛЯ оставляют не вполне системное впечатление. В системе же сложных предложений РР данные конструкции, представляющие члены определенной функциональной группы, вполне регулярны и имеют достаточно ясные системные характеристики.

(2) В текстах КЛЯ существуют такие типы бессоюзного сложного предложения, которые достаточно органично входят в систему КЛЯ, и поэтому не воспринимаются в ней как чужеродные элементы. Бессоюзные сложные предложения с прямыми дифференцированными отношениями, для выражения которых имеются союз (союзное слово), вступают в системные отношения с союзным типом, господствующим типом сложного предложения КЛЯ, и могут быть «выведены» из союзного типа путем простой элиминации союза (союзного слова). Предложения подобного рода могут употребляться не только в сферах, так или иначе испытывающих влияние РР, но и в сферах абсолютно чуждых такому влиянию. Бессоюзные сложные предложения с прямыми дифференцированными изъяснительными отношениями вполне возможны, например, в строгом научном стиле, ср.: *Опыты показывают: тормозная система должна совершенствоваться.*

Сравнение РР с КЛЯ позволяет обнаружить, как уже говорилось, и такие типы бессоюзного сложного предложения, которые в КЛЯ оказываются развиты даже больше, чем в РР. К ним принадлежат бессоюзные сложные предложения с пояснительными и объяснительными отношениями, весьма активные во всех сферах КЛЯ, в том числе и в таких сугубо книжных функциональных стилях, как научный и деловой, особенно это касается бессоюзных сложных предложений с пояснительными отношениями, ср.: *Советское руководство настаивало на следующем: никаких сепаратных переговоров с Германией быть не должно.* Это, разумеется, не значит, что такие предложения чужды РР; ср.:

У нас так/ я дома/ она работает/ я работаю/ она дома/ и Андрей (сын) всегда с кем-то//; Ну я думаю мы все-таки сделаем так/ ты идешь на работу/ я их (гостей) встречаю привожу и тоже//; Спорт у нас (в семье) так/ утром хорошая зарядка и по воскресеньям часа на два на лыжах//; Все они там такие/ считают себя великими и незаменимыми//; Кот у нас такой/ дома не живет/ ест и в подвал//.

Можно сказать, что предложения подобного рода одинаково хорошо вписываются и в систему РР и в систему КЛЯ [22].

Итак, сопоставление РР и КЛЯ в области бессоюзных сложных предложений позволяет заключить следующее: (1) в большинстве случаев бессоюзные сложные предложения КЛЯ употребляются в текстах, испытывающих влияние РР, в таких текстах семантико-синтаксическая структура бессоюзного сложного предложения определяется системой бессоюзного сложного предложения РР; (2) бессоюзные сложные предложения с прямыми дифференцированными отношениями могут вступать в системные отношения с союзным типом сложного предложения КЛЯ и употребляться в сферах, не испытывающих влияния РР; (3) в некоторых случаях в системе КЛЯ развиваются вне зависимости от РР отдельные типы бессоюзного сложного предложения.

Из сказанного очевидно, что закономерности, определяющие семантико-синтаксическую структуру бессоюзного сложного предложения в текстах КЛЯ, зависят от принадлежности текста к определенной сфере КЛЯ. Специально и в первую очередь должны быть рассмотрены те сферы КЛЯ, которые испытывают влияние РР. Они требуют дифференцированного подхода. В КЛЯ бессоюзные сложные предложения как результат разговорного влияния, подобно другим разговорным компонентам КЛЯ, выполняют по меньшей мере две функции: имитационную и функцию оживления повествования. Имитационная функция имеет своей целью создать иллюзию подлинной РР, функция оживления повествования такой цели не имеет. Каждая из функций предъявляет свои требования к формально-семантическим характеристикам бессоюзного сложного предложения. Рассмотрим общие закономерности использования бессоюзных сложных предложений в разных сферах КЛЯ.

---

[22] Интересно отметить, что наибольшее число работ о бессоюзных сложных предложениях, выполненных на материале КЛЯ, посвящены бессоюзным сложным предложениям, занимающим свое место в системе КЛЯ и поэтому широко в ней представленных. Чаще других описываются бессоюзные сложные предложения с дифференцированными прямыми изъяснительными отношениями и бессоюзные сложные предложения с пояснительными и объяснительными отношениями. Из последних работ, посвященных этим типам, отметим: *Максимов Л. Ю.* Изъяснительный тип и бессоюзные конструкции. — В кн.: Современный русский язык. М., 1971, с. 233—254; *Кузьмин В. В.* Соотношение бессоюзных сложных изъяснительных предложений с другими синтаксическими структурами в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. Ростов н/Д, 1972; *Кирпичникова Н. В.* Изъяснительные бессоюзные сложные предложения. — В кн.: Вопросы русского языкознания. М., 1976. Вып. 1; *Иванушкина Л. Ф.* Бессоюзные сложные пояснительные предложения в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. М., 1973; *Хамзина Г. К.* Об одном типе бессоюзного сложного предложения (к вопросу о пояснительной связи). — В кн.: Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов н/Д, 1971.

Бессоюзные сложные предложения в языке художественной литературы

Закономерности использования РР в языке художественной литературы определяются эстетическими установками автора, зависят от общих особенностей того или иного литературного направления; несомненно, в этой области дает себя знать в полной мере и авторская индивидуальность. Анализ всех этих закономерностей — большая специальная задача, решение которой требует особого исследования. Наша задача много уже. Она состоит в том, чтобы на материале классической русской реалистической литературы и советской литературы определить некоторые общие стандартные закономерности применения разговорной системы бессоюзного сложного предложения в художественной литературе и попытаться описать некоторые интересные нестандартные случаи.

Язык художественной литературы требует дифференцированного подхода при определении роли РР для него. Должны быть выделены по меньшей мере три области языка художественной литературы: речь персонажей, авторское повествование и поэтические, главным образом, стихотворные тексты.

Бессоюзные сложные предложения в речи персонажей

В реалистической русской прозе от А. С. Пушкина до наших дней всегда одной из основных задач было заставить читателя поверить в то, что персонажи произведения — живые люди. Важнейший путь решения этой задачи — речь персонажей. Речь персонажей должна оставлять у читателей впечатление полной естественности. И поскольку изображение «живой жизни» немыслимо без обращения к тем ситуациям, в которых действующие лица должны говорить на РР, воспроизведение РР в устах персонажей — непременная задача подавляющего большинства реалистических прозаических произведений.

Установлено, что РР настолько своеобразна по своей форме, настолько тесно связана со своим языковым и внеязыковым окружением, что ее хотя бы сколько-нибудь полное подлинное воспроизведение в художественной прозе практически недостижимо. Следует еще принять во внимание то, что в разговорном коммуникативном акте роль слушающего гораздо более активна, чем в КЛЯ. Говорящий строит текст в расчете на то, что слушающий примет участие в его «достройке», в его «доосмыслении». Поэтому тексты РР часто производят впечатление своего рода полуфабрикатов, сырых, не вполне оформленных с точки зрения норм КЛЯ построений [23]. Покажем это на примере такого диалога:

---

[23] См. об этом подробнее: *Ширяев Е. Н.* О структуре разговорного повествования. — В кн.: Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982.

Г. А один у нас/ вот талантливый очень мальчик/ он ездил в Вену/ как раз тут был конкурс/ а его послали в Вену// И вот он там стажировался значит в Вене/ и вот сейчас он приехал/ и он не лауреат//
Т. Да/ ну так на международных не бывает?
Г. Ну а пробиться очень трудно// Нет/ ты знаешь/что/ там в Вене/ наш директор говорил/ были совершенно умопомрачительные о нем рецензии// Которые он привез/ сдал в отдел кадров/ ну/ прямо значит/ ну там видимо знаешь вот это... значит/ до этого Рубен Вартанян там/
Т. Угу//
Г. стажировался у Кароляна/ но Кароян оттуда ушел/ и сейчас там... я забыла вроде Свановский-Сваровский / ну неважно// Короче говоря/ ну всегда же Вена Meisterschule/
Т. Ну да//
Г. Это было там...все/ Нейгауз там учился в свое время/
Т. Ну да//
Г. Все там повышали свое мастерство и так далее/ ну вот// Ну и-и понимаешь/у них там знаешь вот был какой-то американец/ и значит наш/ причем наш идет на первом месте/ американец на втором// Потому что значит/ ну они там год стажировались/ и потом у них там были показательные концерты//
Т. Нет/ а как фамилия-то/ я забыла уж?
Г. Кто/ который у нас-то?
Т. Наш/ наш/
Г. Ах вот наш который поехал/ его Китаенко фамилия//
Т. Китаенко?
Г. Угу// Вот// [24]

Этот текст в письменной форме явно оставляет впечатление смысловой и формально-синтаксической неупорядоченности, о чем свидетельствуют не вполне логичные переходы от одной мысли к другой, самоперебивы, обрывы и прочее, что, однако, говорящим никак не мешает и не воспринимается ими как нарушение норм. Кроме того, приведенный текст имеет такую интонационную структуру, которую обычными пунктуационными знаками передать просто невозможно. И поэтому ни один из писателей, по-видимому, не будет стремиться к той степени естественности РР, которая представлена в приведенном тексте, вполне обычном для РР и не представляющем собой какого-то особого проявления разговорной специфики. Именно поэтому речь персонажей в художественной литературе строится не в расчете на точное копирование подлинной РР, а подается как достигаемая разными способами имитация РР. Кв. Кожевникова, специально анализировав-

[24] Текст взят из книги-хрестоматии по РР: Русская разговорная речь. Тексты, с. 123—124.

шая отображение РР в русской эпической прозе, пишет: «В тематический план прозаического эпического произведения входит и поведение персонажей, следовательно и то, что действующие лица говорят. Спонтанная устная речь поэтому представляет для большинства эпических произведений одну из обязательных внелитературных моделей: писатели или сознательно стремятся к ее воспроизведению, или же она представляет для них более или менее осознанный образец, с которым приходится в какой-то мере обязательно считаться. Особенно сильно естественное стремление к воспроизведению модели в тех случаях, когда в виде репродукции даются разные повседневные «бытовые» разговоры персонажей. Но так как любой отрезок текста, созданный при помощи этого приема, является одновременно результатом литературного процесса, то для него характерно некоторое раздваивание речевой иллюзии и речевой действительности...[25] (выделено Кв. Кожевниковой).

Способы имитации РР в речи персонажей разнообразны. Один из основных способов следующий: в речь персонажа вводятся достаточно яркие, контрастно противопоставленные КЛЯ компоненты или даже один регулярно повторяемый в речи персонажа компонент. Все же кодифицированное окружение этого разговорного компонента так или иначе приспосабливается к разговорному компоненту. Такое приспособление необходимо для того, чтобы добиться органичности текста, его стилевого единства. Какие же компоненты могут создать иллюзию разговорности текста? Интересна на этот счет точка зрения, согласно которой в разговорной речи различаются сильные и слабые компоненты. Слабыми, зависимыми названы те компоненты разговорной речи, «которые обусловлены самой ее формой или — точнее — теми внеязыковыми факторами, которые связаны с этой формой, прежде всего его неподготовленностью» [26]. Сильными элементами разговорной речи названы такие, «которые независимы от формы речи и вызванных ею внешних обстоятельств (хотя, естественно, проявляются они чаще всего в устной форме, как наиболее обычной для разговорной речи)» [27]. Утверждается, что слабые компоненты разговорной речи обнаруживают себя главным образом в синтаксисе. В частности, к числу слабых отнесены бессоюзные сложные предложения с отношениями, которые в кодифицированном языке выражаются подчинительными конструкциями: *Кто-то мою книгу взял на столе лежала; Он спал я пришел; Дождь пойдет мы спрячемся* [28]. Сильными разговорными элементами считаются прежде всего лексические и фразеологические компоненты, но отмечаются они и в синтаксисе, где к ним, например, причислены сочетания-повторы типа *думал, думал; верить-то я верю, а...*, разного рода

---

[25] *Кожевникова Кв.* Спонтанная устная речь в эпической прозе. Praha, 1970, с. 73.
[26] Вопросы языка современной русской литературы. М., 1973, с. 20.
[27] Там же.
[28] Там же, с. 20—21.

фразеологизированные конструкции с сочетаниями *чем не* (*чем не жизнь?*) и пр.[29] Основной вывод состоит в том, что только сильные компоненты разговорной речи создают разговорность в художественной литературе, слабые же компоненты разговорной речи в художественной литературе вообще не используются. Нет сомнения в том, что сильные компоненты действительно служат ясным и ярким показателем разговорности в прозаических художественных текстах. Однако сами по себе эти компоненты, на наш взгляд, явно недостаточны для того, чтобы создать эффект разговорности. Если бы письменные тексты, имитирующие разговорную речь, включали бы только сильные показатели разговорности, то эти компоненты неизбежно воспринимались бы как инородные вкрапления в текст и не могли бы поэтому служить целям имитации разговорной речи. Имитация разговорности требует, чтобы весь текст производил впечатление разговорности. Хотим отметить в связи с этим, что корпус компонентов, способных служить целям имитации РР, не ограничивается тем, что названо выше сильными компонентами. Не вполне ясным кажется и противопоставление сильных и слабых компонентов. Верно, что приведенные бессоюзные сложные предложения мало известны или вообще не известны в художественных прозаических текстах. Но из этого никак не следует, что система бессоюзных сложных предложений вообще ничего не может дать для имитации синтаксиса разговорной речи.

Бессоюзные сложные предложения — отнюдь не второстепенное средство имитации разговорной речи персонажей. Вот один монолог Глумова из 1-го действия комедии А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты»:

[Глумова:] Имеешь ли ты хоть какую-нибудь надежду? (выйти в люди)

[Глумов:] Имею. *Маменька вы знаете меня: я умен, зол и завистлив; весь в вас.* Что я делал до сих пор? Я только злился и писал эпиграммы на всю Москву, а сам баклуши бил. Нет, довольно. *Над глупыми людьми не надо смеяться, надо уметь пользоваться их слабостями. Конечно, здесь карьеры не составишь — карьеру составляют и дело делают в Петербурге, а здесь только говорят. Но и здесь можно добиться теплого места и богатой невесты — с меня и довольно.* Чем в люди выходят? Не все делами, чаще разговором. Мы в Москве любим поговорить. И чтобы в этой обширной говорильне я не имел успеха! Не может быть! Я сумею подделаться и к тузам и найду себе покровительство, вот вы увидите. *Глупо их раздражать — им надо льстить грубо, беспардонно.* Вот и весь секрет успеха. Я начну с неважных лиц, с кружка Турусиной, выжму из него все, что нужно, а потом заберусь и повыше. Подите, пишите! Мы еще с вами потолкуем.

---

[29] Описанию таких сильных компонентов разговорной речи посвящена книга: *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

В этом монологе немало того, что относят к сильным компонентам разговорности. Это следующая лексика и фразеология: *баклуши бил, теплое место, говорильня, тузы, выжать* (что-то из общения с людьми), *забраться повыше, потолковать*. Но не менее важную роль играет здесь и имитация разговорного синтаксиса. Эта имитация в монологе Глумова достигается прежде всего широким использованием бессоюзных сложных предложений. Легко убедиться, что монолог резко потеряет в разговорности, если в нем заменить бессоюзные предложения на союзные.

Кажется важным ответ на два взаимосвязанных вопроса: какие по своей семантико-синтаксической структуре бессоюзные сложные предложения могут использоваться для имитации разговорной речи персонажей и где предел в использовании для этих целей системы бессоюзных сложных предложений РР.

Общие закономерности в использовании бессоюзных сложных предложений РР для имитации разговорной речи персонажей состоят в следующем:

(1) Бессоюзные сложные предложения в речи персонажей стремятся наиболее точно соответствовать, если можно так сказать, разговорным оригиналам. И это понятно: чем ближе бессоюзное сложное предложение в речи персонажа к разговорной действительности, тем лучше оно служит достижению эффекта разговорности.

(2) Системные характеристики бессоюзных сложных предложений в речи персонажей отличаются умеренностью: используются бессоюзные сложные предложения со средними и наиболее устойчивыми характеристиками. Из всего набора смысловых отношений, выражаемых в сложных предложениях РР, выбираются для речи персонажей такие, для которых бессоюзное оформление в РР наиболее характерно и часто: изъяснительные, обстоятельственные причинные и следственные, противительные, сопоставительные и нек. др. Те смысловые отношения, которые в РР чаще выступают в союзном оформлении, хотя возможны и в бессоюзном, для имитации разговорной речи персонажей нехарактерны: не встречаются в речи персонажей бессоюзное оформление отношений степени, уступки, сравнительных и компаративных отношений, разделительных отношений. Обычны для речи персонажей наиболее простые по семантико-синтаксической структуре бессоюзные сложные предложения с дифференцированными прямыми (не опосредованными) отношениями.

Усложненные семантико-синтаксические структуры с недифференцированными отношениями и опосредованной смысловой связью характерны для речи персонажей в умеренном проявлении. Умеренность в употреблении недифференцированных значений проявляется в том, что употребляются регулярные и ясные по своей семантике недифференцированные комплексы. Умеренность в использовании опосредованных связей проявляется в том, что опосредование не может быть глубоким: для вербализации опосредующего смысла достаточно одного слова (при изъяснительных

отношениях) или одной предикативной конструкции. Опосредования, которые имеют место в предложениях типа *А причалы в Куйбышеве сделали/ я ездил//*, для речи персонажей нехарактерны. Из членов функциональной группы регулярно используется в речи персонажей только член с императивной первой частью.

Обратимся к конкретному материалу. А. Арбузов широко использует для имитации разговорности речи своих персонажей бессоюзные сложные предложения. Покажем, какие семантико-синтаксические структуры бессоюзных сложных предложений избираются этим весьма опытным драматургом. Для этого проведем анализ всех бессоюзных сложных предложений, встречающихся в речи одного из персонажей пьесы (диалогов в трех частях) «Мой бедный Марат» — в речи Марата. Наиболее широко представлены бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями, причем одинаково регулярны и бессоюзные сложные предложения с прямыми и с опосредованными отношениями:

Уверен — будет (день рождения); Я ей говорил — вернемся; И вдруг вижу, неясно так — человек ползет к разрушенному дому; Мне даже иногда кажется — ты совсем ушла; Учти — в госпитале работа такая, что наплачешься; Можно подумать — весь город с ума посходил; Лика говорила — лучшие свои стихи не печатаешь;

Ночью проснулся, дай, думаю, погляжу, чем кто дышит, вышел — темнотища, дождик накрапывает (вышел и увидел, почувствовал, что. . .); А теперь слушай — с отрядом надо распрощаться (слушай и знай, что. . .).

Из бессоюзных сложных предложений с другими дифференцированными значениями использованы следующие — причинные: *Нет* (я никуда не поеду) — *я дома быть должна*; *А она не хочет* (ехать) — *у нас, говорит, на Каменном лучше. . . и потом — вдруг действительно Коленька вернется; Он какой-то смирный — страшно боится больницы; Сейчас худо ему, бывшему моему дружку, — любители тишайшей жизни сомнительным проект обозвали;* противительные — *Смеха нет — одни слезы*; объяснительные — *Я за ним — стой гад!. . . Он сопротивляться — ножом по руке полоснул.*

Достаточно регулярно используются бессоюзные сложные предложения с разнообразными недифференцированными отношениями простой и «прозрачной» структуры — условно—следственными: *Захотят — найдут* (если захотят, то найдут; захотят и, следовательно, найдут); объяснительно-причинными: *Все равно ты живешь глубоко неверно — совершенно отъединилась от общей борьбы народа* (жить неверно — значит отъединиться. . .; живешь неверно, потому что отъединилась. . .).

Также регулярно используются бессоюзные сложные предложения с неглубоким опосредованием смысловых отношений:

И вот что — хватит отъединяться. Сегодня я отведу тебя в бытовой отряд, и ты начнешь приносить пользу. Ты же вполне здоро-

вая — просто стыдно на тебя смотреть... Ты должна помогать ослабевшим людям — 'ты вполне здоровая — можешь работать — а то стыдно на тебя смотреть'.

Регулярно используются и члены функциональной группы с императивной первой частью: Ты не плачь — и соседи будут живы, и еще дров достанем; Я в Дрогобыче был сильно влюблен в одну девицу. Когда я уезжал, она мне сказала: «Марик, не делайте глупостей, возвращайтесь: у меня такая чудесная жилплощадь».

Бессоюзные сложные предложения с умеренными характеристиками представлены не только в речи персонажей, но и в других сферах КЛЯ. Возникает вопрос: почему для имитации разговорной речи персонажей не используются такие по своей семантико-синтаксической структуре бессоюзные сложные предложения, которые не имеют доступа в разные сферы КЛЯ и потому, казалось бы, могли служить надежным средством имитации РР в речи персонажей? Ответ на этот вопрос, по-видимому, в том же, в чем ответ на вопрос, почему при имитации РР нельзя ограничиться только сильными лексико-фразеологическими компонентами РР. Компоненты, участвующие в имитации РР персонажа, не должны резко противопоставляться другим компонентам, восходящим к системе КЛЯ. А поэтому использование тех компонентов при имитации РР, которые мало известны в КЛЯ, нарушало бы языковую однородность речи персонажей.

Место бессоюзных сложных предложений в общем наборе средств, имитирующих РР, определяется прежде всего тем, что система бессоюзных сложных предложений представлена только в РР, а в КЛЯ, как правило, предстает в отраженном виде. Поэтому бессоюзные сложные предложения по природе своей — весьма сильное имитационное средство РР в речи персонажей. Тем не менее у разных авторов наблюдается весьма большое своеобразие в использовании бессоюзных сложных предложений для имитации РР. Обычно бессоюзные сложные предложения употребляются в комплексе с другими более сильными лексико-фразеологическими имитационными средствами. Наиболее распространено использование разнообразных типов бессоюзных сложных предложений с умеренными семантико-синтаксическими характеристиками: именно такое использование мы пытались показать у таких разных по стилю и эпохам авторов, как А. Островский и А. Арбузов. Возможно, однако, сделать сигналом разговорности синтаксиса одну смысловую структуру бессоюзного сложного предложения в ее разнообразных умеренных разговорных проявлениях. Такая имитация разговорности может объясняться еще тем, что у автора нет коммуникативной потребности в выражении широкого круга смысловых отношений, реализуемых в формах сложного предложения; особенно часто это наблюдается в речи эпизодических персонажей. Так, В. Розов в пьесе «Традиционный сбор» ведущим признаком разговорности синтаксиса известного кинорежиссера Алексея Алексеевича Каменева, персо-

нажа, появляющегося всего лишь в одной небольшой сцене, делает изъяснительное бессоюзное сложное предложение:

Смотрю на тебя и думаю — нет, не выдержишь ты испытания славой; Не могу понять — из тебя выйдет или какая-нибудь поразительная пакость, или действительно любопытная личность; И все жду — кто-то придет и скажет: он самозванец, король голый; И самое ужасное — это будет правда.

В следующем монологе Каменева такое обилие бессоюзных изъяснительных сложных предложений, какое в таком небольшом тексте и в подлинной разговорной речи встречается очень редко:

Инна, когда ты бежала за мной на улице, *я понимал — девочке хочется попасть в институт*. Знаешь, я с удовольствием рекомендовал тебя и рад, что ты произвела прекрасное впечатление на всех членов комиссии. Один очень удачно о тебе сказал: «Она проглотила атом солнца». *Думаю, у тебя есть талант*. Надеюсь. Теперь ты хочешь попасть сюда. (Показывает на свое сердце). Инна, говорю сразу — не выйдет. Я не достиг еще того возраста, когда начинают нравиться молоденькие. *Говорят, природа под конец жизни дарит мужчине свой самый бесценный дар — любовь. Думаю, это не просто любовь*. Это любовь к жизни, потому что вот такая милая молоденькая девушка, как ты, — это воплощение юности, сил, счастья, всей жизни. Коварный дар. *Человек думает — я помолодел, я полон сил, я удалец*. А ведь это самый точный сигнал наступившей старости. *Один в это время думает: что со мной, какое недостойное чувство я испытываю? Другой считает — с ним произошло персональное чудо, и превращается, извини, в жеребчика*. Что значит этот феномен природы — дар или испытание? Я, Инна, не знаю, не дорос. Нам с женой кажется, что мы все еще молоды, хотя у нас дочь и сын — оба старше тебя.

Такое насыщение текста одной семантико-синтаксической структурой — очевидное свидетельство того, что данная структура служит в этом случае сильным имитационным сигналом разговорности.

С другой стороны, есть авторы, которые вообще не используют разговорных имитационных возможностей бессоюзного сложного предложения. К числу таких авторов относится А. П. Чехов: например, в его драме «Три сестры» есть всего десять бинарных (неперечислительных) бессоюзных сложных предложений; все они распределены по речи разных действующих лиц; между тем и в речи одного персонажа их было бы явно недостаточно для имитации разговорности.

Распространенность в речи персонажей бессоюзных сложных предложений с умеренными характеристиками не означает, что в речи персонажей исключены иные разговорные бессоюзные сложные предложения. Многое в этом плане зависит от автора. Если одна из целей произведения — максимально приблизиться к разговорности, то автор может пойти много дальше распространенного в литературе стандарта имитации разговорности. Ярким примером такого преодоления стандарта является творчество Ф. Аб-

рамова. В последней части трилогии «Братья» регулярно используются в речи персонажей два типа бессоюзных сложных предложений — с разделительными отношениями и с отношениями степени. Бессоюзные сложные предложения с отношениями степени используются не только в речи персонажей, но и в таком авторском повествовании, которое ведется от лица персонажа, когда персонаж и автор как бы соединяются в одном лице.

Нам не известны другие авторы, которые бы регулярно использовали эти конструкции для имитации разговорной речи. Остановимся несколько подробней на этих двух типах бессоюзных сложных предложений в речи персонажей у Ф. Абрамова: покажем, в частности, какие собственно разговорные системные семантико-синтаксические характеристики этих бессоюзных сложных предложений использует автор.

(а) Бессоюзные сложные предложения с разделительными отношениями. В РР разделительные отношения в сложном предложении чаще выражаются с помощью союзов, но далеко не единичны и случаи выражения этих отношений без союзов. Для бессоюзного выражения разделительных отношений в сложном предложении необходимо, чтобы для говорящих была очевидна несовместимость в одно время и в одном месте того, о чем сообщается в предикативных конструкциях, ср.: [Дикая зима какая-то//] *Морозы двадцать градусов/ тепло тает все//* — смысл 'или стоят морозы двадцать градусов, или тепло' обусловлен тем, что тепло и мороз одновременно в одном месте не бывают. Ср. еще: *Будет клубника в этом году/ не будет клубники/ это уж от нас теперь не зависит//*; *Поступит он в институт/ работать пойдет// Сам уж пусть решает//*. На основе разделительного высказывания в РР существует такой член функциональной группы, в котором обе части являются вопросительными. Такой член функциональной группы может иметь в своем составе союз, но регулярно выступает и без союза: *Нам вместе идти? или ты один сходишь? — Нам вместе идти? ты один сходишь?* Этот член функциональной группы без союза употребляется в РР с большой регулярностью, он явно более регулярен, чем собственно бессоюзное сложное предложение с разделительными отношениями. Особой регулярностью отличается член функциональной группы с вопросительными частями в том случае, когда обе предикативные конструкции имеют общее подлежащее: *Ты этим летом в Прибалтику едешь? на даче будешь?; Ты будешь сразу уроки делать? гулять пойдешь?*; *Он в пять придет? опоздает* [30]. В такой структуре

[30] Конструкции с несколькими сказуемыми при одном подлежащем обычно рассматривались как простые предложения с однородными членами (однородными сказуемыми). Эта точка зрения ясно и убедительно, как нам кажется, опровергается В. А. Белошапковой. Она пишет: «Тот или иной взгляд на предложение с однородными сказуемыми (сложное или простое) в принципе зависит от того, как понимать конструктивную значимость для предложения двух компонентов его предикативной основы: подлежащего и сказуемого. Так как носителем предикативных категорий, формирующих предложения как синтаксическую

в РР обычно выражение второй части одним словом-предикатом *нет*: *Ты опять в Кострому ездил этим летом? нет?*; (о макулатуре) *И оберточную бумагу принимают? нет?*; *Ты собираешься гулять? нет?*; *Ты опять поздно придешь? нет?*

Именно эту структуру с предикатным словом *нет* регулярно использует Ф. Абрамов в речи персонажей:

Знаете, *нет*, кто это?; Понимаешь ты это, *нет*?; Занял, *нет*, очередь?; А ты думаешь, *нет*, что с домом-то делать?; Я говорю, есть, *нет* у тебя башка на плечах?; . . .Две недели думала, как быть, писать, *нет*?; Умный человек, науки учил, а подумал, *нет*, зачем мне жить-то?; А верно это, *нет*, будто японцы через всю Сибирь нефтепровод тянут?; Я не знаю, что ты за человек. Думаешь, *нет* ты в Пекашине жить?; А сами-то мы будем, *нет* что делать?

Не последнюю роль в том, что для яркой имитации РР выбрана именно данная конструкция, сыграло, по-видимому, то, что достаточно ясно и однозначно интонирование данной конструкции; поскольку для многих читающих эта конструкция регулярна в их разговорной речи, то она для них как бы звучит. Поэтому Ф. Абрамов позволяет себе ограничиться таким совсем невыразительным для данного случая знаком как запятая, хотя ничего нельзя было бы возразить против интонационно более ясных знаков, таких как [?] или [—], ср.: *А сами-то мы будем? нет? что делать* или *А сами-то мы будем — нет что делать?*

Заметим в подтверждение высказанного ранее положения, что если бы мы подошли к анализируемой конструкции с позиций только КЛЯ, то данная конструкция была бы для нас трудноинтерпретируемым фактом, потому что материал КЛЯ не позволяет увидеть эту конструкцию в той системе, откуда она взята. Вне системы РР такая разделительная конструкция — странное явление, в системе же РР она имеет свое, как мы пытались показать, достаточно четко определенное место.

(б) Бессоюзные сложные предложения с отношениями степени. Семантико-синтаксическая структура сложного предложения с отношениями степени такова: в первой предикативной конструкции сообщается о том или ином признаке предмета или действия или о таком предмете или действии, которые можно

конструкцию, является сказуемое. . . оно же составляет организующий центр семантической структуры предложения (пропозитивного концепта), то его и следует считать ядром, иерархической вершиной предложения. . . Из признания сказуемого иерархической вершиной предложения закономерно вытекает понимание предложения с однородными сказуемыми. . . как полипредикативного построения, а значит, как сложного предложения» (*Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 169—170). К этому можно только добавить, что и роль подлежащего как исходного в семантической структуре предложения компонента сохраняется в полной мере: при каждом из сказуемых подлежащее может быть «восстановлено»; если и существуют запреты на такое восстановление, но они имеют чисто стилистический характер (так лучше не говорить, хотя сказать можно), но не системный (так сказать принципиально нельзя), ср.: *Он или придет вовремя, или намного опоздает — Или он придет вовремя, или он намного опоздает.*

оценивать по шкале хороший — плохой, большой — маленький и т. п., во второй предикативной конструкции определяется степень проявления признака. Степень определяется не прямо, а через следствие: вторая предикативная конструкция определяет степень проявления признака в зависимости от того, что есть или бывает при данной степени: *У меня такая есть сковородка хорошая/ быстро все в ней и не подгорает//* 'такая хорошая сковородка, что быстро все в ней жарится и не подгорает'.

В КЛЯ отношения меры и степени оформляются только с помощью строго обязательных в данном типе соотносительного слова в главной части и союза в придаточной: *Володя заплакал так громко, что сестры не выдержали и тоже заплакали* (А. Чехов); *Я вам такие места покажу, что вы ахнете* (К. Паустовский).

В РР обычно оформление отношений степени в сложном предложении без союза и соотносительного слова. Системная организация этого типа отношений в РР следующая. Предикативная конструкция степени может обслуживать семантику слов, принадлежащих к таким частям речи:

существительное: Такая погода стоит/ в босоножках скоро пойдем//; Очередь там/ час стоять//; Жарища на улице/ дышать просто нечем//; Игру затеяли/ на весь двор орут//;

глагол: Мы догулялись/ темно уже стало//; Я устала/ еле ноги волочу//; Мы бежали/ отдышались еле//; Устал/ еле на ногах держусь//; У него горло болело/ он говорить просто не мог//; Они играют/ больше ругаются//;

наречие, определяющее предикат: Она нам красиво напечатала/ в редакции даже все там восхищались//; Я прочитаю быстро/ в среду принесу//; Он долго делает уроки гулять времени не хватает даже//;

прилагательное, определяющее существительное: Она очень красивая девочка/ оглядываются даже все на нее//.

Широко представлены в РР отношения степени в сложных предложениях следующего оформления:

со словами *так*, *такой* и под. в первой предикативной конструкции без союза во второй:

У меня одна ученица писала так крупно/ я даже заставил ее переучиваться//; Я так устал/ три месяца не отдохну//; Я так волновалась/ я ночь не спала//; Мне сегодня так хорошо работалось/ семь страниц написал//; Мы ему по глупости в общем такой большой велосипед купили/ он даже с рамы не достает еще// На вырост в общем//; (о фигурном катании) У Тани так хорошо получается/ ее в особую секцию там взяли//; (о клубнике) А. Выродилась она у вас что ли? Б. Она не просто выродилась// Она так выродилась/ стакан не набрали//;

с союзом во второй предикативной конструкции без соотносительного слова в первой:

Он испугался/ что объяснить ничего не мог//; Он зачитался/ что в час только уснул//; Все у меня там пригорело/ что сковородку отчистить до сих пор вот не могу//; Мне не хотелось опаз-

дывать/ что я такси даже решила взять//; (о возвращении со стройки /) Мы были грязные/ что нас в метро даже не хотели пускать//; Он у нас хорошо читает что хвалят его даже там перед классом/ публично в общем//.

Поскольку степень определяется через следствие, возможны недифференцированные отношения следствия и степени. Такие недифференцированные отношения могут быть тогда, когда вторая предикативная конструкция соотнесена по смыслу с прилагательным или наречием: *Мороз сильный на улице/ дышать даже трудно//* 'мороз такой сильный, что дышать даже трудно'; 'мороз сильный — и поэтому дышать трудно'; *Он плохо выучил английский/ двойку чуть не получил//*; 'он так плохо выучил английский, что двойку чуть не получил; 'он плохо выучил английский, — и поэтому двойку чуть не получил'. Если вторая предикативная конструкция соотнесена по смыслу с существительным и глаголом, то имеют место только дифференцированные отношения степени.

В речи персонажей Ф. Абрамова разговорная система бессоюзных сложных предложений с отношениями степени представлена достаточно полно. Широко используются сложные предложения с дифференцированными отношениями степени без союза и соотносительного слова, в которых предикативная конструкция соотнесена по смыслу с существительным или глаголом:

В общем, обстановка — в городе не у каждого 'такая обстановка, что в городе есть не у каждого'; Пронька — ветеринар надрывается — глаза на лоб вылезли 'так надрывается, что глаза на лоб вылезли'; Пес лежал в воротах сарая — передние лапы вытянуты, уши торчком и глаза — угли раскаленные: так и сверлят, так и буравят баранью тушку. . . 'и такие глаза — угли раскаленные, что так и буравят баранью тушку'.

Ср. еще пример, доказывающий приверженность Ф. Абрамова к использованию данной структуры бессоюзного сложного предложения: *В другой раз треск — уши затыкай, а тут глаза округлила — столбняк нашел.* В одно усложненное предложение соединены сразу два предложения с отношениями степени: 'такой треск, что уши затыкай' и 'глаза так округлила, что как будто столбняк нашел'.

Возможны у Ф. Абрамова предикативные конструкции со значением степени при наречиях и прилагательных, также оформленные без союзов и соотносительных слов:

Хорошо отделали березы да осины запотелое, зажарелое за день лицо, освежили и отшлепали на славу — ни в одной парикмахерской так не сумеют 'так на славу освежили и отшлепали, что ни в одной парикмахерской так не сумеют'.

Есть в речи персонажей у Ф. Абрамова и сложные предложения с отношениями степени без союза, но с соотносительным словом:

А в пустыне-то эти ветра! Так засыплет, так зализет песком-то — назавтра едва откашляешься 'так засыплет, так зализет

песком-то, что назавтра едва откашляешься'; Они так запуганы этими басмачами — на глаза показаться не смеют 'так запуганы, что на глаза показаться не смеют'; Четырнадцать-то лет, не знаю, было, нет, а такая шёльма — так и стрижет глазищами, так и стрижет 'такая шельма, что так и стрижет глазищами'; В общем пошли на платформу, выбрали из груды бревен толстенную лиственницу (очень устойчива к сырости), распилили и такую гробницу отгрохали — ахнешь 'такую гробницу отгрохали, что ахнешь'.

Столь же широко, как и дифференцированные отношения степени, используются у Ф. Абрамова недифференцированный комплекс 'следственные отношения—отношения степени':

Кузнец за ночь силенок поднакопил — просто пляшет вокруг наковальни 'поднакопил — и поэтому просто пляшет вокруг наковальни'; 'так поднакопил, что просто пляшет вокруг наковальни'; Старухи разошлись — на глазах росли сенные валы 'старухи так разошлись — и поэтому на глазах росли сенные валы'; 'старухи так разошлись, что на глазах росли сенные валы'; Люди умаются за ночь — на ходу спят 'люди умаются за ночь — и поэтому на ходу спят'; 'люди так умаются за ночь, что на ходу спят'; Разбухла, разрослась районная столица, уже в поля залезла, уже сосняк на задворках под себя подмяла, и все ей места мало — за ручей шагнула 'и все ей места мало — и поэтому за ручей шагнула'; 'и все ей так места мало, что за ручей шагнула'.

Отмечен нами в речи персонажей у Ф. Абрамова и один пример опосредованной связи в бессоюзном сложном предложении с отношениями степени:

Бывало с Сухого болота домой правишь, из суземов выходишь — сердце радуется 'из суземов выходишь [и видишь такую прекрасную картину], что сердце радуется'.

Таким образом, можно видеть, что в отличие от бессоюзных сложных предложений с разделительными отношениями сложные предложения с отношениями степени в речи персонажей у Абрамова с большой полнотой воспроизводят разговорную систему: не реализованной у Ф. Абрамова осталась только одна разрешаемая разговорной системой конструкция — с союзом, но без соотносительного слова, типа *Он зачитался/ что в час только уснул//* 'он так зачитался, что в час только уснул'.

Встречаются бессоюзные сложные предложения с отношениями степени и у других авторов, склонных к достижению высокого имитационного эффекта разговорности, однако с гораздо меньшей, чем у Ф. Абрамова, регулярностью и в кругу иных имитационных средств, в весьма «разговорном» сатирическом романе «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова нами зафиксирован только один пример бессоюзного сложного предложения с отношениями степени: *Поступай к нам в политехникум. Ей богу. Получишь стипендию семьдесят пять рублей. Будешь жить как бог. У нас столовая, каждый день мясо* 'у нас столовая такая хорошая, что каждый день бывает мясо'. Запятая в этом сложном предложении делает возможными осмысление отношений как перечислитель-

ных — у нас есть столовая, бывает (в магазинах, на рынке) мясо, однако контекст явно исключает такое семантическое прочтение этого предложения [31].

Можно назвать немало и других примеров преодоления имитационного стандарта в творчестве отдельных писателей. Как уже отмечалось, из всех членов функциональной группы регулярно для имитации разговорной речи используется только один — с побудительной частью. Гораздо шире представлены члены функциональных групп в речи персонажей романа И. Гончарова «Обрыв». Отметим такие члены функциональных групп:

(а) Член с вопросительной частью; вторая часть находится в причинных отношениях с имплицитным (опосредующим) модальным смыслом: Что ты прочитал об этом: вон Настасья Петровна хочет знать 'я спрашиваю тебя, о чем ты прочитал, потому что об этом хочет знать Настасья Петровна'.

Ср. с широко распространенными в РР членами функциональной группы подобного же типа: Так ты в Ленинград ездил? я не знаю до сих пор//; Что же они там говорили о нашей книге? все очень хотят знать//; Когда же эта конференция открывается? я не знаю еще//; Ты когда сегодня придешь? мне нужно точно знать//; Что же у вас (на работе) тут все-таки произошло? я только что из отпуска// 'я спрашиваю о том, что у вас произошло, потому что я этого не знаю, так как был в отпуске'.

(б) Член со второй вопросительной частью, первая часть находится в следственных отношениях с имплицитным (опосредующим) модальным смыслом:

— Ну вот — это исполнено теперь: что ж дальше? ужели так все и будет? — говорил он 'это исполнено, и поэтому я вправе спросить, что же дальше, ужели так все и будет'; Вот позвольте к слову спросить, — живо возразил гость, — вы изволили сказать «восточный вопрос» — в газетах поминутно пишут «восточный вопрос»: какой это «восточный вопрос»? 'в газетах пишут «восточный вопрос», а я не знаю, какой это вопрос, и поэтому спрашиваю об этом'.

Такие конструкции также регулярны в РР:

Отменили эту нашу электричку/ как теперь нам ездить?; Теперь уж точно мы опоздали/ что скажем?; Я все это сделал/ что еще-то?; Ань/ я заболела и не иду (в гости)/ что делать с подарком?; (об ученике) Тройки у него по математике пошли/ что делать?

Интересно отметить, что в «Обрыве» нами зафиксирован весьма редкий даже для РР пример с обеими вопросительными частями: Не было ли там большого пожара? этого не пишут? — спросил Райский 'я спрашиваю о том, не было ли там большого пожара,

---

[31] Материалы этого и других произведений И. Ильфа и Е. Петрова широко используются Кв. Кожевниковой при анализе имитации разговорной речи в прозе. — См.: *Кожевникова Кв.* Указ. соч., с. 55—147.

потому что, предполагаю, что об этом могут писать, верно ли я предполагаю?'

Естественно, не обходит своим вниманием И. Гончаров и распространенные вообще в речи персонажей у разных авторов функциональные члены с побудительной частью: *Отрезвись же, встань и поклонись: перед тобой стоит Татьяна Марковна Бережкова.*

Итак, мы попытались показать некоторые из редких в письменной фиксации бессоюзных сложных предложений. Вполне можно допустить, что в письменной фиксации как имитационное средство РР будут обнаружены и другие сугубо разговорные бессоюзные сложные предложения или существующие на их основе члены функциональных групп. Возможность обнаружить в принципе любую структуру бессоюзного сложного предложения в речи персонажей не свидетельствует о том, что в этих художественных текстах полностью отражена система бессоюзного сложного предложения РР. Ни одно исследование сложного предложения, выполненное на материале языка художественной литературы (а таких исследований огромное множество), даже близко не подошло к тому, чтобы вскрыть те системные закономерности в организации бессоюзного сложного предложения, которые стали известными при ориентации на собственно разговорный материал. И поэтому единственный вывод, который можно сделать из того факта, что в речи персонажей может встретиться любая разговорная структура бессоюзного сложного предложения РР — одна регулярна, другая — крайне редко и только у немногих авторов, следующий: речь персонажей — это та сфера КЛЯ, которая наиболее проницаема для РР вообще и в области бессоюзного сложного предложения, в частности.

Бессоюзные сложные предложения в авторском повествовании

Авторское повествование — это одна из наиболее сложных по своей структуре и по эстетической роли часть художественного текста. В организации художественного повествования ведущая роль принадлежит тому, что исследователи языка художественной литературы называют образом автора. В. В. Виноградов, в работах которого по языку художественной литературы проблема образа автора занимала центральное место, писал: «Образ автора — это не простой субъект речи, чаще всего он даже не назван в структуре художественного произведения. Это — концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого [32]. Можно думать, что в художественном повествовании проявляет себя еще один

[32] *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М., 1971, с. 118.

персонаж — так сказать, персонаж над персонажами. Этот персонаж, образ автора, также может для достижения достаточно близкого контакта с читателем стремиться к разговорности. Это — с одной стороны. А с другой стороны, автор может стремиться и к тому, чтобы показать свое «взаимоотношение» со своими персонажами, что открывает путь для некоторого сближения авторского повествования с речью персонажей. Следовательно, авторский текст по природе своей таков, что допускает разговорность. Тем не менее в большинстве случаев авторское повествование в языковом плане отчетливо противостоит речи персонажей. Это противостояние объясняется, кроме всего прочего, и принципиально разным использованием системы РР в речи персонажей и в речи автора. Речь персонажей имитируется под разговорную — читатель должен поверить, что персонажи говорят на РР. В авторском повествовании «разговорная струя» — это средство оживления повествования, средство достижения некоторого единства всего художественного текста. В отношении авторской речи читатель уже не должен иметь веры, что перед ним истинная разговорная речь. Если в речи персонажей имитационные разговорные средства играют первостепенную роль, отодвигая в тень кодифицированную основу речи персонажа, то в авторском повествовании спрятать эту кодифицированную основу невозможно и не нужно, возможно только оживить и украсить ее разговорными компонентами. В тот недалекий период, когда материал собственно разговорной речи еще не был доступен исследователям, были обычны работы, в которых разговорной речью называлась именно речь персонажей и никто никогда не делал попыток изучать РР на материале авторского повествования.

Итак, авторское повествование допускает разговорные компоненты, в том числе и бессоюзные сложные предложения. Бессоюзные сложные предложения в авторском повествовании — активная конструкция. Структурно-семантические характеристики употребляемых в авторском повествовании бессоюзных сложных предложений двойственны. С одной стороны, широко представлены, как и в речи персонажей, бессоюзные сложные предложения с умеренными характеристиками. Но с другой стороны, есть и важная отличительная черта: лексическая наполняемость бессоюзных сложных предложений в авторском повествовании много шире, чем в речи персонажей. И поэтому здесь уже нельзя говорить о полном копировании бессоюзных сложных предложений РР. Использование системы бессоюзных сложных предложений РР в авторском повествовании связано с некоторой творческой модификацией системы.

Отличается авторское повествование от речи персонажей и соотношением разных смысловых типов бессоюзных сложных предложений. Если в речи персонажей, как и в собственно РР, одним из самых частотных типов являются бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями, то в авторском повествовании наиболее активны бессоюзные сложные предложения

с причинными, следственными, условными и под. отношениями пропозиционного характера. И это понятно: изъяснительные сложные предложения позволяют эксплицировать модус, т. е. позволяют ясно выразить намерения, желания говорящего, а при непосредственном общении это всегда важно; пропозиционные же отношения причины и под. служат для выражения взаимосвязи событий, взаимоотношения персонажей, обоснования поступков персонажей и всего того, что составляет содержание авторского повествования. Ср., например, такие бессоюзные сложные предложения с причинными отношениями из авторской речи:

Авдотья Ивановна несколько раз пробовала встать, но не могла: она наступала на свои юбки и тальму, может быть была пьяна (В. Вересаев); Ефросинья и стала матерью моего прадеда, артельного бурлака нашего плеса, его сын дед Федор эту же профессию сделал оседлой для своих нисходящих: он был ссыпщик хлеба, или грузчик (К. Петров-Водкин); Зимой туда не проберешься: там по пояс сугробы (И. Бунин); Но Лиза не хотела оставаться: ей было не по себе (К. Федин); Степан Андреянович... один раз в неделю не разжигал огня — жалко было тратить время на приготовление горячей пищи (Ф. Абрамов); Тут Калина Иванович полез за очками — худо видел, а охоч был до свежих людей (Ф. Абрамов); С увеличением количества больниц стала уменьшаться квалификация хирургов — мало оперируем (Ю. Крелин).

Типы авторского повествования весьма разнообразны. Особое место среди этих типов занимает сказ. Сказовое повествование ведется не непосредственно от лица автора, а от лица рассказчика — посредника. Сказ — это как бы записанное живое устное повествование. «Формы сказа, — пишет В. В. Виноградов, — открывают в художественной литературе широкую дорогу причудливым смешениям разных диалектных сфер разговорно-бытовой речи с разными жанрами и видами речи письменной. Сказ обусловлен характерологически и идеологически. В этом и заключается стилистическая острота вопроса о сказе. Если сказ сам по себе — по своему внешнему строению — не разлагается целиком на формулы и синтаксические схемы разговорной обиходной речи, то возникает необходимость «сигналов», особых знаков, посредством которых у читателя возбуждается представление о речи как создаваемой в условиях не письма, а произношения»[33]. Сказ, таким образом, можно рассматривать как некоторую имитацию устного повествования. Не всякая устная речь является разговорной. Например, устная публичная речь во всех своих разновидностях (выступление на собрании, по радио или телевидению, публичная дискуссия и т. п.) строится по нормам КЛЯ, хотя имеет свои специфические особенности и допускает гораздо больше

---

[33] *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 120. — Заметим, что проблемы сказа широко обсуждаются в современной научной литературе о языке художественных произведений, см., например: *Кожевникова Н. А.* О типах повествования в советской прозе. — В кн.: Вопросы языка современной русской литературы, с. 97 и сл.

разговорных элементов, чем письменные тексты [34]. С другой стороны, несомненно существуют и повествовательные монологические разговорные тексты. В них особенно ярко проявляется общая закономерность структуры разговорных текстов, заключающаяся в том, чтобы строить текст в расчете на его активное восприятие конкретным слушателем: автор собственно разговорного повествования моделирует возможные возражения слушателя и отвечает на них, постоянно ждет и требует реакции слушателя на сказанное и т. п. Можно предположить, что некоторые формы сказа, в частности такие, при которых рассказ ведется для некоторых персонажей (рассказчик в кругу друзей повествует о чем-то), являются имитацией разговорного повествования. Впрочем, это не более чем предположение. Решение вопроса о том, является ли сказ имитацией разговорного повествования или это «публичное» повествование на КЛЯ, только оживленное разговорными элементами, требует углубленного анализа собственно разговорного повествования и дифференцированного анализа в этом аспекте сказов разных типов. Такой анализ выходит далеко за рамки нашей темы. В отношении же интересующего нас объекта — бессоюзного сложного предложения — можно констатировать только одно: в сказовом повествовании бессоюзные сложные предложения представлены более широко и реализуют больше разговорных характеристик, чем в обычном авторском повествовании. Это хорошо подтверждает сравнение сказовой и обычной авторской форм повествования в творчестве одного писателя. В «Записках охотника» И. С. Тургенев выступает как рассказчик-охотник, в романах И. С. Тургенева представлено обычное авторское повествование. Сравним бессоюзные сложные предложения в рассказе «Льгов» из «Записок охотника» и первую часть романа «Рудин» (сравнение это удобно еще потому, что выбранные тексты не только примерно равны по объему, но и достаточно однотипны по содержанию, в том плане, что в каждом тексте есть описания действующих лиц, пейзажные зарисовки, описание действий — событий, сопровождаемое диалогами персонажей.

В сказовом повествовании из «Льгова» — 7 бинарных бессоюзных сложных предложений разнообразной семантико-синтаксической структуры: с причинными дифференцированными отношениями: *Выражался он необыкновенно изящно и, видимо щеголял своими манерами; волокита тоже, должно быть, был страшный и, по всем вероятиям, успевал: русские девушки любят красноречие; Но Владимиру было уж не до возражений: он дрожал, как лист, зуб на зуб не попадал и совершенно бессмысленно улыбался;* с дифференцированными объяснительными отношениями: *Погода*

---

[34] См. об этом: *Земская Е. А., Ширяев Е. Н.* Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? — ВЯ, 1980, № 2. — В этой статье доказывается несостоятельность, по мнению авторов, точки зрения, согласно которой всякая устная речь (если только это не чтение вслух написанного текста) является разговорной (см.: *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис, с. 41).

стояла прекрасная: белые круглые облака высоко и тихо неслись над нами, ясно отражаясь в воде; тростник шушукал кругом; пруд местами, как сталь, сверкал на солнце 'прекрасная — значит такая, что. . .'; с недифференцированными причинно-следственными отношениями: *Дело было в начале сентября: вальдшнепы еще не прилетали* 'так как дело было в начале сентября, вальдшнепы еще не прилетали; дело было в начале сентября, и поэтому вальдшнепы еще не прилетали'; с недифференцированными объяснительно-следственными отношениями: *Сучок нюхал* (табак) *с остервенением, до тошноты: плевал, кашлял и, по-видимому, чувствовал большое удовольствие* 'нюхать до тошноты означает нюхать так, что плевать, кашлять; нюхал до тошноты, и поэтому плевал, кашлял'; с причинными отношениями и опосредующим смыслом: *Всех подстреленных уток мы, конечно, не достали: легко подраненные ныряли; иные, убитые наповал, падали в такой густой майер, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть их* 'всех подстреленных уток мы не достали — [потому что многих достать было трудно] — так как легко подраненные ныряли. . .'; *Мы вскрикнули, но было уже поздно: через мгновенье мы стояли в воде по горло, окруженные телами мертвых уток* 'было уже поздно что-то предпринять — [потому что мы уже ничего не могли сделать] — так как через мгновенье стояли в воде по горло'.

В авторском повествовании I части «Рудина» всего 3 бессоюзных сложных предложения с причинно-следственными отношениями:

Вести под руку Александру Павловну доставляло, по-видимому, большое удовольствие Константину Диомидычу; он выступал маленькими шагами, улыбался, а восточные глаза его даже покрылись влагой, что, впрочем, с ним случалось нередко: Константину Диомидычу ничего не стоило умилиться и пролить слезу; С лица его тотчас исчезла вся сладость: самоуверенное, почти суровое выражение появилось на нем; Он прошел версты две, развязно помахивая палочкой, и вдруг опять оскаблился: он увидел возле дороги молодую, довольно смазливую крестьянскую девушку, которая выгоняла телят из овса.

Следует заметить, что между речью персонажей и сказовым повествованием далеко не всегда можно провести ясные границы. В романах Ф. Достоевского персонажи часто произносят развернутые, в несколько страниц текста, монологи, которые мало чем отличаются от сказового повествования [35]. Языковая структура таких сказовых монологов двойственна: они включают и сугубо книжные, никак не способствующие имитации разговорности компоненты, и компоненты сугубо разговорные. Автор как бы вкладывает в уста персонажа свой совсем не разговорный, а весьма

---

[35] Иванчикова Е. А., анализируя синтаксис прозы Ф. Достоевского, различает, кроме повествования и описания, рассуждения, часто вкладываемые в уста героев (*Иванчикова Е. А.* Синтаксис художественной прозы Достоевского. М., 1979, с. 161—251).

изысканный по своей «книжности» текст, иногда вводя очень яркие разговорные компоненты. Едва ли такие разговорные инкрустации преследуют цель имитации РР: на широком фоне книжности они бессильны выполнить эту роль. Скорее, это средство оживления речи и средство отличить сказовое повествование персонажа от собственно авторского повествования. Характерным для Ф. Достоевского примером сказового монолога персонажа является рассказ Свидригайлова Раскольникову (из 6 части «Преступления и наказания»). Ср. такой отрывок из этого рассказа:

Знаете, мне всегда было жаль, с самого начала, что судьба не дала родиться вашей сестре во втором или третьем столетии нашей эры, где-нибудь дочерью владетельного князька или там какого-нибудь правителя, или проконсула в Малой Азии. Она, без сомнения, была бы одна из тех, которые претерпели мученичество, и уж, конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленными щипцами. Она бы пошла на это нарочно сама, а в четвертом и в пятом веках ушла бы в Египетскую пустыню и жила бы там тридцать лет, питаясь кореньями, восторгами и видениями. Сама она только того и жаждет, и требует, чтобы за кого-нибудь какую-нибудь муку поскорее принять, а не дай ей этой муки, так она, пожалуй, и в окно выскочит.

Общий книжный тонус этого отрывка вне сомнения: здесь и сугубо книжные слова и обороты (*судьба не дала родиться, претерпели мученичество, жаждет муку принять* и мн. др.), и четко организованный синтаксис с книжными союзными сложными предложениями. Последняя же часть приведенного фрагмента разговорна и по синтаксису и по лексике: . . .*а не дай ей этой муки, так она, пожалуй, и в окно выскочит.* Контраст этого последнего предложения с другими весьма очевиден. Но именно потому, что разговорный компонент контрастирует с книжными, что книжные элементы даны в своем ярком проявлении и не приспосабливаются (как это бывает при имитации разговорности) к разговорным, разговорный компонент не дает имитационного эффекта разговорности. Такая двойственность этого сказового монолога проявляет себя в полной мере и в области бессоюзного сложного предложения. В монологе — безусловное господство союзных предложений. Но это не мешает Ф. Достоевскому инкрустировать рассказ Свидригайлова типично разговорными бессоюзными сложными предложениями. Вот эти предложения: причинные: [*А я ведь человек мрачный, скучный. Вы думаете веселый?*] *Нет, мрачный: вреда не делаю, а сижу в углу, иной раз три дня не разговорят*; следственно-причинные: *Посадил я ее вчера на колени, да, должно быть, очень уж бесцеремонно, — вся вспыхнула и слезинки брызнули, да выдать-то не хочет, сама вся горит*; изъяснительные с опосредованными отношениями и экспрессивно оформленной изъяснительной предикативной конструкцией: *Я с нею два раза переговорил — куда не глупа девчонка* 'переговорил и понял, что девчонка очень не глупа'; пояснительные с особым поясняемым словом *что*: *А Есслих эта шельма, я вам скажу, она ведь что в уме*

держит: я наскучу, жену-то брошу и уеду, а жена ей достанется, она ее и пустит в оборот; в нашем слою то есть, да повыше.

Можно думать, таким образом, что сказовое повествование — это поле напряжения между кодифицированным и разговорным языком.

Бессоюзные сложные предложения в поэтическом стихотворном языке

Замечено, что стихотворная поэтическая речь и РР имеют много общего в своем строении [36].

О. Г. Ревзина проводит прямое сопоставление разговорных синтаксических особенностей, описанных в работах последних лет по РР и поэтического синтаксиса М. Цветаевой [37].

Устанавливается, например, что и в РР, и у М. Цветаевой разрешено некоторые синтаксические позиции замещать такими словоформами, которые в данных позициях во всех других сферах языка нетерпимы; ср.:

«Здесь» на «там» Променявший, и «дай» на «дам»; В завтра путь держу, — В край без праотцев [38].

Устанавливается также, что у М. Цветаевой регулярны, как и в РР, нулевые полнозначные глаголы:

Тот навстречу — крылья, Та навстречу — руки; Не камень! — Уже Широтою орлиною — Плащ! — и уже по лазурным стремнинам В тот град осиянный, Куда — взять Не смеет дитя Мать [39].

Постулируя близость этих и ряда других структур поэтического синтаксиса и РР, О. Г. Ревзина справедливо подчеркивает, что разговорные явления в поэтическом синтаксисе не заимствуются прямо, а существенно модифицируются и, что особенно важно, эти конструкции в поэтическом синтаксисе имеют особые функции [40].

---

[36] Как показала Е. А. Земская, для РР характерен непроектный порядок слов, при котором непосредственно связанные между собой слова располагаются в предложении дистантно, ср.: *Французскую принеси мне книгу* (проективный порядок *Принеси мне французскую книгу*) — см.: Русская разговорная речь, с. 383. И. И. Ковтунова, исследуя специально словопорядок в поэзии, приводит большое количество примеров, по ее терминологии, с дистантным расположением компонентов словосочетаний в соединении с их инверсией — все эти примеры не что иное, как предложения с непроектным порядком слов; из поэзии А. Блока: *Когда же отойду под сень Колонны мраморной угрюмо...* (ср. *отойду угрюмо*); *Тихо вечерние тени В синих ложатся снегах* (ср. *в синих снегах*) — см.: *Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976, с. 223.

[37] См.: *Ревзина О. Г.* Некоторые особенности синтаксиса поэтического языка М. Цветаевой. — Учен. зап. Тартуского ун-та, 1979. Вып. 481. Семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика, с. 89—106; *Ревзина О. Г.* Синтаксис поэтического языка в соотнесении с разговорной речью. — В кн.: Исследования в области грамматики и типологии языков. М., 1980, с. 3—38.

[38] *Ревзина О. Г.* Синтаксис поэтического языка в соотнесении с разговорной речью, с. 12.

[39] Там же, с. 19.

[40] «Одно и то же явление в поэтическом и разговорном языке имеет совершенно разный смысл» (Там же, с. 15).

Таким образом, уже имеющиеся исследования о взаимоотношениях поэтического и разговорного синтаксиса позволяют думать, что стихотворный поэтический язык может особым «творческим» образом использовать РР, переосмысляя ее для своих целей. Широкое использование в поэтическом языке разговорных структур — это не инкрустация текстов разговорными элементами (как это бывает в авторском повествовании), тем более это не имитация разговорности (как это бывает в речи персонажей), это принципиально иная ориентация на РР. Поэтический язык осваивает для своих целей те богатые структурно-семантические потенции, которые заложены в системе РР.

Бессоюзные сложные предложения — одна из наиболее регулярных разговорных категорий в стихотворном поэтическом синтаксисе, они широко представлены в русской поэзии разных эпох и направлений.

В области бессоюзных сложных предложений стихотворный поэтический язык в полной мере обнаруживает общие закономерности взаимосвязей с РР. Характерны два пути развития системы бессоюзных сложных предложений РР в поэтических текстах.

(1) Интонационная незавершенность непоследней предикативной конструкции в бессоюзном сложном предложении это, как уже было показано, синтаксическое средство с таким значением: ищи смысловые отношения между предикативными конструкциями в лексико-семантическом содержании предикативных конструкций (и в конситуации). Непременным условием использования формы бессоюзного сложного предложения в РР является следующее: нужные смысловые отношения должны легко, без всяких усилий, обнаруживаться говорящими. В поэтическом языке сигнал поиска смысловых отношений между предикативными конструкциями, обозначаемый на письме тире или двоеточием, может быть поставлен и между такими по содержанию предикативными конструкциями, отношения между которыми далеко не очевидны. Поэт хочет, чтобы его читатель обнаружил не тривиальные, а часто неожиданные для «здравого обыденного смысла» отношения, а поскольку это требует особых языковых усилий, то решается и задача привлечь особое внимание читателя к «поэтическому строю мысли». Обратимся к примерам: *Не тронет вздох тебя бессильный, Не омрачит земли тоска: У ног твоих, как дым кадильный, Вияся, тают облака* (А. Фет, Горная высь).

Только двоеточие на письме и ИК-3 при чтении позволяет читателю (слушающему) осмыслить последнюю предикативную конструкцию строфы как причинную: почему не тронет и не омрачит — потому что у ног... тают облака. Семантика данных в строфе предикативных конструкций сама по себе при опоре на наше обыденное сознание ничего не дает для осмысления отношений как причинных, и только поставленное поэтом двоеточие позволяет преодолеть обыденность сознания и проникнуть в поэтический смысл данного бессоюзного сложного предложения. Этому в значительной мере способствует и поэтический контекст стихотворе-

ния в целом. Ср. еще: *И печальна так и хороша Темная звериная душа: Ничему не хочет научить, Не умеет вовсе говорить... И плывет дельфином молодым По седым пучинам мировым* (О. Мандельштам).

В этом бессоюзном сложном предложении поэт явно предлагает свое толкование оценочных прилагательных *печальный* и *хороший* по отношению к душе зверя, причем это толкование противопоставлено обыденному; нежелание научить и неумение говорить характеризуются в повседневной жизни как плохие. И поэтому только двоеточие автора позволяет читателю воспринять данное предложение как бессоюзное сложное с объяснительными отношениями (при точке, запятой, точке с запятой объяснительные отношения увидеть было бы нельзя). Ср. еще примеры:

Младенческой ласки доступен мне лепет: Душа откровенно так с жизнью мирится (А. Фет) 'доступен — и поэтому душа мирится с жизнью';

Сто лет тому назад подушками белела Складная легкая постель, И странно вытянулось глиняное тело, — Кончался века первый хмель (О. Мандельштам) 'это был знак того, что кончался века первый хмель';

Твоя безмерная утроба Веков добычей не сыта, — В ней неумолчно ропщет Злоба В ней грозно стонет Нищета (В. Брюсов, Городу) 'не сыта — и поэтому ропщет злоба, стонет нищета';

Тогда, Кронион, суд исполни И гибелью покрой мой стыд: Пусть, опален зубцами молний, Паду к ногам Океанид (В. Брюсов, Фаэтон) 'исполни суд, несмотря на то, что паду...'

И в этих примерах без соответствующих знаков задуманные поэтами отношения трудно было бы обнаружить.

Итак, в стихотворном поэтическом языке интонация как синтаксическое средство формы бессоюзного сложного предложения обладает более широкими, чем в РР, возможностями: в поэтическом языке интонационными средствами активизируются как смысловые отношения, очевидным образом заложенные в лексико-семантическом содержании связываемых предикативных конструкций, так и смысловые отношения, не вытекающие очевидным образом из содержания предикативных конструкций, а базирующиеся достаточно сложным образом на общем поэтическом смысле произведения. Поэтический язык, используя форму бессоюзного сложного предложения РР, развивает ее для своих поэтических целей.

(2) Ясно проявляется в стихотворном поэтическом языке и особое использование такой характеристики бессоюзного сложного предложения, как недифференцированные значения. Для поэтического языка часто важно бывает так построить содержание, чтобы оно давало широкие ассоциативные связи. Бессоюзное сложное предложение может хорошо служить решению этой задачи. В поэтическом тексте широкое развитие получают бессоюзные сложные предложения с особого рода недифференцированным значением — с неопределенным недифференцированным значе-

нием. Поэт формой бессоюзного сложного предложения обозначает, что между предикативными конструкциями есть смысловые отношения. Лексико-семантическое содержание предикативных конструкций при этом может быть таким, что у читателя появляется возможность различного, хотя в определенных границах, осмысления смысловых отношений. Другими словами, поэтический язык прибегает к особому типу недифференцированных значений — не определенным недифференцированным значениям, дающим читателю известную свободу для ассоциаций. Ср.:

Я вижу месяц бездыханный И небо мертвенней холста, — Твой мир, болезненный и странный, Я принимаю, пустота! (О. Мандельштам). Смысловые отношения в этом предложении можно интерпретировать и как уступительные — 'несмотря на то, что я вижу — я принимаю мир', и как причинные, исключающие уступку — 'так как я вижу месяц. . . — я принимаю этот мир', и как следственные — 'я вижу месяц. . . — и поэтому я принимаю мир'. По-видимому, невозможно с достаточной уверенностью очертить смысловую структуру этого отношения: каждый читатель имеет право на свое понимание. Не исключено, что и у самого поэта не было определенности в осмыслении данного бессоюзного сложного предложения. Еще примеры бессоюзных сложных предложений с неопределенными значениями:

О, не гляди так мягко и приветно! Я так боюсь забыться как-нибудь, — Твоей души мне глубина заветна, В свою судьбу боюсь я заглянуть (А. Фет); Я вздрагиваю от услада, — Мне хочется онеметь! А в небе танцует золото, Приказывает мне петь (О. Мандельштам); Не больна мне ничья измена, И не радует легкость побед, — Тех волос золотое сено Превращается в серый цвет (С. Есенин);

Едва ли для всех приведенных бессоюзных сложных предложений можно дать точные описания смысловых отношений: лексико-семантическая структура соединяемых в этих предложениях предикативных конструкций не задает строго определенного смысла отношений.

Таким образом, поэтический язык, широко используя недифференцированные значения, и в этой области структуры бессоюзного сложного предложения идет дальше РР: в поэтических целях создаются неопределенные значения.

Итак, парадокс: поэтический язык, который по своей природе является языком, требующим тщательнейшей художественной обработки и потому в принципе исключающий всякую спонтанность, явным и неслучайным образом сближается со спонтанной РР. Противоположности сходятся. В чем же причина такого парадокса? Ответ на этот вопрос, как кажется, следует искать в том, что РР стремится к максимальному использованию тех возможностей, которые разрешены ее системой; в системе РР мало пустых клеток. Поэтический язык с его повышенным вниманием к форме выражения содержания, с его стремлением к поискам новых, оригинальных, в лучшем смысле этого слова,

форм находит в разговорной речи именно то, что ему нужно: поэтический язык находит в РР хорошо развитую и, что очень важно, неизвестную, точнее не осознанную (что объясняется спонтанностью РР) носителем языка систему. Эта система в еще более развитом и преобразованном виде хорошо служит целям поэтического языка. Неосознанность носителями языка разговорной системы важна для поэтического языка по следующим причинам: с одной стороны, привлеченные в поэтический язык разговорные компоненты воспринимаются читателем, по причине их неосознанности в РР, как новации, заставляют обратить на себя внимание, с другой стороны, они легко понимаются читателем и не производят впечатления нетерпимых нарушений языковых норм, поскольку основываются на разговорной системе самих читателей. Вполне понятно, что поэт может стремиться к собственному развитию системы, не связанному с РР, может даже стремиться к созданию своей собственной системы, или по крайней мере подобия системы. Но в этом случае всегда есть опасность быть непонятым. Творческое же использование системы РР, если и не снимает такую опасность, то существенно уменьшает ее размеры.

Несколько иначе объясняет близость РР и поэтического языка О. Г. Ревзина. О. Г. Ревзина не принимает положения о том, что РР — это особая система. Рассматривая РР и поэтический язык как особые стили, О. Г. Ревзина предполагает, что «есть ядерная синтаксическая система русского языка», которая не зависит от стилей; эта система заключает в себе внутренние потенции. «Трансформации нормативного синтаксиса, — пишет О. Р. Ревзина, — наблюдаемые в отдельных стилях, определяются в значительной части синтаксическими ресурсами основной системы, представляя разные варианты возможного ее развития. Конкретные же формы, в которых воплощаются синтаксические преобразования в данном стиле, зависят от специальных функций этих стилей»[41]. Близость разговорного и поэтического языка О. Г. Ревзина, исходя из этих общих положений, объясняет «одинаковым источником синтаксических трансформаций — теми возможностями, которые заложены в самом нормативном синтаксисе и частично используются в нем самом»[42]. Соображения О. Г. Ревзиной о потенциальных возможностях системы представляются правильными. Однако, как кажется, предложенная, пользуясь терминологией автора, модель не объясняет, почему реализация потенциальных возможностей ядерной синтаксической системы идет в РР и поэтическом языке в одинаковом направлении, почему РР и поэтический язык заполняют одни и те же пустые клетки системы. Как мы пытались показать, поэтический язык опирается на РР, что позволяет использовать в поэтическом

[41] *Ревзина О. Г.* Синтаксис поэтического языка в соотнесении с разговорной речью, с. 8.
[42] Там же, с. 8—9.

языке легко принимаемые читателями новации. Другими словами, развитие системы в поэтическом языке в том же направлении, что и в РР, не случайно, и это развитие идет не параллельно и самостоятельно, а с опорой поэтического языка на разговорный.

Бессоюзные сложные предложения в функциональных стилях

Анализ употребления бессоюзных сложных предложений в функциональных стилях ясно показывает, что среди всех типов бессоюзных сложных предложений могут употребляться нейтрально — не для имитации РР и не для того, чтобы оживить изложенные разговорными компонентами — только два типа. Это те типы бессоюзного сложного предложения, которые представлены в научном и деловом функциональных стилях. Научный и деловой стили наиболее контрастно из всех сфер и стилей КЛЯ противопоставлены РР, влияние на них РР в современной языковой ситуации в типичных, стандартных случаях исключено. К числу бессоюзных сложных предложений, употребляемых регулярно в научном и деловом стилях, принадлежат бессоюзные сложные предложения с изъяснительными и пояснительными отношениями, органично входящими в систему КЛЯ; вот, например, некоторые характерные для научного стиля книги Л. С. Выготского «Психология искусства» бессоюзные сложные предложения:

Поясним: по одним басням Крылова мы никогда не восстановим его психологии; Мюллер Фрейенфельс нам говорит: так часто упоминаемая теперь теория вчувствования не годится для объяснения этих различных родов аффектов; В основе искусства, по мнению Христиансена, и лежат эти дифференциалы настроения, и всю эстетическую реакцию, согласно этому взгляду, можно изобразить следующим образом: объект искусства, или эстетический объект, состоит из разных частей. . .; Две вещи здесь легко бросаются в глаза исследователю: во-первых, то, что основная линия трагедии, как этот отмечено выше, здесь затемнена и затушевана.

В гуманитарных научных текстах, кроме изъяснительных и пояснительных бессоюзных сложных предложений, возможны и бессоюзные сложные предложения с объяснительными отношениями, но только такие, в которых объясняемое слово не несет в себе оценочного элемента. Для других сфер и стилей оценочный элемент не только характерен, но и может выступать, так сказать в чистом виде, ср. из РР: *Он ведет себя просто отвратительно: учителям даже грубит//*. В научных текстах в роли объясняемых употребляются обороты типа *поступать иначе, приходить другим путем*, либо специальные термины:

Но автор поступает иначе: он все время заставляет нас с совершенной ясностью сознавать ту прямую линию, по которой должно было бы идти действие, для того, чтобы мы могли скорее ощутить те уклоны и петли, которые оно описывает на самом

деле (Л. Выготский, Психология искусства); Мы приходим к этой точке совершенно другим путем: она возникает как следствие совершенно нового фабульного ряда (там же); Роспись III (с запада) гробницы «под камень» была полихромной: по коричневому фону сделан набрызг черным и белым, а по синевато-зеленому — мелкий белый набрызг. В убор гробницы IV аркосолия был перенесен прием полилитии: на его передней стенке внизу шла желто-белая горизонтальная полоса на красно-коричневом фоне; в центре — черный ромб с лимонно-желтым обрамлением и наружным голубым контуром (Н. Воронин, Смоленская живопись 12—13 веков).

Все другие смысловые типы бессоюзных сложных предложений для научного и делового стиля нехарактерны. Не характерны для этих функциональных стилей бессоюзные сложные предложения с недифференцированными и опосредованными отношениями, не знают данные стили и членов функциональных групп.

Как и в любых других сферах и функциональных стилях стандарт в выборе языковых средств в творчестве отдельных нерядовых личностей преодолевается; исключение в этом отношении составляет, по-видимому, только деловой стиль. Может преодолеваться и стандарт в использовании бессоюзных сложных предложений в научном стиле. Яркое доказательство тому научный стиль В. Шкловского. В его «Повести о прозе» — разнообразие смысловых типов бессоюзного сложного предложения:

причинные: Все сцепление мыслей, а не сама цитата из «Овидия», важно в том отрывке, который мы сейчас приведем: речь изменяет весь облик рыцаря; Дик — его настоящее имя Ричард Бебли — радуется полету бумажных змеев, как ребенок: он думает, что мысли его, Дика, таким образом распространяются по миру; [Покамест старуха идет, вокруг нее собираются люди]. Она на улицах Лондона — женщина другого мира: она убежала из романа ужасов; сопоставительные: В новелле, содержание которой мы только что упомянули, прекрасная Алатиэль тоже терпит кораблекрушение и попадает в результате в руки родовитого человека, который добивается ее любви, — девушка не очень противится; объяснительно-причинные: Поэзия вообще была счастливее прозы на теорию: очень рано появились поэтики, положенные в стихотворной форме.

Чтобы понять закономерности функционирования бессоюзных сложных предложений в публицистическом стиле, кажется важным обратить внимание на одну тенденцию публицистического стиля, которую формулирует и убедительно доказывает В. Г. Костомаров на материале такого ведущего проявления публицистического стиля, каким является язык газеты. В. Г. Костомаров полагает, что язык газеты во многом определяется единством тенденций к экспрессии и стандартизации. «К максимуму информативности стремятся научный и деловой стили... К максимуму эмоциональности приближаются некоторые бытовые и поэтические тексты... Газетное изложение не терпит ни той, ни другой край-

ности: в первом случае не было бы эмоционально-воздействующего эффекта (скучно, неинтересно), во втором — необходимой фактографичности (на одних чувствах)»[43].

Разговорные компоненты, несомненно, играют большую роль в оживлении публицистических текстов. Бессоюзные сложные предложения в публицистических текстах как разговорный компонент широко распространены. Их характеристики определяются так, чтобы не уйти слишком далеко от стандарта. Можно сказать, что и бессоюзные сложные предложения в публицистическом стиле — это наиболее стандартные для языка в целом предложения. То, что есть из бессоюзных сложных предложений в языке публицистики, обычно широко представлено и в авторском повествовании языка художественной литературы, но обратное неверно: использование разговорной системы в авторском повествовании языка художественной литературы намного шире и имеет более творческий характер. Для публицистики характерны прежде всего бессоюзные сложные предложения с изъяснительными, противительными, сопоставительными, причинными, следственными, пояснительными отношениями и такими объяснительными отношениями, при которых, в отличие от научного стиля, объясняемое слово включает оценочный компонент; недифференцированные значения в публицистическом стиле состоят не более, чем из двух компонентов; опосредование отношений — неглубокое.

Подтвердим сказанное полным перечнем всех бессоюзных сложных предложений из судебного очерка М. Вознесенского и О. Чайковской «Такая практика» (Лит. газета, 15 июля 1981 г.): изъяснительные отношения: Все в техникуме знали, и это было доказано в суде: когда Волошенко пришел на скважину, самодельная желонка уже стояла, работы шли вовсю; причинные отношения: Их учили, как не надо, как нельзя работать: у них на глазах шел рабочий процесс, когда то и дело чего-нибудь не хватало, когда агрегат простаивал часами, а сами они зря кормили собой комаров; «Вышла» — это не совсем точно: ее, большую, высокую (Володька был в нее), вносил муж, и помогали сотрудники, по крутой лестнице на третий этаж; И относительно «работы» не совсем точно — она сидела в кресле своего кабинета, делать ничего не могла, сидела и думала с ужасом, что рано или поздно придется возвращаться домой; И лишь примерно через месяц поборола болезнь: она должна была встать; Что касается «уехать из города», говорили мы меж собой, то эта мысль дельная: вряд ли могут жить они в одном городе — память о Володе Алпееве и В. И. Клименко; пояснительные отношения: В одном сходились все — преподаватель не имел права, ни юридического, ни морального передавать управление несовершеннолетнему и необученному; объяснительные отношения: Но тут начали происходить вещи, которых ребята техникума знать не могли: пошли в облсуд (кассационную инстан-

[43] *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971, с. 91.

цию) письма с восхвалениями Клименко и перечислением его заслуг...; недифференцированные объяснительно-причинные отношения: А директор Клименко на следствии упорно отрицал свою вину, утверждая, что действовал правильно: хотел приблизить учебную практику к производству, к жизни, чтобы учащиеся собственными глазами видели результат; бессоюзные сложные предложения с опосредованными отношениями: У подъезда толпились люди, и когда она вышла из машины, что-то случилось: одни смотрели на нее во все глаза, другие, напротив, старательно не смотрели 'что-то случилось — [она поняла это] — потому что одни смотрели...'; Но ведь в зале суда первой инстанции (на материалы которого, естественно, и ссылался облсуд) сидели люди с хорошей памятью: никто никогда и не говорил, что катастрофа произошла «в результате злоупотребления Клименко служебным положением» 'сидели люди с хорошей памятью — [и поэтому они могли бы помнить] — что никто и никогда...'.

Интересно отметить, что научно-популярное изложение стоит гораздо ближе к публицистике, чем к строгому научному стилю. Научно-популярные тексты показывают большое разнообразие таких бессоюзных сложных предложений, которые для научного стиля нехарактерны. Вот некоторые из них, зафиксированные в небольшой научно-популярной статье доктора химических наук Ю. Чиркова «Стресс без стресса» (Наука и жизнь, 1981, № 4): следственные: Но вот в тридцатые годы нашего века мощные ультрацентрифуги взломали клетку: удалось выделить митохондрии в чистом виде; причинные: Что истощается? Это не запасы калорий: ведь в опыте крысе обеспечен нормальный прием пищи. Ср. даже усложненную конструкцию с подряд двумя бинарными причинными структурами: А торопиться надо было. Ведь важна не только температура, но и скорость работы: исследователь, словно хирург, не может медлить: вырванные из живого организма митохондрии быстро (уже минут через десять) теряют свои качества, изменяются, «стареют», хотя их и помещают в особый раствор, имитирующий среду организма.

Итак, система бессоюзного сложного предложения РР широко и разнообразно представлена в языке художественной литературы, менее широкое отражение находит она в публицистике, и только отдельные типы бессоюзного сложного предложения характерны для научного и делового стилей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОПЫТ ОПИСАНИЯ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ БЕССОЮЗНОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Всякая концепция только тогда может претендовать на права гражданства в лингвистике, когда показана «работа» этой концепции на достаточно большом представительном материале. Для описания выбраны бессоюзные сложные предложения со смысловыми отношениями разного логико-семантического плана: изъяснительные, причинные, пояснительные и объяснительные.

Бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями

Бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями представляют тот класс сложных предложений, в которых модус и пропозиция могут получать раздельное выражение.

При союзном выражении изъяснительных отношений основным средством связи является союз *что*, а вторичным — широкий круг союзных слов: *который, где, когда* и т. п.; однотипность отношений, выражаемых указанными средствами связи, определяется проверкой на сочетаемость с помощью союза *и*: Он сказал, что придет и когда именно придет; Он сказал, что придет и зачем придет.

Бессоюзное выражение могут иметь только отношения, выражаемые первичным союзом *что*: *Он сказал: придет.* Смысловая основа обнаружения этих отношений — обязательная лексико-семантическая валентность опорного слова предикативной конструкции: глагол *сказал* требует изъяснения; любая предикативная конструкция, семантика которой может быть осмыслена как изъясняющая, связывается с данным глаголом изъяснительными отношениями: *Он сказал: совсем неинтересная эта книга; Он сказал: в Горьком будет опять конференция; Он сказал: очень большой конкурс в этом году на факультете был* и т. п. Семантика вторичных изъяснительных союзов и союзных слов является по сравнению с союзом *что* сложной: *когда* = изъяснение + время (изъяснение о времени); *где* = изъяснение + место (изъяснение о месте); *почему* = изъяснение + причина (изъяснение о причине) и т. п. Второй компонент значения (время, место, причина и т. п.) не может быть передан ничем, кроме соответствующего союзного слова, и именно поэтому бессоюзные сложные предложения, соответствующие сложным предложениям с вторичными для данного типа союзными словами, невозможны.

Бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями в разговорной речи

Система бессоюзных сложных предложений с изъяснительными отношениями в РР характеризуется следующим.

(1) В РР изъяснительная предикативная конструкция соединяется с любыми словами, имеющими соответствующую лексико-семантическую валентность. Это могут быть любые глаголы, предикативные наречия, краткие прилагательные, событийные существительные (прежде всего отглагольные событийные существительные):

Она говорит совсем замоталась на работе//; Он мне говорил/ никого из знакомых на конференции не было почему-то//; Я слышал они опять вместе живут//; Он очень обрадовался/ в школу ему не идти// ('он очень обрадовался тому, что в школу ему не идти'); Ну я был на этом собрании/ в институте завхоз плохой// ('собрании о том, что завхоз плохой'); Вы получили записочку/ в пять мы собираемся//; Я получил письмо/ купаются по два раза в день//; Есть у меня предложение/ собрались бы мы//; Неудачно только/ дожди шли все время//; Я рад/ защитилась она все же//; Она права/ надо было ему помочь//.

(2) Изъяснительные смысловые отношения, как правило, выступают в чистом, дифференцированном виде; недифференцированные отношения с изъяснительным компонентом редки. Достаточно регулярным в РР является только недифференцированный комплекс «изъяснительно-причинные отношения». Эти отношения имеют место при глаголах типа *ужаснуться, удивиться* и т. п. Предикативная конструкция при таких глаголах не только обозначает то, чему ужасаются, удивляются, но и объясняет, почему событие воспринимается с оценкой ужас, удивление и т. п. Для объяснения такой оценки достаточно простого описания (называния) события. Ср.:

Все удивились/ он на философский пошел// 'все удивились тому, что он на философский (факультет) пошел (учиться) + все удивились, потому что он на философский пошел'; Она просто испугалась/ так свободно он обо всех этих вещах рассуждает// 'она испугалась того, что так свободно он обо всех этих вещах рассуждает + она испугалась, потому что он так свободно обо всех этих вещах рассуждает'.

Возможны в РР изъяснительно-причинные отношения и при требующих изъяснения предикатных словах с оценочным значением типа *хорошо, плохо* и под.; предикативная конструкция не только изъясняет эти слова (*плохо, хорошо* — что), но и раскрывает причину оценки (*плохо, хорошо* — почему):

Хорошо/ он дома остался/ а то замерз бы совсем// 'хорошо, что он дома остался, а то замерз бы совсем + хорошо, потому что он дома остался, а то замерз бы совсем'; Плохо/ мы его не застали//; Глупо/ отказались они от путевок//; Удивительно/ ничего дома не делает а учится на пятерки//.

(3) Широко представлено в изъяснительных бессоюзных сложных предложениях РР опосредование отношений. При прямых, непосредственных отношениях изъяснительная предикативная конструкция связана с опорным словом, имеющим соответствующую валентность, при опосредованных отношениях нет слова с валентностью, предопределяющей изъяснительные отношения, но это слово легко предсказывается семантикой окружения и обычно легко вводится в соответствующую предикативную конструкцию с помощью союза *и*: *Он увидел/ никого нет//* (прямые отношения) — *Он оглянулся/ никого нет//* (опосредованные отношения), ср.: *Он оглянулся и увидел, что никого нет.*

Система типов опосредования в изъяснительных бессоюзных сложных предложениях РР следующая:

(а) прямые отношения: изъяснительная предикативная конструкция находится при глаголах типа *видеть, слышать, понимать*, имеющих валентность 'что?' или 'в чем?'; опосредованные отношения: семантика глаголов типа *видеть* и др. предсказывается на основе следственных отношений глаголами типа *смотреть*, имеющими с глаголами прямых высказываний существенные общие компоненты в значении, но лишенными валентности 'что?', 'о чем?', между тем вторая предикативная конструкция ориентирована именно на эту валентность:

Мы там поосмотрелись/ кафе рядом хорошее чистенькое недорогое такое// (поосмотрелись и, следовательно, увидели, обнаружили); Я заглянул в читальный зал/ там они сидят//; Я оглянулся/ его еще и не видно было даже//; Я выглянул утром на улицу/ солнышко вовсю/ дождя и в помине нет этого вчерашнего//; Я послушал вчера на лестнице/ на первом этаже этот магнитофон орет//; Я посмотрел/ любопытная статья//; Я заглянул в оглавление/ много там всего//;

(б) прямые отношения: изъяснительная предикативная конструкция находится при глаголе *видеть* с валентностью 'что?'; опосредованные отношения: семантика глагола *видеть* предсказывается на основе следственных отношений глаголами, обозначающими такие действия, в результате которых становится возможным видеть что-то. Особенно активны здесь глаголы движения:

Я завернула за угол/ Ирина с мужем идут// (завернула и, следовательно, увидела); Подъезжаю/ конечно они с Кирилкой стоят машут//; С Кириллом в лес пришли/ Артем уже там//; Я шел мимо там/ в витрине новые какие-то пылесосы//; В Вохму (город) я летел/ все там сгорело// (выгорели поля от засухи); В лесу около башни гуляли/ белки там из рук берут//;

(в) прямые отношения: изъяснительная предикативная конструкция находится при глаголах типа *сказать, знать* с валентностью 'что?', 'о чем?'; опосредованные отношения: семантика глаголов типа *знать* предсказывается на основе следственных отношений ситуацией, в которой обычно говорят о чем-то, приобретают знания, что-то узнают, ср. *мы встретились и он мне сказал. . .*; *я был на лекции и узнал. . .*:

Приходил Витя/ не едем мы завтра//; С Ивановым я шел/ советует писать//; Посидели там за бутылочкой сухого/ поступает он в аспирантуру//; Мы встретились там/ ездил он в ГДР в прошлом году тоже//; Я видел ее вчера/ вечером в субботу мы собираемся//; Из Китая один у нас выступал/ плохо там все у них действительно//.

(4) Функциональная группа, в основе которой лежит бессоюзное сложное предложение с изъяснительными отношениями, в РР развита слабо. Она состоит всего из одного члена, в котором предикативная конструкция с опорным словом оформляется как вопросительная, а изъяснительная предикативная конструкция является повествовательной:

Говорил я тебе? очень скучная получилась эта экскурсия// (ср.: Я говорил тебе, что экскурсия получилась очень скучной); А он знает? в пять мы собираемся//; Вы там читали? на Лермонтова можно подписаться свободно совершенно// (на собрание сочинений Лермонтова).

(5) Важной особенностью бессоюзных сложных предложений с изъяснительными отношениями в РР является то, что по сравнению с соответствующими союзными предложениями в них может быть снятым противопоставление прямой и косвенной речи. Союз *что* может быть только при предикативной конструкции — косвенной речи. Если союза нет, то прямая/косвенная речь могут различаться на основе глагольных видо-временных показателей и показателей лица, ср.: *Он сказал/ приду//* (1 л. глагола — *приду* — показатель прямой речи) и *Он сказал придет//* (косвенная речь). Видо-временные показатели и показатели лица далеко не всегда способны различить прямую/косвенную речь, ср.: *Он говорит/ плохая там была погода//*. Важным средством различия прямой/косвенной речи в РР является интонация. Если обе предикативные конструкции имеют интонацию завершенности (ИК-1), то это может служить показателем прямой речи, ср.: *Они говорят// «Очень плохая там погода//»*. Активно в РР и еще одно интонационное средство обозначения РР: имитация чужого голоса, ср.: *Он говорит* (явно имитирует голос того, чья речь передается) *так нельзя/ так решительно нельзя писать//*. Но это не значит, что такие интонационные показатели находятся в одно-однозначном соответствии с прямой речью. Вполне регулярны в РР случаи, когда структуры со всеми грамматическими признаками прямой речи оформляются интонационно как обычные бессоюзные сложные предложения, когда авторские слова оформлены по ИК-3 или соединены с прямой речью интонационно одноконструктивной связью: *Я ему говорю уеду//*; *Он говорит/ приходи//*. С другой стороны, возможны случаи, когда имитируется чужая речь, оформленная по всем правилам косвенной речи, в том числе и с союзом *что*: *Он мне говорит/* (имитирует) *поздно уже сейчас к нему идти/ это совершенно невозможно//*.

Итак, в РР противопоставление прямой и косвенной речи в бессоюзных сложных предложениях может быть снято. След-

ствием такого положения дел является то, что признаки прямой и косвенной речи могут совмещаться в одной структуре, в частности, структура бессоюзного сложного предложения с изъяснительными отношениями в РР является открытой для признаков прямой речи. Изъяснительная предикативная конструкция, включающая признаки прямой речи, являет собой характерный пример того, что называют несобственно-прямой речью [1]. Особенно характерно для РР экспрессивное оформление изъяснительных предикативных конструкций, и эта экспрессия явно сближает косвенную речь с прямой:

И я подумал/ куда уже мне с моим пед в МГУ соваться! (поступать после педагогического института в аспирантуру МГУ); Мы туда пришли/ народищу! Она ко мне пристает/ ну хоть бы разок в Большой достать ей!; Посмотри/ хоть бы что на нем было сухое!; Полезла я в духовку/ хоть бы сухарики от моего торта остались!

Бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями в кодифицированном литературном языке

Ограничения на использование формы бессоюзного изъяснительного сложного предложения

В КЛЯ бессоюзное выражение получают только такие изъяснительные отношения, при которых удовлетворяется валентность 'что?' глаголов со значением речи (*говорить*) и, шире, передачи сообщений (*писать*), мысли (*думать*), восприятия (*чувствовать*):

А я вам скажу: умный человек не тот, кто умеет логически мыслить, а тот, кто понимает чужую логику и умеет в нее войти (В. Вересаев); И вот, наконец, узнали: Таборского сняли (Ф. Абрамов); По перемене его тона я почувствовал — нас кто-то встречает (И. Герасимов).

Регулярно без союза соединяются изъяснительные предикативные конструкции с имеющими валентность 'что?' или 'о чем?' и близкими по значению названным глаголам краткими причастиями и предикативными наречиями (*согласиться — согласен, не сомневаться — несомненно, уяснить — становиться ясным* и т. п.):

Да я уверен — так оно и будет (И. Герасимов); И я понимал, что за эти дни они все проверили, отыскали режим работы стана, и чем дальше я слушал, тем яснее становилось: я как практик лишь подтолкнул их к открытию... (И. Герасимов); Только взял боец трехрядку, Сразу видно: гармонист (А. Твардовский); И питался он тоже когда чем придется — когда размоченным в ручье сухарем, когда печеной картошкой, ягодой, но удивительно — никогда еще он не чувствовал себя так легко, так бодро, как в эти дни (Ф. Абрамов); Я согласен с прокурором

[1] См.: Грамматика русского языка. М., 1954. Т. 2, ч. 2, с. 428—432.

Манцевым: интересы трудящихся не должны нарушаться (Лит. газ.); Доказано теперь: часть электрических возбуждений с помощью химических превращений переходит в энергию механического сокращения мышц (А. Поликарпов); Недавно врачи были единодушны: больной, перенесший инфаркт, должен недвижно лежать в постели (А. Поликарпов); Уму непостижимо: где-то в твоей груди будет распрямляться и сжиматься какая-то блестящая железка, гонять по сосудам твою живую, горячую кровь (А. Поликарпов).

Если в РР также регулярно соединяются без союза изъяснительная предикативная конструкция с отглагольным (и близким к нему по значению) опорным существительным, то в КЛЯ возможности бессоюзной связи в этом случае резко ограничены. Примеры с опорными существительными встречаются изредка в языке художественной литературы, обычно в авторском повествовании у авторов, особенно остро чувствующих «разговорную стихию»:

И вдруг ему пришла в голову мысль: все, все различно у него и у них (В. Вересаев); И мутит меня мыслишка: Вот он мог, а я не мог (А. Твардовский); Легка ты, мудрость, на помине: Лес рубят — щепки, мол, летят (А. Твардовский); А на другой день — я еще сплю — крик, шум: у Егоровых малый зарезался (М. Цветаева); У вас чувство — он когда-нибудь вернется? (М. Цветаева); Пошли жалобы: Подрезов народ поджигает, Подрезов работать и жить мешает (Ф. Абрамов).

Важной особенностью КЛЯ является то, что круг опорных слов в нем вообще много у́же, чем в РР. Для КЛЯ нехарактерно бессоюзное соединение изъяснительной предикативной конструкции с глаголами эмоционального воздействия, такими, как *веселить, забавлять, изумлять, огорчать, оскорблять, очаровывать, поражать, потрясать, пугать, удивлять* и т. п. и с глаголами, называющими эмоциональные реакции и состояния: *веселиться, возбуждаться, воодушевляться, забавляться, изумляться, огорчаться, поражаться, удивляться* и т. п. В этом случае в КЛЯ изъяснительная предикативная конструкция связывается с опорным словом через союз *что* и соотносительное слово, ср.: *Все удивились тому, что он поступил на философский факультет.* Регулярность соотносительного слова при опорном послужила в структурно-семантических классификациях основанием для выделения таких сложноподчиненных предложений в особый местоименно-соотносительный тип с вмещающими отношениями [2]. Случаи оформления таких отношений без союза в КЛЯ редки, они встречаются в языке художественной литературы, обычно в речи персонажей и служат целям имитации РР, ср.: *Я боюсь: он меня еще побьет, — нерешительно сказала Александра Михайловна* (В. Вересаев). Возможны такие бессоюзные сложные

[2] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 701—704, 691—694.

предложения и в публицистике: *Мамы удивляются: проблемы с сыном, а в школу вызывают маму* (Комс. правда); *Учителя жалуются: на родительском собрании одни мамы* (Комс. правда).

Следует заметить, что оформление таких конструкций с союзом, но без соотносительного слова также встречается главным образом в РР: *Он удивляется что ты не выступил//; Они очень возмущались что без них все это решили//; Я уж как-нибудь оправдаюсь что я не пришел на это собрание//.* Авторы «Русской грамматики» не проводят различий между собственно-изъяснительными сложноподчиненными предложениями и местоименно-соотносительными с вмещающими отношениями, рассматривая их как единый изъяснительный тип. Основанием для такого решения является, по-видимому, то, что соотносительное слово в местоименно-соотносительном типе не всегда обязательно в КЛЯ, ср. примеры из «Русской грамматики»: — *Что вы на меня так смотрите? — Да я удивляюсь, что вы так искренне засмеялись* (Дост.); Анна Ефремовна: *Ни на кого я не сержусь, а оплакиваю, что мне целый век суждено в людях ошибаться* (Писемск.); *Надю радовало, что она сердит Молотова* (Помял.); *Ты не стыдись меня, Что вниз сползли обмотки, Что, может, без ремня И, может, без пилотки...* (Твард.) [3]. Однако эти примеры, на наш взгляд, как раз и доказывают разговорную принадлежность данных конструкций: большинство из них представляют собой обыденную речь персонажей художественной литературы. В других же сферах КЛЯ данные конструкции неупотребительны. Анализ данных конструкций в одном ряду с собственно изъяснительными сложными предложениями означает в сущности отказ от дифференциации КЛЯ и тех участков письменного языка, которые в плане своей структуры ориентированы на РР. Представляется, что такой подход является несколько упрощенным и потому менее содержательным, чем тот, согласно которому в КЛЯ (но не в РР) следует выделять два типа структур сложноподчиненных предложений: изъяснительные и местоименно-соотносительные с вмещающими отношениями.

Итак, в КЛЯ регулярны только такие бессоюзные сложные предложения, в которых опорные слова имеют значения речи, мысли и восприятия.

Разные сферы и функциональные стили КЛЯ следующим образом используют заложенные в разговорной системе возможности бессоюзных изъяснительных сложных предложений.

Дифференцированные изъяснительные отношения и недифференцированные отношения с изъяснительным компонентом

Для всех сфер и функциональных стилей КЛЯ характерны бессоюзные сложные предложения с прямыми дифференцированными изъяснительными отношениями. Такие бессоюзные сложные предложения возможны, хотя и не отличаются большой частностью, и в таких строгих кодифицированных стилях, как научный и деловой. Попадая в сугубо книжное языковое окружение, бессоюзные изъяснительные сложные предложения «нейтрализуют» свое разговорное происхождение. Следует заметить, что в этих стилях круг опорных слов весьма ограничен: это в основном слова *утверждать, утверждаться, показывать, показываться, показано, свидетельствовать, подчеркивать, устанавливать, постановлять*:

Однако более глубокий анализ результатов этого эксперимента

[3] Русская грамматика. М., 1980. Т. II, с. 474.

показывает: необходимо дальнейшее совершенствование системы тренировки хоккеиста в летний подготовительный период (Из специального медицинского журнала); Можно утверждать, таким образом: проведенные исследования в значительной степени подтвердили выдвинутую гипотезу (из специального лингвистического журнала); Установлено: обвиняемого в пять часов утра не могло быть дома (Из судебного протокола).

В научно-популярном изложении и в публицистическом стиле число бессоюзных сложных предложений с прямыми дифференцированными отношениями резко возрастает, отмечается и большее разнообразие опорных слов. По-видимому, несмотря на то, что бессоюзные сложные предложения с прямыми дифференцированными отношениями употребляются в научном и деловом стилях без какого-либо разговорного «ореола», в других стилях такие конструкции осознаются как разговорные и служат для оживления стиля, ср. из научно-популярной книги А. Поликарпова «Борьба за сердце» изъяснительные бессоюзные сложные предложения с опорными словами, возможными и в строгом научном стиле, и с опорными словами, или явно невозможными в строгом научном изложении, или нехарактерными для него:

Они (первые результаты) показали: среди тех, кто тщательно соблюдал диету, многие избавились от лишнего холестерина в крови; Экспериментально доказано: если вводить чужеродные клетки зародышу или новорожденному, то эти клетки не только сами приживаются, но и помогают «сменить прописку» другим клеткам, взятым от того же донора. Доссе удалось выяснить — полное приживление происходит в тех случаях, когда у донора и реципиента имеется антигенная общность, близкая к идеальной. Однако исследования последних лет показывают: то, что мы называем ламинарным течением, строго говоря, таковым не является; Но подчеркнем еще раз: возвращение к труду человека, перенесшего тяжелую болезнь сердца, — чрезвычайно ответственный шаг. . .; Знаменитый хирург минувшего века Бильфот. . . заявил однажды: тот, кто осмелится оперировать человека, раненного в сердце, не достоин уважения своих коллег; Большинство врачей считают: необходимо и то и другое.

Припомним из физики: течение жидкостей по трубам (а сосуды тоже трубки, только живые) может быть или ламинарным — слоистым, или турбулентным — вихревым; А представьте себе: больной несколько месяцев лежит в ожидании пересадки; Приходится еще и еще раз повторять: при разработке профилактических мероприятий надо исходить из конкретных условий жизни данного конкретного человека. . .; Хотя у нас есть еще немало сложных вопросов, мы с удовлетворением говорим сегодня: благодаря существующей в СССР службе борьбы с инфарктом миокарда, смертность от него среди людей, доставленных в клиники, за последние 10 лет снизилась на 25—30 процентов; Знайте: тренировке, воспитанию поддаются все наши защитные механизмы; Зато они знают: если нельзя изменить тяжелую ситуацию, нужно

и можно изменить свое отношение к ней; Напомним: сердце в покое выбрасывает в артериальные сосуды 5 литров крови в минуту.

Столь же широко представлены подобные предложения в публицистике, особенно в таких жанрах, как очерк, полемическая статья, развернутый репортаж о событии: Верно — им жить на планете без войн, созидать, учить и лечить, прорываться в галактики, дружить и сотрудничать со сверстниками, подрастающими за океаном (Лит. газ.); Обратите внимание — помогают сажать деревца только младшеклассники (там же); Говорили: с планом не шутят (там же); Несколько лет тому назад в сети стала попадаться рыба с язвами на туловище. Ученые установили: причина — дуст (там же); Понимают: идет важнейший эксперимент (там же); Не секрет: по состоянию школ судят ныне об экономических успехах сел (Правда); Знаю наверняка: уронил я себя в его глазах (Известия).

В языке художественной литературы изъяснительные бессоюзные сложные предложения с прямыми дифференцированными смысловыми отношениями представлены чрезвычайно широко как в авторском повествовании, так и в речи персонажей. По сравнению с РР язык художественной литературы отличается большим лексическим разнообразием опорных слов: если для РР характерны в роли опорных слова *видеть*, *думать*, *говорить*, *сказать*, *помнить*, то в языке художественной литературы обычны и семантически более сложные по сравнению с приведенными слова, ср.: *гласить* — говорить с пафосом, *сообщать* — говорить официально и т. п.:

Тут не скажешь: я — не я Ничего не знаю (А. Твардовский); Оперативный вежливый голос сообщил: через два часа самолет уходит на Москву, места для пассажиров имеются (Ю. Герман); Я вам писала, — директор банка обещал мне немедленно дать вам место в банке, как только приедете (В. Вересаев); Сектантство... гласило: все, что приятно — то от дьявола (К. Петров-Водкин); Михаил ждал: вот-вот заговорит Петр, прояснит, найдет нужные слова тому большому и важному, что смутно и неопределенно бродило, ворочалось в нем в эту минуту (Ф. Абрамов); Ну, а ведь, кроме того, все-таки ждешь: вот опять лето придет, опять . . . опять все... съедутся (В. Вересаев).

Как и в РР, в КЛЯ возможно недифференцированное изъяснительно-причинное значение. Оно появляется при глаголах эмоционального воздействия или эмоционального состояния (и близких к ним по значению существительных). А поскольку при таких глаголах в КЛЯ бессоюзное оформление изъяснительных отношений вообще редко и ограничено сферой художественной литературы, то, естественно, и недифференцированное изъяснительно-причинное значение встречается нечасто:

Но отправляясь на смену в тесном автобусе, я вдруг задумался: ведь уже не молод, а мне казалось — все впереди (И. Герасимов) (ср.: 'задумался о том, что уже немолод...' и 'задумался, потому что уже немолод'); При виде их, молодых, обласканных

природой, спаянных чужим несчастьем, испытываешь испепеляющую гордость — не столь уж плохи живущие рядом с тобой люди (В. Тендряков) (ср.: 'гордость за то, что. . .' и 'гордость, потому что. . .').

Ср. также пример с изъяснительно-причинной предикативной конструкцией, относящийся к конструкции несвободной структуры.

[Говорит, под утро заболело (а привезли вечером). Заболело, как и положено, сначала наверху, появилась тошнота, потом боль спустилась вправо вниз, и, значит, перед самым приездом была рвота]. Ну что тебе говорить: случай ясный (Ю. Крелин) (ну что тебе говорить = нечего говорить; нечего говорить, что случай ясный; нечего говорить, потому что случай ясный).

Также редка в КЛЯ изъяснительно-причинная предикативная конструкция при предикатных словах типа *хорошо*:

Посмотреть — и то отрадно: Завалящая пила Так-то ладно, так-то складно У него в руках пошла (А. Твардовский).

Существует особого рода недифференцированное изъяснительно-причинное значение, когда изъяснительный компонент значения складывается за счет валентности отглагольных существительных, а причинный компонент предопределен связями предикативной конструкции с определениями к этому отглагольному существительному:

Сейчас с каждым шагом наваливалось смутное ощущение — откроется неведомое, оборвется привычное (Тендряков) ('ощущение, что откроется. . .' и 'ощущение — смутное, потому что откроется. . .'); Впервые пришла оглушающе простая мысль — его ученик убил (Он же) ('мысль о том, что его ученик убил' и 'мысль — оглушающе простая, потому что его ученик убил').

Интересно отметить, что такие структуры зафиксированы нами не только в художественном повествовании, но и в научно-популярном изложении, ср.:

Появилась реальная надежда: в принципе возможно улавливать самые начальные признаки заболевания (А. Поликарпов) ('надежда на то, что. . .' и 'надежда реальная, потому что в принципе возможно улавливать самые начальные признаки заболевания').

Опосредованные отношения

Опосредование смысловых связей в бессоюзных изъяснительных сложных предложениях КЛЯ хорошо показывает два момента.

(1) Опосредованные отношения в КЛЯ ограничены в основном сферой художественной литературы: они широко представлены в речи персонажей и не менее широко в авторском повествовании как эффективное средство сближения книжной речи с разговорной. Опосредованные отношения в изъяснительных бессоюзных сложных предложениях совершенно неизвестны научному и деловому стилю; возможны, но редки в научно-популярном изложении и публицистике.

(2) Язык художественной литературы КЛЯ не просто пользуется системой РР, но и имеет свои пути в освоении этой системы. В языке художественной литературы широко представлены такие способы опосредования, которые мало известны в РР. Важно подчеркнуть, что эти способы, хотя они специфичны для КЛЯ, тем не менее легко вписываются в общую систему опосредования отношений в изъяснительных бессоюзных сложных предложениях РР.

Рассмотрим вначале способы опосредования, общие для РР и КЛЯ.

В художественной речи КЛЯ широко представлены бессоюзные сложные предложения, в которых семантика опорного слова типа *видеть, слышать* предсказывается на основе следственной связи глаголами сходной семантики, но без валентных свойств:

Она глядит: забытый в зале Кий на бильярде отдыхал (А. Пушкин); Вхожу в дом, гляжу из окна — стоит, на занавесочку смотрит (М. Цветаева); А разглядишь — один фасад, одна вывеска (И. Герасимов); Туда посмотреть и потом сразу обернуться сюда, — совсем два различных мира (В. Вересаев); Посмотрите на него — он грустит, и посмотрите на меня — я веселюсь (Ю. Герман); Ремизов осветил Шацкого и посмотрел на зрачки: они были неподвижны (К. Паустовский); Заглянешь в душу, — так там холодно и темно (В. Вересаев); Когда Пантелей Трофимыч добрался, через льдину на льдину, до берега и оглянулся назад, — воз уже крутило и уносило движением тронувшегося льда (К. Петров-Водкин); Прислушайтесь: на старой ели долбит кору дятел (С. Огнев, Жизнь леса) [4].

Те же глаголы в КЛЯ могут предсказывать смысл 'понимать' или 'думать':

[Калина Иванович долго не мог отдышаться, в горле у него булькало, потом все услышали:

— Спойте мою песню. . .]

---

[4] Обстоятельное описание предложения данного типа получают на материале КЛЯ в статье Д. И. Изаренкова, где эти предложения трактуются как бессоюзные сложные предложения с пропущенным предикатом (*Изаренков Д. И.* Бессоюзные сложные предложения с пропущенным предикатом. — Русский язык за рубежом, 1971, № 1, с. 82—85). Впрочем, эта работа не лишена серьезных противоречий. Автор не различает глаголов, обладающих сильной валентностью и способных поэтому непосредственно иметь при себе распространители, в том числе и такие, которые выражены предикативной конструкцией, и глаголов, опосредованно связанных с изъяснительной предикативной конструкцией. Трудно, например, согласиться с Д. И. Изаренковым в том, что при глаголе *поразиться* в предложениях типа *Сначала он на нее никакого внимания не обращал, но потом повернул еще раз и поразился — на плоском черепке был нарисован маленький, не похожий на земной цветок* пропущен предикат *видеть*. Этот глагол имеет сильную валентность: поразиться чему? эта валентность и реализуется предикативной конструкцией в данном предложении, ср. *поразился тому, что на плоском черепке*. . . Также обладают сильной валентностью глаголы *изумляться* — 'чему', *испугаться* — 'чего'. И видеть при таких глаголах в соответствующих предложениях пропущенный предикат *думать* также нельзя; пример *Я никогда не думал об этом и немножко испугался — вдруг она оставит меня здесь на все лето* логичнее интерпретировать *испугался того, что. . .*, но не *испугался и подумал, что. . .*, как предлагает автор.

Тут уж Михаил и Петр посмотрели друг на друга: неладно со стариком (Ф. Абрамов) (посмотрели и поняли, что неладно со стариком); Я взглянул на Наташу: она была там! [Заклятая Лощина — это глухая трущоба, которая, говорят, кишит волками. . .] (В. Вересаев) (взглянул и понял, что она была (недавно) там, в Заклятой Лощине); Взгляните на черновики — в них еще полуслепые слова толпятся, тесня друг друга (В. Каверин); Гляжу на вас: так жить нельзя (А. Твардовский).

Интересно отметить, что в РР при прямых отношениях в конструкциях этого типа одинаково возможны как глагол *думать* или *понимать*, так и глагол *видеть*, ср.: Смотрю я на тебя и вижу: не поступить тебе в институт с таким отношением к делу// *и* Смотрю я на тебя и думаю/ не поступить тебе в институт с таким отношением к делу//; Смотрю я на этих ребят из экспериментальных классов и вижу/ ничего в них кроме большой такой натасканности что ли нет// *и* Смотрю я на этих ребят из экспериментальных классов и понимаю/ ничего в них кроме большой натасканности нет//.

Столь же широко в языке художественной литературы представлены бессоюзные сложные предложения с опосредованными изъяснительными отношениями, в которых семантика опорных слов со значением 'видеть', 'понимать', 'чувствовать' предсказывается на основе следственных отношений глаголами, называющими такие действия, которые помещают человека в условия, делающие возможным что-то видеть, осознавать, чувствовать и т. п.:

И вот я однажды прихожу — вчерашнее молоко не тронуто (М. Цветаева); Вчера захожу к нему, — оказывается, он совсем неожиданно уехал за границу (В. Вересаев); Я вечор с Марьюши ехал — ходуном ходит клуб (Ф. Абрамов); Я шел с чужого полустанка, Гляжу — изба, вошел в сенцы — Чай с солью пили чернецы, И с ними балует цыганка (О. Мандельштам); Боль в руке началась ночью. Проснулся — огнем горит левая кисть (Ф. Абрамов); Днем ли просыпаешься, ночью, — Степан все сидит на своей табуретке — молчаливый, неподвижный (В Вересаев).

Реальность данных типов опосредования в КЛЯ подтверждают примеры, в которых вербализованы и глагол с валентностью что? о чем? и предсказывающий его глагол: *Глядит и видит в стороне Никита Моргунок: Сидит старик на белом пне С котомкою у ног* (А. Твардовский) (ср. вполне возможное: *Глядит: сидит старик на белом пне*).

Третий тип опосредования изъяснительных отношений РР, когда семантика опорных слов типа *знать*, *понимать*, *сообщать* предсказывается описанием ситуации, в которой указан источник знаний, в КЛЯ, в художественных текстах, представлен единичными примерами:

А еще сложнее счеты Чуть танкиста повстречал: Подвела опять пехота (А. Твардовский); Одна, старшая (дочь), в Москве. За инженером замужем. Была я: справно живут (Е. Носов); Я к вам от Юры: представьте себе, у него опять начинается флюс

(М. Цветаева); Письмо из дому получил — председателя сельсовета басмачи убили, Советскую власть нарушили (Ф. Абрамов); Красноармеец принес бланк с радиоперехватом: противник объявил тревогу на всем побережье (Ю. Герман).

Единичные примеры такого рода зафиксированы нами в публицистике и в научно-популярном изложении:

Помните госпожу Простакову: география — наука купеческая! (Лит. газ.); Сотни газет поместили фотографию: Блайберг сидит на кровати, в руках у него большая стеклянная банка с комочком мышцы на дне (А. Поликарпов).

Рассмотрим теперь такие типы опосредования в изъяснительных бессоюзных сложных предложениях, которые распространены в КЛЯ, главным образом в языке художественной литературы, и мало известны в РР. Различаются два вида таких опосредований: (1) такие, которые по своей структуре в точности соответствуют разговорным: в них опосредующий смысл равен смыслу опорного глагола, выступающего в предложениях с прямыми отношениями; такой глагол предсказывается на основе следственной связи другим глаголом и может быть соединен с ним союзом *и*; отличие КЛЯ от РР в этом типе опосредований только в том, что данный тип опосредования в РР может иметь свои семантические ходы; (2) такое опосредование, которое представляет тот общий для бессоюзного сложного предложения вообще тип, при котором опосредующий смысл предсказывается не глаголом, а всем содержанием предикативной конструкции, ср.: *Первые дни по приезде она была ловкая, свежая, а теперь под глазами у нее легли темные пятна, она целыми днями ходила непричесанная, в измятом платье, не застегнув кофту, это ее портило и обижало меня: она всегда должна быть красивая, строгая, чисто одетая — лучше всех* (М. Горький) 'это ее портило и обижало меня — [потому что я считал] — что она всегда должна быть красивая, строгая...' В РР этот общий тип опосредования широко и разнообразно представлен в бессоюзных сложных предложениях с пропозиционными отношениями и не представлен в бессоюзных сложных предложениях с изъяснительными отношениями.

При опосредовании типа (1) в КЛЯ распространен такой специфический ход: опосредующая семантика типа 'установить', 'понять' предсказывается некоторыми направленными функциональными действиями, позволяющими что-то установить:

Юра подергал дверь — заперта (Ю. Крелин) 'подергал — и понял (установил), что дверь заперта'; Сняли простыни, пощупали ноги — хороши (Он же); Проверили свертываемость — хорошая (Он же); Своей большой рукой он взял запястье Гурьева и, шевеля губами, стал считать пульс — хороший пульс спящего человека со здоровым сердцем (Ю. Герман).

Многообразно представлены в КЛЯ опосредования типа (2). Могут быть отмечены следующие разновидности:

(а) в первой предикативной конструкции сообщается о некотором объекте наблюдения; во второй предикативной конструкции

сообщается, что можно наблюдать у данного объекта; опосредующий смысл — 'поэтому можно было видеть':

Пес лежал в воротах сарая — передние лапы вытянуты, уши торчком и глаза угли — раскаленные (Ф. Абрамов); Красно-флотцы вытащили Курочку в шлюпку — спасательный костюм блеснул, точно рыбья чешуя, и тотчас же обледенел (Ю. Герман); Вот давеча был тут майор Михайлов — подвинул к себе сыр гаудэ и съел сразу четыреста граммов (Ю. Герман); Из глубины квартиры выплыла женщина в косо натянутом платье — спутанные густые волосы, лицо сглаженное, остановившееся, бескровная маска (В. Тендряков); Василий Петрович распрямился в дверях — в сиреневой трикотажной рубашке, узкоплечий, высокий, нескладно костистый с заметным животиком, выступающим над полосатыми пижамными брюками (Он же);

(б) особого рода опосредующие отношения имеют место в том случае, когда в первой предикативной конструкции назван существительным объект, удовлетворяющий валентность глагола, причем предикативная конструкция по форме — законченное предложение, но тем не менее вторая предикативная конструкция понимается как изъяснительная при глаголе первой конструкции; опосредующий смысл включает смысл первой предикативной конструкции, но без объекта, т. е. с нереализованной валентностью, ср.:

Я открыл глаза и увидел Калиныча: он сидел на пороге полураскрытой двери и ножом вырезывал ложку (И. Тургенев) 'я открыл глаза и увидел Калиныча — я увидел — что он сидел на пороге. . .'; И тут я впервые его вижу: совсем молодой — или уже немного состарившийся, но бритый — и я безумно его люблю — и я понимаю, что это — чума (М. Цветаева);

(в) первая предикативная конструкция сообщает о некотором событии, вторая предикативная конструкция обозначает содержание некоторого сообщения; опосредующий смысл показывает, что это сообщение противопоставлено тому, о чем сообщается в первой предикативной конструкции:

И грохот, и жара в операционной, и вентиляции нет — все равно не вредно (Ю. Крелин) 'и грохот, и жара в операционной и вентиляции нет — а говорят, утверждают — что все равно не вредно'; Мне сразу все, все понравилось. И что сразу позвали, не зная. И что сами сказали: завтра. Женщины этого никогда не делают: всегда — послезавтра, точно завтра они всегда очень заняты (М. Цветаева) 'никогда не делают — [а всегда говорят] — послезавтра';

(г) первая предикативная конструкция — целевое придаточное (с союзом *чтобы*), показывающее, с какой целью делается сообщение, вторая предикативная конструкция дает содержание самого сообщения, опосредующий смысл 'скажу, надо сказать, заметить':

Наша беседа о ней непременно была бы спором, я чувствовала, что у него к ней — нет ключа — и, чтобы все сказать: он для нее был слишком молод, слишком молод для ее ребячества, под

которым он в свои двадцать лет не мог прочувствовать всей беды и судьбы (М. Цветаева) 'чтобы все сказать — [скажу] — что он для нее был слишком молод. . .'; — Я — вас — презираю? Так же можно презирать — небо над головой! Но чтобы раз навсегда покончить с этим: есть вещи, которые мужчина — в женщине — не может понять (М. Цветаева);

(д) первая предикативная конструкция называет некоторое событие, вторая предикативная конструкция обозначает содержание сообщения, мысли и т. п.; опосредующий смысл показывает, что сообщение является причиной того, о чем сообщается в первой предикативной конструкции:

Охнул Теркин: плохо дело, Плохо, думает боец (А. Твардовский) 'охнул Теркин — [потому что подумал] — что плохо дело'.

Этот пример интересен тем, что он ясно показывает наличие в предложении опосредующего смысла: этот смысл эксплицирован в повторе: *плохо дело, плохо, думает боец*. Еще примеры:

Я возвращался с завода пешком, ни о чем не думал, нес в себе тупую тяжесть, и только когда проходил через большой наш двор, наполненный мутными шорохами, внезапно остановился: я не хочу терять своего Ремеза несмотря ни на что (И. Герасимов); Токарев в волнении поглядел вдаль: пройдет полчаса, — и жуткое очарование ночи исчезнет (В. Вересаев); Опасения подтвердились: микроинфаркт (А. Поликарпов); В конце концов он махнул рукой и на ставровский дом и на своих братьев и сестер — сами заварили кашу, сами и расхлебывайте (Ф. Абрамов);

(е) первая предикативная конструкция называет некоторое событие, вторая предикативная конструкция обозначает содержание сообщения, мысли; опосредующий смысл показывает, что сообщение, мысль являются следствием того, о чем сообщается в первой предикативной конструкции:

На конгрессе мы и врачей видали — никто не жевал (Ю. Крелин) 'на конгрессе мы и врачей видали — [и поэтому можем утверждать] — что никто не жевал'; В таком случае, ехать уж слишком поздно. Когда вы теперь в город приедете, — завтра на заре! Ведь вы не мужчина, Наталья Александровна: мало ли что может случиться по дороге! (В. Вересаев); Я работаю с утра до вечера, содержу тебя, — могу же я иметь хоть то удовольствие, чтоб обо мне заботились (Он же).

Бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями и чужая речь

В языке художественной литературы, в публицистике широко распространены изъяснительные бессоюзные сложные предложения, в которых изъяснительная предикативная конструкция представляет собой случай нейтрализации прямой и косвенной речи:

Я сказал бы: на курорте Мы находимся теперь (А. Твардовский); И учти, — строго кивнул Таборский, — не тебя первого

посылают. Девятнадцать человек пришлось снять с сенокоса, так чтобы потом не было: Таборский со мной личные счеты сводит (Ф. Абрамов); Я увидел его, нащупал, послушал, посмотрел, сделал анализы, рентгеновский снимок, снял различные биотоки и колебания тканей и систем его, подумал: ясно, у него в желчном пузыре камни, которые в свою очередь вызвали воспаление, а воспаление распространилось на окружающие ткани в животе (Ю. Крелин).

Столь же широко в текстах художественной литературы представлены изъяснительные предикативные конструкции с несобственно-прямой речью. Среди них выделяются:

(а) изъяснительные предикативные конструкции с частицами *мол, дескать, де*, функция которых, по-видимому, в том и состоит, чтобы пометить чужую речь как несобственно-прямую:

Доложили, как обычно: Мол, такой-то взял село (А. Твардовский); Хвастался — всю-де страну покорю, вере басурманской предам всех... (К. Петров-Водкин); Удалось ему как-то притащить домой кус добрый сала свиного — военным-де ящики к машинам подтаскивал, за работу отвалили (В. Тендряков); Кто-то было хохотнул — ловко, дескать, мазанули по Сусе, поубавили спеси, — но Михаилу было не до похвал (Ф. Абрамов).

Интересно отметить следующее. Частицы *мол*, *дескать* и *де* в словарях и грамматиках обычно помечаются как разговорные. Между тем, они почти неизвестны в подлинной РР и употребляются главным образом, как показывают приведенные примеры, для имитации РР.

Не чужды эти частицы и публицистике, ср.: Гонор секретарей в приемной, их пренебрежительные советы: мол, обойдетесь руководителем поменьше, не может, мол, директор, такого крупного завода снисходить до каждого — все это настраивало на определенный стиль (Лит. газ.);

(б) статус несобственно-прямой речи изъяснительной предикативной конструкции могут придавать характерные для прямой речи частицы, обращения при сохранении других свойств косвенной речи. Такое оформление изъяснительной предикативной конструкции также характерно для языка художественной литературы, возможно в публицистике и даже в научно-популярном изложении:

[Дом, нарисованный на картине, и все расположение полностью соответствовали дому Кислых вплоть до того, что та же крыша, тот же флюгер, спуск к речке...] На всякий случай посмеивался, потому что, слушая себя, засомневался: мало ли, может совпадение (Д. Гранин); Она попервости не поняла, даже оглянулась назад, а затем догадалась: да ведь это он обольщает, завораживает ее (Ф. Абрамов); Здесь читатель может возразить: позвольте, один из основополагающих принципов нашего здравоохранения — профилактическая направленность (А. Поликарпов);

(в) особо должна быть выделена такая изъяснительная предикативная конструкция, которая передает несобственно-прямую речь с элементами экспрессии:

Смотрю: ну до чего хорош... (А. Твардовский); Я пошел не оглядываясь, боясь их спугнуть, и думал: как же она повзрослела за это короткое время (И. Герасимов); Природа оглядывает себя и говорит: как хорошо, что я бесконечно повторяюсь, чтобы снова и снова обновляться! (К. Федин); — Посмотрите на небо: какая чудовищная путаница звезд всех величин! (К. Паустовский); Я как-то один медицинский учебник полистал — чего там только нет! (Веч. Москва).

Особого рассмотрения требуют структуры, в которых конструкция, удовлетворяющая валентность опорного слова, является вопросительной или побудительной:

Лене странно, — неужели Наташа тоже умеет плакать? (В. Вересаев); Родному сыну завещал: Иди вперед сынок! (А. Твардовский).

Традиционно такие конструкции интерпретируются как конструкции с прямой речью. И это справедливо. Но, с другой стороны, эти же конструкции можно включить в систему бессоюзного сложного предложения на правах члена функциональной группы, открываемой обычным бессоюзным сложным предложением с изъяснительными отношениями, ср.: Мне странно: (оказывается) Наташа тоже умеет плакать. — Мне странно, — неужели Наташа тоже умеет плакать?

Обычны для художественной литературы и публицистики примеры с предикативной конструкцией — риторическим вопросом, несущим в себе экспрессию:

Раз же это так, то, конечно, вы в сущности правы: для чего оставаться жить? (В. Вересаев); А я сегодня от Сухого болота до Широкого Холма прошел — что видел, кроме кустов? (Ф. Абрамов); А за все то, что мы будто бы собираемся губить, вы можете быть совершенно спокойны: как можем мы что-нибудь губить? (В. Вересаев); Помилуйте — когда же нашим бедным детям работать при теперешних перегрузках? (Лит. газ.); В спортивную секцию записывает мама, гантели тащит мама — да где же папа в конце концов (Комс. правда).

Приведем примеры с побудительными предикативными конструкциями:

Словно исподволь кому-то Подмигнул: держись дружок... (А. Твардовский); Наган в спину: иди, сволочь, открывай ворота (Ф. Абрамов); И вот папенька, почтенный доктор из Курска, советует сыну — иди на медицинский (Ю. Герман); Сейчас десятикласснику самое время подумать, куда податься. Заклинаю каждого из них: вспомни свое детство и отрочество (Лит. газ.).

Можно думать, что необычная — не по действующим правилам — пунктуация в конструкциях подобного рода — это не авторский произвол, а осознание системных связей данной конструкции с бессоюзными изъяснительными предложениями.

Предикативные изъяснительные конструкции, представляющие несобственно-прямую речь, активны не только при прямых, но при опосредованных отношениях:

В Пекашине не принято на усадьбе разводить малину да смородину — дескать, в лесу этого добра хватает (Ф. Абрамов) 'не принято разводить малину да смородину — потому что считают — что в лесу этого добра хватает'; Летчик еще сильнее сжал губы: вот оно, наступает его день (Ю. Герман); Все так и впились в нее глазами: вот потеха-то сейчас будет (Ф. Абрамов); Ведь на его глазах все это делалось, на его глазах списывались навины в залежи как нерентабельные земли, да он и сам, когда бригадиром был, требовал, чтобы списывали — какой толк семена-то зря переводить (Он же).

Вопросительные и побудительные конструкции в членах функциональной группы также возможны как при прямых, так и при опосредованных отношениях. Вопросительная предикативная конструкция регулярно употребляется при причинном и следственном опосредующем смысле:

Опять с ума сходи, опять пытка: жив ли? помер? (Ф. Абрамов); Но в душе я горько смеюсь над собою: почему раньше мне ничего такого не было нужно? (В. Вересаев); — Разумеется, мне не нужно (письмо): что интересного в чужом письме? (И. Гончаров); Три гектара, говорил, скошено — кто будет за тебя прибирать? (Ф. Абрамов); И она стояла на этом открытом увале, смотрела на реку и глазам своим не верила: где река? где Пинега? (Он же).

Бессоюзные сложные предложения с причинными отношениями

Бессоюзные сложные предложения с причинными отношениями принадлежат к логико-семантическому классу предложений с пропозиционными отношениями.

Разговорная системная основа бессоюзных сложных предложений КЛЯ в области бессоюзных сложных предложений с причинными отношениями проявляется с большой ясностью. Эти предложения распространены в КЛЯ в тех сферах, которые так или иначе связаны с РР, прежде всего это язык художественной литературы, публицистика. Показательно, что научный и деловой функциональный стили практически не знают бессоюзных сложных предложений с причинными отношениями, хотя потребность в выражении причинных отношений в этих стилях весьма высокая и удовлетворяется она за счет союзных причинных сложных предложений. Покажем, как в КЛЯ преломляются системные разговорные характеристики бессоюзных сложных предложений с причинными отношениями.

Смысловая структура бессоюзных сложных предложений с причинными отношениями

Все причинные отношения можно разделить на два больших класса: (1) такие, которые устанавливают причинные отношения между явлениями и событиями объективной действительности (физической, социальной и пр.) и (2) такие, которые объясняют действия, состояния человека.

Причинные отношения типа (1) — назовем их объективно-познавательными — характерны прежде всего для научного мышления и явно тяготеют к форме союзного сложного предложения. Потребность в выражении таких отношений в РР невелика. И если она все же появляется, то чаще используется союзное сложное предложение. Причинные отношения типа (2) — назовем их личностными — напротив, характерны именно для РР, где постоянно стремление обосновать собственные и чужие поступки, действия (или бездействие), объяснить мотивы принимаемых решений.

Можно думать, что необходимость обоснования в личностных предложениях столь велика и очевидна, что всякое «личностное» сообщение предполагает обоснование, что и создает благоприятные условия для употребления бессоюзной формы сложного предложения. Важно при этом, конечно, чтобы обоснование было логичным, естественным, если можно так сказать, убедительно оправдательным.

Личностные причинные бессоюзные сложные предложения — это основной смысловой тип причинных бессоюзных сложных предложений РР. В КЛЯ личностные причинные предложения также являются господствующим типом. Личностные бессоюзные причинные предложения широко представлены в речи персонажей и не менее широко в авторском повествовании при объяснении поступков персонажей, обычны они с такой функцией и в публицистике. Назовем основные общие для РР и КЛЯ смысловые модели бессоюзных личностных причинных предложений.

(1) 'Некоторое целенаправленное, обычно функциональное, физическое действие — типичные внешние обстоятельства, сделавшие это действие возможным, нужным или необходимым'.

В РР: Я зажгу свет/ темно уже совсем//; Я куплю три гладиолуса/ на рождение-то мы пойдем//; А. А что это так (сильно) холодильник морозит? Б. Это он по-моему вчера поставил на много (поставил регулятор на деление, обозначающее низкую температуру)/ лед он делал//; Он уроки сегодня наверно вечером сделает/ завтра у них соревнования какие-то//; Каждый день ходили купаться/ очень жаркая погода была//.

В КЛЯ: А покамест я и у Семеновны в доме поживу — все равно также пустой стоит (Ф. Абрамов); Доктор Баркан засунул указательный палец за воротник кителя и подергал — воротник вдруг впился ему в толстую шею. . . (Ю. Герман); Удалю пузырь — это решать не надо, ничего другого нельзя (Ю. Крелин); Те из

участников, кто жил далеко от завода, оставались ночевать в цехе, чтобы сберечь время: ранним утром вновь предстояло начать работу (Лит. газ.).

(2) 'Некоторое действие, часто непроизвольное — типичные внутренние причины этого действия'.

В РР: Я поговорить с тобой хочу/ очень мне нужно//; На той неделе съезжу к Пете/ очень мне хочется//; Купи мне эту книгу/ нужно мне для работы//.

В КЛЯ: Посидел у речки — нельзя было не посидеть у реки своей молодости, на которой держал фронт в Великую Отечественную (Ф. Абрамов); Пошатнувшийся мир в семье восстановила Вера — она умела это делать (Он же); Белобрысенькая Зоя — зоотехник — за спиной у Михаила стояла — тихонько отступила в сторону: поняла, какая сейчас служба пойдет (Он же); Николай остановился у дверей — видимо, несколько смутился (Ю. Крелин).

Причина может касаться не самого действия, а способа протекания действия, объекта действия и всего того, что выражается обязательными или необязательными распространителями глагола:

Спасая лошадь, намерз и вымок дедушка, но все равно домой пришел ночью, трясясь от озноба, — без воза и лошади: воз легкостью товара спас хозяина, но потопил лошадь, скрывшуюся с головой в промоине (К. Петров-Водкин); А я взаправду ехала — ваш папаша мне денег дал, и дворник на вокзале билет купил и в поезд посадил... (М. Цветаева); Видит: нет, не зря послушал Тех, что знали, в чем резон: Как-то вдруг согрелись уши, Как-то стало мягче, глуше — И всего свернуло в сон (А. Твардовский); У могилы опять говорили речи. Но тут слушали уже вполуха — большое начальство отговорило, а от таких орателей, как Суса, и так давно с души воротит (Ф. Абрамов); Александра Михайловна подошла к Андрею Ивановичу и, поколебавшись, поцеловала его в голову: она не была уверена, в настолько ли хорошем расположении Андрей Иванович, чтобы позволить ей это (В. Вересаев).

Смысловая связь причинной предикативной конструкции с распространителями глагола, обязательными и необязательными, широко представлена и в РР:

Я ему куплю сливочное (мороженое)/ он не ест других//; (об объявлении) Я написал покрупнее/ надо чтобы все видели//; (о хлебе) Купи побольше черного/ они не любят белый//.

(3) 'Интеллектуальное действие — типичные внутренние или внешние причины, вызывающие это действие'.

В РР: Я ему все выскажу/ давно пора//; Я ничего не мог сообразить/ затемнение прямо какое-то нашло//; Он все время выдумывает что-то/ прямо страсть у него какая-то//; Он задумался/ трудно ему было решиться сразу//.

В КЛЯ: Слава богу, что вы сказали про меня: я люблю, когда обо мне правду говорят! — вмешался Нил Андреич (И. Гончаров); И напрасно все твое существо протестует против обидной

ненужности этой жертвы: так и должно было быть... (В. Вересаев); А главное, — сказал Кирилл, — нельзя утверждать, кто из нас откровенен, кто нет: мы едва знаем друг друга (К. Федин).

(4) 'Ритуальное действие (благодарность, приветствие), — причина, вызвавшая это действие'.

В РР: Он хочет как-то особо отблагодарить ее/ помогла она ему с диссертацией все-таки очень много//; Я всех благодарю/ без вас бы я ничего не сделал конечно//.

В КЛЯ: — Ну, я пришел с вами проститься — скоро еду! — сказал Райский (И. Гончаров); А меня, пожалуйста, извините — вызывают на операцию (Ю. Крелин).

Несколько шире, чем в РР, распространены в КЛЯ смысловые модели бессоюзных причинных сложных предложений о состоянии человека. Основная сфера их употребления — авторское повествование, хотя вполне обычны они и в речи персонажей, и в публицистике. Различаются следующие модели таких предложений.

(5) 'Физическое состояние человека — внешняя или внутренняя (в самом человеке) причина такого состояния':

У Лоры было тридцать восемь и три — она простудилась, но на похороны все-таки отправилась... (Ю. Герман); У него горело лицо — комарья тучи, пересохло в горле — признаков воды нигде не было (Ф. Абрамов); Вот у меня недавно один умер, шесть арбузов натощак съел! (В. Вересаев); Но суть в том, что это прошлое уже отравило меня, — я ужасаюсь пустоты, в которую иду, я не могу жить без смысла и без цели (Он же); Впрочем, вы устали: замучила вас (Лит. газ.).

Ср. в РР: Я страшно устал/ до трех работал// (до трех часов ночи); Она совершенно замучилась/ не спит ее Димка по ночам//; Она лежит вообще сейчас/ ногу сломала//.

(6) 'Эмоциональное состояние человека — внутренняя или внешняя причина этого состояния'. Эта смысловая модель особенно активна в авторском повествовании:

Но, получив посланье Тани, Онегин живо тронут был: Язык девических мечтаний В нем роем думы возмутил (А. Пушкин); Утром он чувствовал себя всегда бодрее и мужественнее для всякой борьбы: утро приносит с собой силу, целый запас мыслей и намерений на весь день: человек упорнее налегает на труд, мужественнее несет тяжесть жизни (И. Гончаров); Лена сидела, подперев кулаком подбородок, большие глаза ее были широко открыты, и, заглянув в них, я опешил — столько там было и тоски, и ласки (И. Герасимов); Нескончаемый этот поток воспоминаний обычно огорчал Лосева — нынешним городом его земляки интересовались куда меньше, чем тем Лыковым, что сохранился в их воображении (Д. Гранин); Да ежели ему сейчас не выговориться — взорвется. Взорвется, как котел, переполненный парами: столько всякой накипи, столько всякой неразберихи скопилось в сердце (Ф. Абрамов).

Возможна эта модель и в речи персонажей:

Мне вместе и совестно: он так мил, добр ко мне, к сестре — осыпает нас дружбой, ласками, еще хочет подарить этот уголок... этот рай, где я узнала, что живу, не прозябаю! (И. Гончаров); Я нынче еду мимо, И что-то сжалося в груди: Тебя, как будто край родимый, Я оставляю позади (А. Твардовский).

Ср. в РР: Знаешь/ как-то мне стало не по себе/ очень уж резко она выступала/ правильно хотя конечно//; (о ребенке) Он так заразительно смеялся/ это заяц у него вдруг запищал//.

(7) 'Интеллектуальное состояние человека — внутренние или внешние причины такого состояния'. Эта модель также показывает большую активность в языке авторского повествования:

Князь Андрей не помнил ничего дальше: он потерял сознание от страшной боли, которую причинили ему укладывание на носилки, толчки во время движения и зондирование раны на перевязочном пункте (Л. Толстой); Кстати, чеховская палата № 6 существует и на моей памяти — я в шестнадцатом году видел буквально такую больницу в местечке Большие Гусищи (Ю. Герман); И они были убеждены, что те не хотят видеть этих противоречий только из упрямства: Даев и Наташа объявляли себя врагами капитализма — и в то же время радовались его процветанию и усилению (В. Вересаев).

Ср. в РР: Я ничего не помнил/ почти без памяти был с этой температурой//; Я забыл/ давно это было//; Я ошибся конечно/ там не может быть этой книги//.

(8) 'Некоторые свойства, качества человека — внешние или внутренние причины, вызвавшие их':

Я думала, ему сносу не будет — здоровый был (Ю. Карелин); Быть может, счастьем был бы я Твоим, твой горький, лишний, — Ведь все большие сыновья Из маленьких повышли (А. Твардовский); Он не актер, не притворяется: для этого он слишком умен и образован, и притом честен (И. Гончаров);

Ср. в РР: Он очень у них здоровый ребенок/ они его специально закаливали//; Он очень целеустремленно работает/ приучил себя к режиму// У него талант/ рисует он почти профессионально//.

(9) 'Местоположение человека — внешние или внутренние причины такого местоположения':

Тани не было: она в одиннадцать часов ушла к своему вчерашнему знакомцу и еще не возвращалась (В. Вересаев); Василия Васильевича по обыкновению — не было, — он теперь все вечера проводил у соседей, играя в карты (Он же); Здесь я стою — я не могу иначе (О. Мандельштам).

Ср.: в РР: Он дома наверно сегодня/ никуда вроде не собирался//; А Петя в институте/ сегодня ведь присутственный день//; Они в колхозе все/ их послали//.

Широко представлены в РР и в художественной литературе личностные бессоюзные сложные предложения, в которых с помощью специальных слов обозначается необходимость личных

действий, состояний. В РР это значение выражается словами *надо, нужно*, дающих безличную структуру:

Мне надо еще успеть в книжный/ Тургенев вышел пятый// (пятый том из собрания сочинений); Ему/ по-моему/ еще на местком надо идти/ вызывали профоргов//; Мне на лекцию нужно сегодня/ и так я уже две пропустил//.

В художественной речи КЛЯ круг слов и выражений, обозначающих необходимость действия, в бессоюзных причинных сложных предложениях шире, чем в РР:

Ну случается, конечно, что иного ничем не проймешь, — такого приходится исключить: шелудивая овца все стадо портит (В. Вересаев); Нет, обойти ее — не дело И не резон душе моей: Мне правда партии велела Всегда во всем быть верным ей (А. Твардовский); Его установившиеся взгляды на действительность, судя по всему, не подвергнутся серьезному пересмотру — любовное потрясение, крушение семьи не заставляют его ощутить пульс Большого Времени, в котором живет мир (Лит. газ.).

При отрицании необходимости возможно и в РР, и в художественной речи КЛЯ экспрессивное оформление соответствующей предикативной конструкции: в РР — *Зачем тебе идти/ он купит все//* (тебе не надо идти в магазин, потому что он купит все), в КЛЯ — [Телятев:] *Что вам в чужое дело мешаться: наше дело уметь занять, ваше дело уметь получить* (А. Островский).

Только в КЛЯ, по-видимому, возможно такое оформление личностных по смыслу предикативных конструкций, при котором в роли подлежащего выступает неодушевленное существительное:

Ответ взвешивался долго: изучалась моя способность понимать недоговоренное (Лит. газ.); Именно к Рафаилу-то Корякину и сбегались в ночь-заполночь со всей округи изувеченные машины, спешили занять очередь: золотые руки у мужика (В. Тендряков).

В РР и КЛЯ есть, конечно, не только личностные причинные сложные предложения, но и объективно-познавательные. Среди последних преобладают такие, в которых устанавливаются естественные причинные связи между событиями с непосредственным участием человека:

Но вдруг становится очень шумно: из кабака выходят с криками, с песнями мужики в красных и синих рубашках (Ф. Достоевский); На Минском шоссе нас стали обгонять автобусы — школьников везли в пионерский лагерь (В. Каверин); Попыталась Арина отдать сына в школу, но из этого ничего не вышло — у мальчика от всякого условного восприятия — образования буквами слова начинались головные боли (К. Петров-Водкин); И огонь тухнет, — выгорел весь... (Он же); Болезнь — это судьба: нужно же, чтобы человек от чего-нибудь умер, а то жил бы вечно (М. Цветаева).

Объективно-познавательные причинные бессоюзные сложные предложения обычны в публицистике и в научно-популярном изложении:

Сенату надлежит, казалось бы, лояльно подтвердить решение правительства и выполнить волю собственного народа: июньский опрос рядовых американцев снова зафиксировал массовую поддержку ОСВ-2 подавляющим большинством почти 80 процентов опрошенных (Лит. газ.); Формально эта страна станет членом «Общего рынка» с 1 января 1981 г. Фактически же она получит полные права участника сообщества спустя еще пять лет — этот срок определен для Греции как «переходный период» (Там же); Миллионы их (эритроцитов) потоками расходятся в боковые коридоры — у каждого свой участок работы (А. Поликарпов); После того как желудочки расслабляются и аортальные клапаны захлопываются, просвет сосудов сердца сразу расширяется — расслабляются мышцы сердца (Он же).

Ср. также еще более редкое и не характерное для РР бессоюзное причинное сложное предложение, в котором раскрывается причина выбора номинации: *Эти средства вкупе получили название иммунодепрессантов: ведь слово «депрессия» означает «подавление»* (А. Поликарпов).

Возможны в КЛЯ, как и в РР, объективно-познавательные причинные предложения о состоянии, качестве и т. п. конкретных предметов, причинная предикативная конструкция показывает обстоятельства, обусловившие данное качество:

Окна везде были темны: все уже спят (В. Вересаев); Место тут степное, ровное, кажется очень глухим: ничего не видишь, кроме неба и бесконечного кустарника (И. Бунин); Зеленое кресло — пустое: Сонечка раскладывается и укладывается, переносит с места на место, как кошка котят, какие-то тряпочки, бумажечки, коробочки (М. Цветаева); Он (снег) не тает в их глазницах И пыльцой лежит на лицах — Мертвым все равно (А. Твардовский).

Должен быть отмечен еще один активный и в РР, и в художественной речи КЛЯ смысловой тип бессоюзных причинных сложных предложений. Это — предложения оценки с обоснованием выбора данной оценки в причинной предикативной конструкции. Оценке могут подвергаться как люди (при этом возможна и самооценка), так и объективные события:

Ничего, что она так неразвита и узка, — в этом-то и есть ее сила! (В. Вересаев); Никуда он не годится: Целоваться перестал (А. Твардовский); Короче, через полчаса у нас был свет настоящий и навсегда. Это же не операция, а одно удовольствие было: все видно (Ю. Крелин); В городе сидеть уже невмочь: молодая весна так и тянет вдаль, в пробуждающиеся от зимнего сна леса (С. Огнев).

Ср. в РР: А этот фильм мне не очень понравился/ слишком там все изощренно как-то//; Он не придет/ плохо/ не с кем тебе будет играть//; (о выборе для изучения английского языка) Английский/ это же замечательное дело/ иностранный в любом случае нужен/ в любом институте//.

Для всех названных смысловых типов бессоюзных причинных сложных предложений характерны отрицательные варианты: отрицается то или иное физическое действие человека, его состояние и т. п. Такое отрицание имеет первостепенное значение для смысловой структуры причинных сложных предложений: причинная предикативная конструкция ориентирована в смысловом плане именно на отрицание, которое обычно настоятельно требует обоснования. Отрицание — настолько сильный сигнал, что способен сообщить причинное значение в остальном бессмысленным образованиям, созданным по типу «глокой куздры», ср.: *Не умату соту*/ моло тыла//, которое многие информанты при яркой ИК-3 готовы были интерпретировать как причинное, без отрицания интерпретировать данное бессоюзное сложное предложение невозможно. Дадим примеры с отрицанием:

Андрей Иванович уже пять дней не ходил в мастерскую: у него отекли ноги, появилась одышка и обычный кашель стал сильнее (В. Вересаев); Я сам никогда ничего не записываю — у меня и почерк детский (М. Цветаева); Ты сам, шагая в той стране С надеждой и тревогой, Его не встретил на войне, — Другою шел дорогой (А. Твардовский).

В РР: Я не пойду купаться/ простудилась немного//; (об экзаменах) А я совсем не волновался/ что знаю/ то знаю/ чего нет/ того нет//; Молоко не могло скиснуть/ оно в холодильнике//; Ему эту задачку не решить/ он уравнений ведь не знает//; Я не знаю куда они собираются/ у меня телефон испорчен//.

Причинные отношения в составе недифференцированных отношений

Причинные отношения активны в РР в роли компонента недифференцированных отношений. Такие недифференцированные отношения находят широкое отражение в КЛЯ. Область их распространения — язык художественной литературы, публицистики, возможны они в научно-популярном изложении. К наиболее регулярным недифференцированным отношениям относятся прежде всего причинно-следственные. Причина и следствие, как уже было сказано, — две стороны одного явления (события). Поэтому обычно бессоюзные сложные предложения с причинными отношениями при перемене мест предикативных конструкций дают причинно-следственные бессоюзные сложные предложения. Напомним, что обратное неверно: причинно-следственные бессоюзные сложные предложения не дают при перемене порядка предикативных конструкций следственно-причинных отношений, а дают только причинные отношения, поскольку первая предикативная конструкция в сознании носителей языка не может быть осмыслена как следственная: следствие всегда вытекает из чего-то, мысль не может начинаться со следствия.

Хотя большинство причинных конструкций обратимы в причинно-следственные, неверно было бы думать, что всякое причин-

ное бессоюзное сложное предложение обычно в языке и в своем обращенном причинно-следственном виде. Если для бессоюзных сложных предложений с причинными отношениями характерны прежде всего личностные типы, то причинно-следственные бессоюзные сложные предложения в равной мере ориентированы и на личностную сферу, и на объективную действительность. Дадим примеры бессоюзных причинно-следственных сложных предложений в КЛЯ:

Утро приносит с собой силу, целый запас мыслей и намерений на весь день: человек упорнее налегает на труд, мужественнее несет тяжесть жизни (И. Гончаров); Опершись ногами и упрятав голову к груди — боец стоял как бык, но вот один момент — и он стал отбиваться: полетели, как поленья, над его головой противники (К. Петров-Водкин); Луна опускалась к земле — свет ее уже потускнел (К. Паустовский); Двери в избу осели — пришлось с силой, рывком тащить на себя (Ф. Абрамов); Гофрированная резиновая трубка ползет по полу от аппарата в дверь и в коридор — уменьшает вредность нашего воздуха, выкидывая выдыхаемые газы вон отсюда (Ю. Крелин); На стороне врагов законы: Ему ничем нельзя помочь (О. Мандельштам); Стенки сосуда становятся такими тонкими, что эритроцит уже может передать через них свою ношу: клетки, примыкающие к сосуду-капилляру, получают кислород (А. Поликарпов); Объединились и другие правые: в 1978 г. возник Европейский демократический союз с участием английских и датских консерваторов и родственных им партий других стран (Лит. газ.).

В РР: Ветер сменился/ может потеплеет завтра//; (о поездах) В Горький теперь с Ярославского вокзала ходят/ разгрузили немножко Курский//; Остановку перенесли/ ближе к дому она теперь//; (о поездке) В Можайск электричек двадцать идет/ никаких проблем тут нет//; Вода холодная/ немногие купаются//; Комаров совсем не стало/ хорошо гулять в лесу//; Новый мост построили/ автобус теперь есть к нам из Сокольников//.

Два других регулярных и в РР, и в художественной речи КЛЯ типа недифференцированных значений с причинным компонентом здесь будут только названы и проиллюстрированы примерами.

Их более подробное описание дается при анализе других составляющих недифференцированное значение. Эти два типа следующие:

(а) причинно-объяснительный: объяснение (толкование) некоторого действия, состояния, оценки может являться одновременно и причиной их:

В РР: Он учится у меня из рук вон плохо: одни тройки приносит// 'он учится у меня из рук вон плохо, а именно: на одни тройки (одни тройки приносит)' и 'он учится у меня из рук вон плохо, потому что одни тройки приносит'; Он как-то странно ведет себя все время/ без конца задает вопросы на докладе// 'он ведет себя странно, то-есть задает вопросы на докладах' и

'он ведет себя странно, потому что задает вопросы на докладах'.

В КЛЯ:

— А одеваетесь монахиней: напоказ плеч и рук не выставляете. . . ведете себя сообразно вашим почтенным летам. . . — говорил он (И. Гончаров); Дело было очень ясно: это было лишь ренегатство (В. Вересаев); А старик непрерывно делает глупости: променивает слиток золота на лошадь, лошадь на козу и так далее, и в конце концов кошку на катушку, а катушку на иголку, а иголку теряет у самого дома, когда перелезает через плетень, потому что не догадался пойти в калитку (М. Цветаева); Эти лодки были нарядны и вместительны, но неудобны по местным условиям: они цепляли илистое дно (Ю. Нагибин);

(б) причинно-противительные: в первой предикативной конструкции отрицается нечто, а вторая предикативная конструкция противопоставляет нечто отрицаемому и одновременно показывает причину отрицания.

В РР: Нет/ я не пойду/ я поеду// — 'я не пойду, а поеду и я не пойду, потому что поеду'; В Горький я все же наверно на эту конференцию не сумею поехать/ я в Ленинград точно еду// 'не сумею поехать в Горький, а в Ленинград точно еду и не сумею поехать в Горький, потому что в Ленинград точно еду'.

В КЛЯ:

Но короли не только подчиняются традициям — они их создают (М. Цветаева); Я сюда приехал не от скуки — Ты меня, незримая, звала (С. Есенин); Иных богов не надо славить: Они как равные с тобой (О. Мандельштам).

Менее регулярно, чем три названных типа недифференцированных значений, встречаются как в РР, так и в КЛЯ изъяснительно-причинные отношения, суть которых раскрывается в разделе об изъяснительных бессоюзных предложениях. Здесь также ограничимся только примерами.

В РР: Он удивился/ никого нет дома// 'он удивился, что никого нет' и 'он удивился, потому что никого нет дома'.

В КЛЯ: И с новой силой охватило тяжелое, почти суеверное предчувствие — стоит шагнуть ему в эту распахнутую дверь, как его жизнь, налаженная, устоявшаяся, сломается (В. Тендряков) 'предчувствие о том, что стоит шагнуть ему. . .' и 'охватило суеверное предчувствие, потому что стоит шагнуть ему. . .'.

Особое место в системе недифференцированных значений с причинным компонентом занимает знаково-причинный тип. Знаковое значение, в чистом, дифференцированном виде, распространено главным образом в КЛЯ, где оно эксплицируется специальными показателями типа *это значит*, *это знак того, что* и под.

Знаком события чаще всего бывает характерная причина, вызвавшая это событие, и поэтому, если нет специальных показателей знакового значения, появляется недифференцированное знаково-причинное значение. Поскольку для РР бессоюзные сложные предложения со знаковым значением нехарактерны, то можно

думать, что и бессоюзные сложные предложения со знаково-причинным значением создаются в основном в КЛЯ, где они весьма широко представлены, главным образом в авторском повествовании художественной речи, возможны они также в публицистике и научно-популярном изложении:

Вдруг позади нас раздался шум: кто-то спускался к источнику (И. Тургенев) 'вдруг позади нас раздался шум — это значит кто-то спускался к источнику' и 'вдруг позади нас раздался шум, потому что кто-то спускался к источнику'; В воздухе один за другим глухо прозвучали три пушечных выстрела: начиналось наводнение (В. Вересаев); Вдали за лесом мутно розовело небо — должно быть, за облаками подымалась луна (К. Паустовский); Постепенно нарушается взаимосвязь между пересаженным органом и организмом реципиента: происходит иммунологическое отторжение (А. Поликарпов).

Причинно-знаковые недифференцированные отношения — свидетельство того, что разговорная система бессоюзных сложных предложений может иметь свое развитие в КЛЯ: на основе разрешенной разговорной системой недифференцированности значений КЛЯ создает для своих нужд причинно-знаковое недифференцированное значение. Тот факт, что это значение выработалось именно в КЛЯ, доказывает еще и то, что бессоюзные сложные предложения с таким недифференцированным значением не характерны в речи персонажей при имитации РР.

Опосредованные отношения

Смысловая связь причинной предикативной конструкции опосредуется с другой предикативной конструкцией по тому типу опосредования, при котором опосредующий смысл может быть выражен специальной предикативной конструкцией. Опосредование можно видеть только в том случае, если опосредующий смысл в языке регулярно эксплицируется. Бессоюзные причинные сложные предложения с опосредованными смысловыми связями очень широко используются в художественной речи и публицистике.

Наиболее распространенным как в РР, так и, соответственно, в КЛЯ является опосредование через имплицитный также причинный смысл. Все активные в РР и КЛЯ смысловые типы бессоюзных причинных сложных предложений регулярны с опосредующим причинным смыслом. В КЛЯ бессоюзные причинные сложные предложения с опосредующим причинным смыслом особенно широко представлены в авторском повествовании и в поэтической речи. Покажем бессоюзные личностные причинные предложения с причинным опосредованием:

(а) опосредование при обозначении причины физических действий или состояний человека:

Конкордия Сергеевна в поношенной блузе и с косынкою на редких волосах укладывала в спальне белье в чемоданы и

корзины, — на днях Катя уезжала в гимназию (В. Вересаев) 'укладывала белье в чемоданы и корзины — [потому что надо было собрать в дорогу Катю] — потому что Катя уезжала в гимназию'; И вот теперь, отвергнутый, избитый ими, он шел за защитою ко мне; я сделал его нашим «сообщником», из-за меня он стал чужд своим (В. Вересаев) 'избитый ими, он шел за защитой ко мне — [потому что именно я должен был помочь ему] — потому что я сделал его «сообщником»'; Да и не очень поспешишь тут — спуск долгий, крутой, приходится идти по склону наискось (Ч. Айтматов) 'не очень поспешишь — [потому что спешить опасно] — потому что спуск долгий, крутой, приходится идти по склону наискось'; Под навес не зашел, а молча кивнул всем сразу и к своей машине: с вечера еще договорился с бригадиром, что делать (Ф. Абрамов) 'сразу к своей машине — [потому что нужно было работать] — потому что с вечера еще договорились с бригадиром, что делать';

(б) опосредование при обозначении причины интеллектуальных действий или состояний человека:

Ответить я не успел — в кабинет быстро вошел Ремез, а за ним Бортов (И. Герасимов) 'ответить я не успел — [потому что мне помешали] — потому что в кабинет быстро вошел Ремез, а за ним Бортов'; И пошел к себе, чтобы сосредоточиться, но сосредоточиться ему не удалось: привезли раненых с полуострова, среди них были обмороженные (Ю. Герман) 'сосредоточиться ему не удалось — [потому что нужно было идти работать] — потому что привезли раненых с полуострова'; Наш начсанупр флота приказал круглосуточно дежурить возле него — страшимся мы психической травмы (Ю. Герман) 'приказал круглосуточно дежурить возле него — [потому его здоровье может в любое время ухудшиться] — потому что страшимся мы психической травмы'; Александра Михайловна с утра зорко следила за его настроением: ей нужно было иметь с ним один важный разговор... (В. Вересаев) 'зорко следила за его настроением — [потому что ей нужно было выбрать момент, когда у него будет хорошее настроение] — потому что ей нужно было иметь с ним один важный разговор';

(в) опосредование при обозначении причин эмоциональных состояний человека:

Володя тихонько зевнул: никогда он толком не понимал Веру Николаевну (Ю. Герман) 'тихонько зевнул — [потому что ему было скучно] — потому что при разговоре с Верой Николаевной он никогда толком не понимал ее'; Да, подумал Михаил, в этом году у Таборского не будет забот и вдруг вздрогнул: каждый день в это время над головой пролетают реактивные самолеты, а все равно каждый раз врасплох гром, который с небесных высот на землю падает (Ф. Абрамов) 'вздрогнул — [потому что испугался звука самолета] — потому что летел реактивный самолет'.

Возможно причинное опосредование и в объективно-познавательных бессоюзных причинных предложениях:

По полу волнами ходила вода — теперь проклятая труба лопалась без всяких бомбежек (Ю. Герман) 'по полу волнами ходила вода — [потому что она налилась из лопнувшей трубы] — потому что теперь проклятая труба лопалась без всяких бомбежек'; Сильно пахло паровозным дымом, кофе и гвоздиками из цветочных магазинов, — в те дни покупали только гвоздики — символ революции (К. Паустовский) 'сильно пахло гвоздиками из цветочных магазинов — [потому что продавали именно гвоздики] — потому что в те дни покупали только гвоздики — символ революции'.

Ср. аналогичные опосредования в РР:

В хозяйственный я пошла/ полы скоро нам натирать// 'в хозяйственный магазин я пошла — [потому что надо купить мастики для натирки полов] — потому что полы скоро нам надо будет натирать'; Я передохну только немного/ три часа сидим// 'я передохну только немного — [потому что очень устал] — потому что три часа сидели и работали'; (о ребенке) Ноги ему надо вымыть/ он босиком по двору бегал сегодня// 'ноги ему надо вымыть — [потому что они грязные] — потому что он босиком по двору бегал сегодня'; Я к нему уж и заходить перестал/ он диссертацию защищает скоро// 'я к нему уж и заходить перестал, — [потому что он очень занят] — потому что он диссертацию защищает скоро'; Я завтра на целый день в библиотеку пойду/ надо мне эту статью кончить// 'я завтра в библиотеку пойду — [потому что хочу поработать (библиотека для говорящего — место, где можно спокойно плодотворно работать)] — потому что надо закончить работу над статьей'.

Обычны бессоюзные сложные предложения с опосредующим причинным смыслом в публицистике:

Я задала ребятам несколько вопросов, но, к моему удивлению, отвечать устно они отказались: беседа со мной заставила бы их оторваться от работы, а у них «горел» план (Лит. газ.) 'отвечать устно они отказались — [потому что им было некогда] — потому что им надо было работать'; Но такого нимба интеллектуальности мы почему-то не замечаем — то, что говорят герои об искусстве, весьма невыразительно (Лит. газ.) 'нимба интеллектуальности мы не замечаем — [потому что его просто нет] — потому что то, что говорят герои об искусстве, весьма невыразительно'.

Возможны такие предложения и в научно-популярном изложении, хотя для строгого научного стиля они совершенно нехарактерны:

Эти кусочки металла удалять не обязательно: они обросли соединительной тканью, покрылись своего рода капсулой и только изредка напоминают о себе (А. Поликарпов) 'эти куски металла удалять не обязательно — [потому что они безопасны] — потому что они обросли соединительной тканью'.

Как в РР, так и в КЛЯ можно привести множество примеров, когда вербализован смысл, способный быть опосредующим. Такие примеры подтверждают языковую реальность, объективность опосредования. Ср.:

В РР: Не стоит нам загорать оставаться/ солнце уже не то/ четвертый час ведь уже//; ср.: Не стоит нам загорать оставаться/ четвертый час ведь уже//; Я часов в девять приду/ поздно кончится/ отчетно-перевыборное ведь у нас собрание//, ср.: Я часов в девять приду/ отчетно-перевыборное ведь у нас собрание//; Раунатин опять надо начинать пить/ давление наверно/ не спала ночь//, ср.: Раунатин опять надо начинать пить/ не спала ночь//.

В КЛЯ: Он ушел от меня часов в десять — устал, новые места быстро утомляют (И. Герасимов), ср.: Он ушел от меня часов в десять — новые места быстро утомляют; В дверь уже не стучат — потому что больше не закрывается: кто-то сломал замок (М. Цветаева), ср.: В дверь уже не стучат: кто-то сломал замок.

Кроме причинного должны быть отмечены и более редкие виды опосредования. Возможны бессоюзные сложные причинные предложения:

(а) с противительным опосредующим смыслом:

Он говорил минут пять — все знали, что он не любит длинных речей и, если говорит, то по делу (И. Герасимов) 'он говорил минут пять — [а больше никто не ждал] — потому что все знали, что он не любит длинных речей'; Татьяна, та с подругами — уже большая (Ю. Крелин) 'Татьяна с подругами — [а не с нами время проводит] — потому что уже большая';

(б) с целевым опосредующим смыслом:

Давай-ка, брат, давай поедем: Не только свету, что в окне (А. Твардовский), ср. 'давай поедем — чтобы посмотреть мир — потому что не только свету, что в окне'; Встаю — вагон с рассвета в сборе, Теснясь у каждого окна Уже толпится в коридоре, Уже вблизи была она (Волга) (А. Твардовский), ср. 'народ у окон вагона — [чтобы увидеть Волгу] — потому Волга уже близка'.

В РР возможно, хотя и нечасто встречается, многоступенчатое опосредование связей в бессоюзных причинных сложных предложениях, ср.:

Надо огурцы помыть/ опять жаркий день будет// 'надо огурцы помыть — [потому что возьмем их с собой на пляж] — [потому что пойдем на пляж] — потому что жаркий день будет'; Я мастера даже вызвал/ любишь ты спорт смотреть все же// 'я вызвал телевизионного мастера — [чтобы настроить как следует телевизор] — [потому что (в дни Олимпиады) по телевизору много спортивных передач, которые ты будешь смотреть] — потому что любишь смотреть спорт'. Для всех сфер КЛЯ, где употребляются бессоюзные причинные сложные предложения с одноступенчатым опосредованием, многоступенчатое опосредование нехарактерно, примеры многоступенчатого опосредования единичны, ср.:

Два уже раза ему прощала, — в ногах валялся, ноги мне целовал (В. Вересаев) 'два уже раза ему прощала — [хотя

не хотела прощать] — [но простила] — потому что в ногах валялся, ноги мне целовал'.

Особое место среди бессоюзных сложных предложений с опосредованными отношениями в РР занимают такие, в которых причинная предикативная конструкция обслуживает имплицитный модальный смысл типа 'я сообщаю' и не имеет прямых связей с первой предикативной конструкцией. Это сложные предложения типа *А магазин наш на учет сегодня закрыт/ я мимо проходил//* со смыслом 'я сообщаю, что магазин наш на учет сегодня закрыт, потому что я знаю об этом, так как проходил мимо магазина'. Характерная отличительная особенность таких предложений в том, что причинную предикативную конструкцию нельзя связать причинным союзом с первой предикативной конструкцией, употребление причинного союза возможно только при экспликации модального смысла: * *А магазин наш на учет закрыт, потому что я мимо проходил.*

Семантическая структура причинной предикативной конструкции в предложениях данного типа в ряде случаев сходна с имеющей опорное слово предикативной конструкцией изъяснительного сложного предложения, и поэтому бессоюзные причинные предложения данного типа повторяют модели опосредования изъяснительных бессоюзных сложных предложений. Но наряду с этим они имеют и собственные модели опосредования. Разные ходы опосредования часто дают конструкции с двумя опосредующими смыслами:

Неинтересный это фильм/ я был на прошлой неделе// '[я сообщаю,] — что фильм неинтересен, [потому что я это знаю] — потому что был на этом фильме на прошлой неделе'. В РР в зависимости от семантического устройства причинной предикативной конструкции широко представлены следующие разновидности высказываний рассматриваемого типа:

(а) причинная предикативная конструкция имеет глаголы типа *видеть, знать* и тому подобные, прямо называющие причину «владения» сообщением: (о телевизоре) Экран у «Рубина» немного больше/ я видел//; А как они квартиру обставили// Прелесть я видала просто//; (об аттракционе) На эту крутильню вас не пустят/ до двенадцати лет я прочитал у кассы//; Все это уже сто раз было/ я знаю//;

(б) причинная предикативная конструкция имеет глагол *смотреть*, дающий выход к семантике 'знать' — 'смотрел и потому знаю':

Очень добрый это такой спектакль/ я смотрел// 'я сообщаю, что очень добрый это такой спектакль, потому что я это знаю, потому что я смотрел этот спектакль'; Массу там предлагают всяких туристских путевок/ я смотрел// 'я сообщаю, что массу там предлагают всяких туристских путевок, потому что я смотрел объявление и знаю об этом';

(в) причинная предикативная конструкция сообщает о пребывании лица, делающего сообщение, в определенном месте и,

следовательно, восприятии того, что есть в этом месте и что является темой сообщения:

Дождя там мы были не было// 'были и знаем'; Эту треску все хвалят/ в «Океане» я была// 'была в магазине «Океан» и слышала'; А все-таки лучше я ездил экскурсии стали организовывать// 'ездил и знаю'; Очень чистенький класс/ я заходил фотографировать// 'заходил и видел'; Макулатуру теперь только по абонементам/ я заходил// 'заходил в приемный пункт и узнавал'; Все в джинсах студенты/ заходила я в университет// 'заходила и видела'; Артем один гуляет/ я на балкон выходила// 'выходила и видела'; Бегает как сумасшедший/ я в магазин ходил//; А. Остатки там каких-то ворот/ я прохожу// Что это? Б. Это церковь старая была//.

Ср. более сложный путь опосредования: В Калинине/ я читаю там на полставке/ набережная очень красивая// 'читаю лекции в Калинине и, следовательно, видел (знаю)'; (возвращаясь из библиотеки) Там для вас что-то есть/ я книги сдавал// 'сдавал — был в библиотеке — знаю';

(г) причинная предикативная конструкция сообщает, что некоторое третье по отношению к говорящим лицо имеет определенные знания, сведения и поэтому говорящий в результате общения с этим лицом также овладел этими знаниями:

Собаку они купили/ Света была// 'Света была и рассказывала мне'; На базаре мама ходила огурцы дешевле чем в магазине даже//; Ничего интересного на этой ярмарке нет/ Галя вчера ездила//; Галя завтра приедет/ звонила утром//;

(д) причинная предикативная конструкция сообщает о том, что говорящий овладел знаниями через такие источники, как книги, газеты, радио и т. п.:

Об этом ничего не говорили/ «Новости» были// 'по телевизору была передача «Новости» — я ее слушал и утверждаю, что об этом ничего не говорили'; Ничего полезного в этом вовсе нет/ «Здоровье» я читал недавно//; У нее очень как-то путано все сделано/ посмотрел я ее диссертацию//; Очень плохая погода завтра будет/ прогноз передавали//; Детей приглашают на съемки/ «Вечерку» я читал//.

В КЛЯ рассмотренный тип опосредования представлен слабо и непоследовательно. Единичные примеры зафиксированы нами только в языке художественной литературы у отдельных авторов, особенно склонных к использованию бессоюзных сложных предложений. Преобладает разновидность (а) с глаголами *видеть*, *знать* и т. п.:

Это тот самый оборванец, которому он пальто свое отдал, — я сразу поняла (В. Вересаев) 'я с уверенностью говорю, что это тот самый оборванец, которому он пальто свое отдал, потому что я сразу это поняла'; Но у Веры нет этой бессознательности: в ней проглядывает и проговаривается если не опыт (и конечно не опыт: он был убежден в этом), если не знание, то явное предчувствие опыта и знания, и она — не неведением, а гордостью

отразила его нескромный взгляд и желание нравиться ей (И. Гончаров); Митя не врал. Ни для кого сейчас нет рыбы в Пинеге из-за этой жары, а Митя окуней берет голыми руками — Михаил сам видел (Ф. Абрамов); Косяками парни бегали — кого хошь спроси, скажут (Он же).

Единичны примеры с опосредованием разновидности (в):

Иногда я слышал о них от Лены — все же она бывала в Москве (И. Герасимов); А скажите, — я сейчас через Шеметово ехал, — кто это там за околицей новую мельницу поставил? (В. Вересаев); — Это, бабушка, не письмо, а счет за шерсть, за узоры: я забирала у него (И. Гончаров).

Особо должен быть рассмотрен распространенный в КЛЯ и мало известный в РР тип опосредования — опосредование через модальный смысл вида 'об этом можно судить, потому что. . .'. Такое опосредование имеет место при отношениях обратных знаковым или недифференцированным причинно-знаковым, ср.: *Под ногами шуршали листья — это значит наступила осень* (знаковые отношения), *Под ногами шуршали листья — наступила осень* (знаково-причинные отношения) → *Наступила осень — под ногами шуршали листья* с такой семантической структурой: 'наступила осень — об этом можно было судить потому, что под ногами шуршали листья'. Следственное осмысление таких структур 'наступила осень, и поэтому под ногами шуршали листья' следует, по-видимому, признать омонимичным указанному, потому что при таком осмыслении нет опосредующего смысла. Возможность осмысления данных конструкций с модальным смыслом 'об этом можно судить, потому что . . .' доказывается тем, что данные структуры допускают причинный союз, который может быть оправдан только названным опосредующим смыслом (следственное осмысление при причинном союзе, естественно, исключено), ср.:

Должно быть, уже приближалась осень, потому что мы с Петькой бродили по Соборному саду и подкидывали босыми ногами листья (В. Каверин); Должно быть, у меня был жар, потому что я нес какую-то бессвязную чепуху (В. Каверин).

То, что в данных случаях есть опосредование через модальный смысл, ясно уже потому, что причиной осени не могут быть подкидываемые ногами листья, а причиной жара человека не может быть говорение бессвязной чепухи. Поскольку, по-видимому, при союзе в таких предложениях существует опасность «не заметить» опосредующего модального смысла и принять алогичный смысл, бессоюзная форма таких предложений как форма, более удобная для опосредования смысловых связей, встречается много чаще. Бессоюзные сложные предложения с опосредующим модальным смыслом такого типа встречаются в авторском повествовании, в публицистике:

Наверно, я немного дернул ружье при выстреле — подраненный чирок с невероятной быстротой, стрекоча крыльями, припустил по воде в заросли (Ю. Нагибин) 'наверно я немного дернул ружье при выстреле — об этом можно было судить потому, что подранен-

ный чирок припустил в заросли'; Он как будто ждал гостей — по целым дням были открыты и двери и окна во всех комнатах (И. Бунин); А где-то разнообразно, весело ругались бабы — перебивали друг друга звонкие бабьи голоса (И. Бунин); Наступило время обеда — он слышал, как няньки разносили первое, потом кашу с мясом, потом компот (Ю. Герман); Ирландия в подданстве у Англии, а Англия страна богатая: таких помещиков, как там, нигде нет (И. Гончаров); Газеты и журналы не обошли его своим вниманием: летописцы завода насчитывают более 120 публикаций на разных языках (Лит. газ.).

Функциональные группы

Функциональные группы, в основе которых лежат бессоюзные сложные предложения с причинными отношениями, в РР являются хорошо развитыми. Состав членов функциональной группы зависит от того, какой смысловой тип бессоюзного сложного предложения с причинными отношениями лежит в основе функциональной группы.

(а) Наибольшее число членов включает функциональная группа, в основе которой лежат личностные причинные бессоюзные сложные предложения: Я полежу немного/ устал// → Полежи немного/ устал//, Я полежу немного? устал//, Ты полежишь немного/ устал?, Ты полежишь немного? устал?

(б) Функциональная группа, в основе которой лежат объективно-познавательные причинные бессоюзные сложные предложения, следующая: Побило огурцы/ сильный был град// → Побило огурцы? сильный был град//, Побило огурцы/ сильный был град?, Побило огурцы? сильный был град?

(в) Особая функциональная группа существует на основе бессоюзного сложного предложения с имплицитным модальным смыслом: Много народу на пляже/ я проходил// → Много народу на пляже? ты проходил//, Много народу на пляже/ ты проходил?, Много народу на пляже? ты проходил?

Все функциональные члены, за исключением члена «вопросительная часть — вопросительная часть», в РР регулярны. Примеры функциональных членов группы (а):

(в машине) Ремни застегни/ останавливают теперь//; Подольше звоните/ не слышат они//; Дай мне синий шарф/ у тебя был вроде//; (о ботинках) А в чем же мне идти-то? не высохли//; Ты в бассейн хочешь? у нас абонементы есть в институте для всех//; Мороженое хотите поедим? кафе здесь есть недалеко//;

Ты будешь дома завтра/ Кирилл болеет?; Ты зонт таскаешь/ солнца боишься?; Ты ложишься/ рано вставать хочешь?

Ты в кино идешь? интересный ты знаешь?

Примеры членов функциональной группы (б):

Хорошо огурцы растут? погода вроде ничего//; Очень скользко на улице? подморозило вчера//; Большие волны на Волге? ветрено сегодня//;

Яблоки в этом году будут/ в прошлом не было?; Газ зажжен/ чайник ты кипятить собрался?

Примеры членов функциональной группы (в):

А Артем в первый «А» идет? ты списки смотрела//; Он уже из школы пришел? вы звонили//; Как сыграли-то? ты смотрел вчера//; А у Нины поступил Алеша? ты у них была//; Мост у Яузы сделали? ты ездишь на работу//; Они обещают за ним специально последить? ты ходила// (ходила на родительское собрание); Ветер ты ходил теплый? А кто с ним еще знакомый в классе? ты на собрании была//; (о музее) А эти французские картины где? ты был там//; Очередь большая? вы за зарплатой ходили//; Новостей никаких? ты Нину видел//; А он учебники купил? Ольга-то приходила//; А Лиля приезжает сегодня? ты Таню видела//; Он поедет с нами? ты его спрашивал//; Тепло? ты слушал// (слушал прогноз по радио); Футбола много? ты там программку читаешь// (программа по телевидению).

А. У них прекрасный двор там//; Б. Прекрасный? ты был?; А вы-то знали об этой выставке? вчера в «Вечерке» было?; Что нового в Саратове? она ведь оттуда приехала?

Если в члене личностной функциональной группы с побудительной первой частью сообщается о некотором желательном или необходимом действии, вызванном нежелательным событием, то возникает недифференцированное причинно-альтернативное значение [5], ср.: Запиши/ забудешь// 'запиши, потому что забудешь' и 'запиши, а то забудешь'. Другие примеры:

Полей как следует/ высохло все//; (о кипе газет) Перевяжи/ рассыплется//; Напиши поразборчивей/ не поймут//; (о радиоприемнике) Сделай потише/ орет очень//; Забери эти игрушки/ места нет совсем свободного//; Пошли подальше/ надоело вам здесь по-моему//; Пойдемте в павильоны сначала/ закроются потом//; (о зарплате) Приезжайте сегодня/ завтра мы уже не будем выдавать//; Пошли быстрей/ не успеем//.

КЛЯ весьма слабо освоил систему функциональных групп РР с причинными отношениями. Регулярен в КЛЯ — в речи персонажей художественных произведений — только функциональный член «побудительная часть — повествовательная часть» с личностным значением:

— Да взгляните же на меня: право, посватаюсь, — приставал Нил Андреич, — мне нужна хозяйка в доме, скромная, не кокетка, не баловница, не охотница до нарядов ... Чтобы на другого мужчину, кроме меня, и глазом не повела (И. Гончаров); Не ходи раздетая при людях: здесь не баня! (И. Гончаров); — Ну, не сердитесь на старика, — он не от злого сердца, он почтенный

---

[5] О близости отношений, выражаемых союзом *а то* (*а не то, не то*) и причинным союзом *потому что*, см.: *Белошапкова В. А.* Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке. — В кн.: Исследования по современному русскому языку. М., 1970, с. 19—22.

такой (Он же); Берегись: от свободы до рабства, как от разумного до нелепого, — один шаг! (Он же); — Егор! — сказал он, — принеси и осмотри чемодан, цел ли замок и ремни: я недолго здесь останусь (Он же); — Деньги подайте — это бесчестно не отдавать, — говорил Марк, — я вижу любовь: она, как корь, еще не вышла наружу, а скоро высыпит (Он же); — Упросите, умолите вашего брата — он вас обожает, о, не защищайтесь, — я заметила его страстные взгляды (Он же); Пришли немедленно с посланным два рубля: очень необходимо (В. Вересаев); Дайте мне, барыня, Ирину с собой в деревню — вишь она какая чахлая (М. Цветаева).

Все другие члены разных функциональных групп в речи персонажей редки, а в других сферах языка вообще мало известны. Так, в речи персонажей такого чуткого к разговорной речи автора, как Ф. Абрамов, зафиксированы, естественно, помимо личностных побудительно-повествовательных членов только два примера с имплицитным модальным смыслом и соотношением частей «повествовательная — вопросительная». В одном из этих примеров вопрос имеет риторический характер:

Сделаешь, сделаешь, маман! — подмигнул Родька. — Ты все сделаешь. В войну самого Гитлера на лопатки положила — разве мы забыли про эту страницу в твоей героической автобиографии?

В другом примере вопрос, по-видимому, прямой:

Им даже сны в детстве одни и те же снились — разве ты забыла про это?

Связь свободного соединения

В причинных сложных предложениях РР широко представлена связь свободного соединения как разновидность бессоюзной формы. При такой связи причинная предикативная конструкция располагается в интерпозиции, интонируется с более беглым, по сравнению с другой предикативной конструкцией, темпом, чем подчеркивается ее смысловая несамостоятельность в предложении:

(о даче) Я дожди пойдут уеду//; Я народу много лучше в другой раз зайду//; В институт зарплату дают съезжу после двух//; Они металлом деньги нужны собирали//; Выключить надо совсем светло стало свет-то//; В университет защита там поеду завтра//; Будут такая жара стоит огурцы скоро//.

В КЛЯ связь свободного соединения мало известна. Могут быть отмечены только единичные примеры в художественной литературе у особо «разговорных» авторов:

Уже давно можно убегать домой — рабочий день кончился, — но лень (Ю. Крелин); Чья-то собачонка, вроде Филипетуха, попалась под ногу у нижней ступеньки крыльца — все живое теперь лезет в тень — пнул (Ф. Абрамов); Михаил решил свое слово сказать, а то Евдокия — вожжа под хвост попала — все в одну кучу, смешает, из ангела черта сделает (Он же); Михаил

и Петр, на ходу отряхиваясь, нырнули под смолистые, разогретые костром лапы — под елью никакой дождь не страшен, — присели на корточки возле огня (Он же); Зачерпнул ковшом воды из ведра — его тоже мучила жажда, — напился, потом достал из старенького перекошенного шкафика, который служил для старой Семеновны и комодом и посудником, тетрадку (Он же); И тут бы деду В самый раз, что покурить, В самый раз продлить беседу: Столько ждал! — Поговорить (А. Твардовский); Пока опомнился, осмыслил, ужаснулся, пока в суете и спешке одевался — носки проклятые запропастились, — да и резво бежать под дождем в свои пятьдесят четыре года уже не мог (В. Тендряков).

Итак, бессоюзные сложные предложения с причинными отношениями КЛЯ явно опираются на систему таких сложных предложений в РР, с большой полнотой и точностью воспроизводят эту систему в сферах, ориентированных на РР. Модификации этой системы в КЛЯ и ее кодифицированное развитие дают себя знать в области недифференцированных значений и при опосредовании отношений. Главное отличие КЛЯ от РР в том, что система бессоюзных причинных сложных предложений РР используется в КЛЯ в «редуцированном» виде. Особенно яркое свидетельство этому — ограниченность в КЛЯ развитых в РР функциональных групп, в основе которых лежат бессоюзные причинные сложные предложения.

Бессоюзные сложные предложения с пояснительными и объяснительными отношениями

Бессоюзные сложные предложения с пояснительными и объяснительными отношениями принадлежат к классу сложных предложений со свернутыми отношениями тождества.

При пояснительных отношениях первая предикативная конструкция имеет в своем составе местоименные *т*-слова (*так*, *такой*) и подобные им по значению, вторая предикативная конструкция обозначает тот смысл, который в первой замещается *т*-словами:

Тогда давай так сделаем: я поеду в библиотеку посмотрю кое-что, а ты к тому времени сделаешь свои дела и подойдешь, мы поедим там где-нибудь и пойдем в кино (Ю. Крелин) ‘сделать так — это значит, что я поеду в библиотеку . . .’.

При объяснительных отношениях вторая предикативная конструкция дает толкование знаменательного слова или словосочетания первой предикативной конструкции, объясняемое слово в свою очередь по отношению к толкованию выполняет роль классификатора, относя толкование к определенному по значению классу событий: *Она сделала первый шаг к перевоспитанию мужа: начала ожидать его раскаяния* (К. Федин) ‘сделать первый шаг к перевоспитанию мужа — это значит ожидать его раскаяния’ и ‘ожидание раскаяния мужа можно классифицировать как первый шаг к его перевоспитанию’.

Таким образом, различия в смысловой структуре пояснительных и объяснительных сложных предложений определяются принадлежностью толкуемого компонента к местоименному или знаменательному классу слов.

Полезно видеть не только различия пояснительных и объяснительных бессоюзных сложных предложений [6], но и их глубокие системные связи. Всякое объяснительное бессоюзное сложное предложение может быть по очень простому правилу преобразовано в пояснительное. Правило это следующее: объясняемый компонент должен быть заменен *т*-словом, при этом теряется значение объясняемого компонента и, естественно, пропадает классифицирующий аспект отношений, но общая смысловая структура предложения не нарушается: толкующая часть может в равной мере обслуживать и *т*-слова, и знаменательные слова, ср.:

Дядя, говоривший мало, писал длинно и витиевато: в каждом слове и букве он старался «изобразить» значение их, их магию, заложенную не в смысле, а в самом чертеже слов и букв (К. Петров-Водкин) 'дядя, говоривший мало, писал так: в каждом слове и букве он старался «изобразить» значение их, их магию'; Орел-беркут очень красив: у него золотисто рыжая голова, темно-бурое оперение и черный хвост с белым основанием (С. Огнев) 'орел беркут таков: у него золотисто рыжая голова, темно-бурое оперение и черный хвост с белым основанием'; Это совсем дикие горы: везде камень, скалы, ущелья, травы мало, и места для скота неудобные (В. Обручев) 'это такие горы: везде камень, скалы, ущелья, травы мало, и места для скота неудобные'.

Как отношения весьма близкие по своему характеру, объяснительные и пояснительные отношения регулярно дают недифференцированный пояснительно-объяснительный тип отношений. Семантическая структура бессоюзных сложных предложений с пояснительно-объяснительными отношениями такова: толкующая предикативная конструкция объясняет значение знаменательного слова (существительного, глагола и т. п.) с соответствующим зависимым компонентом, представленным *т*-словом (*такой* — при существительном, *так* — при глаголе и т. п.); смысловая связь толкующей предикативной конструкции со знаменательным словом дает объяснительный компонент значения, а смысловая связь толкующей предикативной конструкции с *т*-словом дает пояснительный компонент значения, ср.: Надо же такое несчастье — упала бомба, и человек остался без ног (Ю. Герман) 'несчастье — это упавшая бомба и оставшийся в результате этого без ног человек' и 'не просто несчастье, а несчастье такое: упала бомба, и человек остался без ног'. Смысловые отношения в этом предложении можно сделать только объяснительными, если на место *т*-слова поставить подходящие по смыслу прилагательные, ср.: *Надо же*

[6] Различия данных типов предложений детально рассматриваются в работе: *Кирпичникова Н. В.* О синтаксическом термине *пояснение*. — В кн.: Исследования по современному русскому языку. М., 1970.

случиться большому (*страшному, непоправимому* и т. п.) *несчастью: упала бомба и человек остался без ног.* Ср. еще: *Он мне так помогает: посуду вымоет, а я перемываю* 'он мне плохо (неважно, неумело) помогает: посуду вымоет, а я перемываю'.

Как хорошо известно, в языке есть семантически опустошенные существительные с широким значением типа *вещь, дело* и т. п. Такие существительные, близкие к местоимениям, возможны и в объяснительных сложных предложениях: *И как будто дело делал: Шел ко мне — убить меня* (А. Твардовский).

Объснительные сложные предложения с такими существительными максимально близки к пояснительным: замена в них существительных местоименными словами в сущности ничего не меняет в семантической структуре этих предложений: *И как будто делал вот что: шел ко мне убить меня.* Ср. еще:

Об этом говорил хотя бы такой факт: у некоторых беспозвоночных членистоногих, например у крабов, перерезка нервов, иннервирующих сердце, вызывала остановку его работы (А. Поликарпов); Сердце, которое с седой древности наделялось способностью любить и ненавидеть, горевать и радоваться, на самом деле выполняет одну-единственную задачу, имеет, как говорят врачи, единственную функцию — прокачивает кровь через сосудистое русло (Он же); Давно стало аксиомой положение: верный диагноз — половина успеха в лечении (Он же); А теперь разрешите напомнить вам суть дела: летчик, как вам известно, может падать и в бессознательном состоянии (Ю. Герман).

Структурно-семантический статус бессоюзных сложных предложений с пояснительными и объяснительными отношениями, их различия и сходства хорошо объясняют распределение этих типов предложения по разным сферам языка.

Характерной особенностью как пояснительных, так и объяснительных бессоюзных сложных предложений является то, что они в КЛЯ представлены гораздо шире, чем в РР. Эти предложения одинаково хорошо «чувствуют» себя и в системе РР, и в системе КЛЯ.

Бессоюзные сложные предложения с пояснительными отношениями наиболее активны в научном и деловом стиле. Это обусловлено, по-видимому, тем, что при строгом изложении важно представить разного рода сложные явления как нечто единое в том или ином плане. И, если для обозначения такого рода явлений нет специального слова-термина, их целостность подчеркивается *т*-словами и им подобными, ср. обычные для научных работ обороты типа *Выводы из сказанного следующие:* [. . .]; *Этот процесс можно формально представить так* [. . .]. Например:

Таким образом, имеем следующее свойство: все поверхности, опирающиеся на одну и ту же пространственную кривую, имеют одинаковое поле единичного вектора излучения (А. Невский, Теплообмен излучением в металлургических печах и топках котлов); Сформулируем задачу следующим образом: определить поглощательную способность среды на пути X_m для потока из-

лучения с произвольным начальным составом ... (Там же); Одно можно утверждать с несомненностью: частицы то удаляются от ядер, то приближаются к ним (А. Померанцев, Курс лекций по теории тепломассообмена).

Важно отметить, что в строгом научном изложении не встречаются объяснительные бессоюзные сложные предложения за исключением одного особого типа. Этот тип, хорошо известный по разным синтаксическим описаниям, следующий: толкующая часть содержит ряд так называемых однородных конструкций, представляя перечислительный ряд, а объясняемое слово обычно характеризуется как обобщающее для данных конструкций, оно часто сопровождается количественным числительным:

Поэтому уровень разрывной скорости может занимать на кривых распределения различные положения: на кривой распределения, отвечающей более низкой температуре вещества, уровень разрыва больший ее вероятной скорости отметит более низкое число частиц, а на кривой распределения, отвечающей более высокой температуре вещества, уровень разрыва отметит более высокое число частиц (А. Померанцев, Курс лекций по теории тепломассообмена).

Объяснительные бессоюзные сложные предложения наиболее активны в авторском повествовании художественной литературы. И это не случайно. Писатель — художник слова: он стремится донести до читателя свое толкование слова, и толкующие предикативные конструкции ему для достижения этих целей просто необходимы, ср. насколько «авторским» является толкование в таком сложном предложении с объяснительным компонентом в значении: *Вон и жена всякое уважение теряет: сейчас в макушку меня поцеловала* (В. Вересаев). Едва ли без помощи автора читатель мог бы дойти до толкования 'потеря уважения жены — это поцелуй женой макушки мужа'.

Итак, мы попытались определить «эпицентры» употребления пояснительных и объяснительных сложных предложений. Возможны эти предложения и в других сферах КЛЯ. Распределение их по этим сферам также находится в соответствии с их функциями. Как пояснительные, так и объяснительные бессоюзные сложные предложения употребляются в публицистическом стиле, в котором совмещается стремление к строгости изложения и стремление к образности. Достаточно широко представлены пояснительные сложные предложения и в языке художественной литературы, где в эстетических целях может обыгрываться их строгость, например, высокому эпическому звучанию следующих строк А. Твардовского способствует поясняемое *так*: *Так это было: четверть века Призывом к бою и труду Звучало имя человека...* Ср. обыгрывание деловых пояснительно-объяснительных конструкций у Ф. Достоевского:

(из рассказа Свидригайлова Раскольникову) После долгих слез состоялся между нами такого рода изустный контракт: первое, я никогда не оставлю Марфу Петровну и всегда пребуду

ее мужем; второе, без ее позволения не отлучусь никуда; третье, постоянной любовницы не заведу никогда; четвертое, за это Марфа Петровна позволяет мне приглянуть иногда на сенных девушек, но не иначе как с ее секретного ведома; пятое, боже сохрани меня, полюбить женщину из нашего сословия; шестое, если на случай, чего боже сохрани, меня посетит какая-нибудь страсть, большая и серьезная, то я должен открыться Марфе Петровне.

Интересно заметить, как в синтаксический деловой штамп «вкладываются» сугубо разговорные конструкции вроде «боже сохрани меня полюбить женщину из нашего сословия». Совмещение «несовместимого» дает несомненный стилистический эффект.

Можно наблюдать явный рост числа объяснительных конструкций по сравнению с пояснительными при переходе от строгого научного изложения к научно-популярному. В научно-популярной книге А. Поликарпова «Борьба за сердце» встречаем:

Итог драматичен: наступало нарушение синхронности сокращений волокон миокарда, распад в работе различных «блоков» сердца. Смысл этой кратковременной задержки огромен: из-за нее кровь поступает из предсердий в желудочки прежде, чем они начинают сокращаться; Он (эксперимент) крайне прост: ограничьте употребление жиров, поменьше курите, ешьте побольше овощей.

В строгом научном изложении при прочих структурно-стилистических изменениях на месте объясняемых слов более вероятны были бы слова поясняемые, ср.: *Итог следующий (такой, таков): наступало нарушение синхронности сокращений волокон миокарда.*

Рассмотрим теперь в отдельности и несколько подробнее бессоюзные сложные предложения с пояснительными и объяснительными отношениями.

Бессоюзные сложные предложения с пояснительными отношениями

Бессоюзные сложные предложения с пояснительными отношениями, как уже было сказано, широко представлены в научном и деловом стилях. Круг поясняемых слов в этих стилях ограничен, это в основном слова *так, такой, таков* и *следующий*. Эти поясняемые слова, по-видимому, за исключением слова *следующий*, возможны и в языке художественной литературы:

И все дни так пошло: следом — как тень и стоит — как пень (М. Цветаева); Сидела на разных концах рыжего дивана, даже так: он — в глубоком его углу, я — наискосок, на мелком, внешнем его краю (Она же); По занятиям жители осели так: на Маяке — рыбаки; на Горке — ремесленный люд и татарская беднота с коновалами, тряпичниками и с бесчисленной детворой; внизу в извилинах Горки уместились домики с красными фонарями и с цветными занавесками на окнах (К. Петров-Водкин); Было так: из тьмы глубокой, Огненный взметнув клинок, Луч прожектора

протоку Пересек наискосок (А. Твардовский); Да, вот такой поворот дал всему делу Таборский: ты, мол, Пряслин, во всем виноват, ты, мол, нам палки в колеса суешь! (Ф. Абрамов).

Регулярны эти слова, включая и слово *следующий*, в публицистике и научно-популярном изложении:

Обстановка в цехе была такая — оперативные совещания, разгоны на селекторных рапортах, вызовы к начальству (Лит. газ.); Одним из доводов «против» был такой: участие в производительном труде естественно предполагает какую-то материальную компенсацию, получение же школьниками денег за выполняемую ими работу считается заведомо непедагогичным (Там же); Объяснения приводятся такие: в жесткой воде много солей кальция и магния, столь необходимых сердечной мышце, а в мягкой воде эти микроэлементы отсутствуют (А. Поликарпов); В двух словах суждение Манцева сводилось к следующему: трудящийся приобретает подвесной мотор, не зная, что пользоваться им не разрешат (Лит. газ.); — Не такова ли судьба реконструкции в действующем цехе: из-за дефицита труб он не может воспользоваться сроком на освоение? (Там же); Катастрофа в сердце принципиально сводится к следующему: из-за недостаточного кровоснабжения мышцы определенный участок ее омертвевает, некротизируется (А. Поликарпов).

Следует отметить, что в языке художественной литературы в форму пояснительного бессоюзного предложения с местоименным наречием *так* могут облекаться изъяснительные отношения, ср.:

Тут не то, что на кулак Поглядим, чей дюжей, — Я сказал бы так: Тут гораздо хуже (А. Твардовский); Он так сказал: ходить в атаки И умирать, коль выпал час, Есть тот гражданский долг (Он же).

Здесь местоимение *так*, употребленное при глаголе с валентностью (что?), поясняется не обстоятельственной предикативной конструкцией, как можно было бы ожидать, исходя из семантики местоимения *так*, а предикативной конструкцией, удовлетворяющей 'что' — валентность глагола. И поэтому данные пояснительные бессоюзные сложные предложения синонимичны таким изъяснительным сложным предложением, как *Я сказал бы: тут гораздо хуже, Я сказал бы, что тут гораздо хуже, Я сказал бы о том, что тут гораздо хуже.*

Может возникнуть вопрос: не является в данных конструкциях *так* компонентом, аналогичным обычному для изъяснительных структур соотносительному слову *то*? Различие *так* и *то* в том, что при *так* исключен изъяснительный союз *что*, который необходим при *то*. На этом основании описанные конструкции с *так* оставляем в классе пояснительных. На том же основании считаем пояснительными бессоюзные сложные предложения со словами *одно, вот что*:

Чуть свободная минута, думаешь об одном: лечь спать, чтоб хоть немного отдохнуть (В. Вересаев); Одно могу заявить: гор-

жусь и до смерти буду гордиться тем, что правительство и наша партия доверили мне в эти годы счастье командовать такими людьми, как вы (Ю. Герман); Дел было по горло, а в голову лезло одно: наверняка все было заранее предрешено, может быть, уже тогда, когда Лена настояла на нашем переезде (И. Герасимов).

Отличительной особенностью языка художественной литературы, в меньшей степени публицистики, является то, что ряд слов, употребляемых в функции объясняемых, в ней шире, чем в научном и деловом стиле. В роли поясняемых употребляются следующие слова:

неопределенное местоимение *что-то*:

Было в Денисе что-то чрезвычайно комичное: он то и дело самым степенным образом гладил свою жидкую бороденку, серьезно хмурил брови (В. Вересаев); Но что-то странное в этом спокойствии: как будто другой кто уверенно и находчиво действует во мне, а сам я со страхом слежу со стороны за этим другим (Он же); Но что-то случилось со мной в этот день: что бы я ни делал — возился в травильной с наладчиками, сидел на планерке, обходил линии второй очереди, подписывал документы, — все время передо мной стояли туманно виноватые глаза Натальи Михайловны, хотелось вновь увидеть их всех: и Лену, и Асю, и Наталью Михайловну, увидеть веселыми, добрыми, как в лучшие часы нашей жизни (И. Герасимов); Он говорил это весело, но что-то было за этой веселостью, я потом догадался: то было острое желание узнать как можно больше о женщине, которая была когда-то его женой, но он сдерживал себя и прятал это за легкой улыбкой (Он же);

сочетания с частицей *вот*: *вот как*, *вот это самое*, *вот что*:

А мы вот как сделаем: мы к тебе наверх молоко принесем и там будем пить (В. Вересаев); Вот как было с нашим братом, Что попал домой с войны: Заходи в родную хату, Пробираясь вдоль стены (А. Твардовский); А что такое в жизни счастье? Вот это самое как раз — Их двое, близко ли, далеко (Он же); Да, вот до чего дошло: управляющий отделения радуется, что на полях ничего не уродилось (Ф. Абрамов);

местоимение *это* в событийном осмыслении:

— Но это же не очень важно — путаю я или нет (Ю. Герман); Потом это стало повторяться: задумываясь, я забывал уснуть (В. Каверин); Вновь отныне это свято: Где ни свет, то наша хата (А. Твардовский);

местоимение *оно* в событийном осмыслении (возможно, по-видимому, только в языке художественной литературы):

И увиделось впервые, Не забудется оно: Люди теплые, живые Шли на дно, на дно, на дно (А. Твардовский); Да нам оно и не пристало — Надеждой тешиться: авось Уйдет, пройдет — как не бывало Того, что жизнь прошло насквозь (А. Твардовский);

местоимение *такое* в событийном осмыслении:

Она дивилась, что такое сталось с Сергеем Андреевичем: всегда сумрачный и молчаливый, он сегодня все время шутил и болтал без умолку (В. Вересаев);

слова *другой, иной, обратный*:

Гораздо существеннее другое: проснувшись сегодня ночью и подумав о своей старости, я вдруг решил, что у меня есть семья и я вовсе не холостяк (Ю. Герман); Фронт, война. А тут иное: Выводи коней в ночное (А. Твардовский); О войне — оно понятно, Что война. А суть в другом: Дай с войны прийти обратно При победе над врагом (Он же); И все-таки справедливости ради надо сказать и о другом: кейптаунские события всколыхнули общественное мнение, невольно подстегнули творческую мысль ученых, работающих в области трансплантации органов, и в конце концов способствовали более энергичной разработке этой важной проблемы (А. Поликарпов); Но бывает и обратное — практическое дело опережает теоретические разработки, требует пересмотра сложившихся взглядов (Он же);

местоимение *ничего* при отрицании:

В письме о самой Вере не было почти ничего: она оставалась в тени, а освещен один он и как ярко! (И. Гончаров).

В языке художественной литературы возможны пояснительные бессоюзные сложные предложения с нулевым поясняемым словом. О нулевом поясняемом слове может сигнализировать:

(а) форма глагола среднего рода при отсутствующем подлежащем, такая форма предполагает событийный поясняемый компонент:

И с этого дня началось: я не мог не пить по вечерам, иначе мне не хватало сил переступить порог квартиры (И. Герасимов), ср.: И с этого дня началось такое (следующее, вот что): я не мог не пить по вечерам;

(б) смысловая структура предложения, при которой вторая предикативная конструкция не может иметь никаких иных связей с другой предикативной конструкцией, кроме пояснительных:

Разделен издревле труд: Города сдают солдаты, Генералы их берут (А. Твардовский), ср.: Разделен издревле труд так: города сдают солдаты, генералы их берут; Смотрю украдкой я, а тетенька Василиса с большим остережением куски за сарафан сует: отвернется хозяйка, а она — шмыг за пазуху — и нет куска (К. Петров-Водкин), ср.: . . .куски за сарафан сует так: отвернется хозяйка, а она — шмыг за пазуху. . .

Принадлежность данных бессоюзных сложных предложений к пояснительным доказывается еще и тем простым фактом, что все они «безболезненно» для семантики и даже для своей стилистической окраски включают в свой состав пояснительные слова.

Существуют в художественной речи структуры, которые можно трактовать как пояснительные с опосредованными отношениями. Опосредующий смысл может включать в себя действия, состояния с поддающимся обобщению результатом, такое действие прогнозируется названным действием или состоянием, ср.:

Вдоль по бараку взад — вперед С немецким табелем пройдет: Кто умер — ставит галочку, Кто жив — тому лишь палочку (А. Твардовский) ‘с немецким табелем пройдет — и сделает следующее — кто умер — ставит галочку, кто жив — тому лишь палочку’; Я совсем теперь холоден и покоен, и могу, по уговору, объявить наконец ей, что я готов, опыт кончен — я ей друг, такой, каких множество у всех (И. Гончаров) ‘опыт кончен — и результаты такие — я ей друг’; То усмехнусь, то робко приосанюсь И с белорукой тростью выхожу, — Я слушаю сонаты в переулках, У всех лотков облизываю губы, Листаю книги в глыбких подворотнях, И не живу, и все-таки живу (О. Мандельштам) ‘выхожу — и иду делать следующее — я слушаю сонаты . . .’.

Опосредующий смысл может составлять вторую часть противопоставления, прогнозирует его в этом случае — первая часть противопоставления, тем или иным способом помеченная именно как часть противопоставления:

— Ну отец, не только цел: Отступал солдат отсюда, А теперь, гляди, кто буду, — Вроде даже офицер (А. Твардовский) ‘не только цел — но и еще вот что: отступал солдатом, а теперь офицер’.

Особый случай опосредования представлен в таком примере: *Неизвестно было, кроме того, какое решение примет насчет дочери Меркурий Авдеевич: он мог ведь отказать ей в своем доме, раз она пренебрегла домом мужа* (К. Федин). Здесь первая предикативная конструкция показывает, что существует выбор решений, а вторая показывает одно из возможных решений, связываются между собой эти конструкции естественным образом через поясняемое слово — ‘неизвестно было, какое решение примет Меркурий Авдеевич — [потому что был выбор решений, и одно из них могло быть таким] — он мог отказать ей в своем доме’.

И, наконец, отметим опосредующий смысл, обусловленный союзными местоименными словами из придаточной части:

Как удивительно подходят эта ночь и нынешнее состояние Сергея к тому, что Токарев уже несколько дней собирался сделать: да, Сергей должен узнать настоящую причину смерти сестры (В. Вересаев) ‘эта ночь и нынешнее состояние Сергея подходят к тому, что Токарев уже несколько дней собирался сделать — [он собирался сделать следующее] — сообщить Сергею настоящую причину смерти сестры’; Он идет, но как идет, Проследим сторонкой: Так ступает, точно лед Под ногами тонкий (А. Твардовский) ‘проследим, как идет — [идет так] — ступает, точно лед под ногами тонкий’.

В целом можно заключить, что система опосредования смысловых отношений в пояснительных бессоюзных сложных предложениях развита слабо: все представленные типы опосредования представлены единичными примерами.

В РР возможны только некоторые типы пояснительных отношений. Единичными примерами представлены предложения с пояснительными словами *так*, *такой*, *что-то*, *одно*:

Я там так живу/ встаю и на море//; (о пироге) Она по-моему не так делает/ поменьше соли и специй всяких добавляет//; Ну что поделаешь/ он такой/ не получается у него рисование//; Есть в нем что-то такое знаешь/ приятно его слушать//; Об этом одно можно сказать/ об этом нечего сказать//.

Некоторую регулярность в РР проявляют только поясняемые слова: *вот*, *вот что*, *вот как*:

Она что мне говорила? Она вот что мне говорила/ она не успевает с этой статьей//; Я вот ведь как думаю/ я думаю не надо/ и все//; Я вот что сделаю/ я просто не пойду//; Как он пишет? Он вот как пишет/ он пять ошибок делает в одном предложении//.

Бессоюзные сложные предложения с объяснительными отношениями

Основная сфера употребления бессоюзных сложных предложений с объяснительными отношениями — авторское повествование в художественной речи и поэтическая стихотворная речь.

Смысловая структура объяснительных бессоюзных сложных предложений определяется грамматическими характеристиками и лексической семантикой объясняемого компонента. Выделим следующие разновидности объяснительных бессоюзных сложных предложений:

(1) Объяснительная предикативная конструкция может толковать по отношению к данному подлежащему глагол-предикат или другое слово в предикатном употреблении. Обычно предикативная объяснительная конструкция описывает ту ситуацию, которая может быть обобщена данным глаголом. Говорящий (пишущий) исходит из следующего: для обозначения того, что я описываю, из словаря лучше всего подходит употребленный мной толкуемый глагол. Возможны сугубо авторские толкования, ср.: *Но, видите ли, в жизни каждой, самой болотной, души бывает возраст, когда эта душа преображается, — у нее вырастают крылья* (В. Вересаев). Встречаются и такие толкования, которые почти в точности воспроизводят словарное, всем хорошо известное, и поэтому вроде бы излишние, ср.: *Как я хотела подарить вам мою «Неточку Незванову», но у меня ее украли: взяли и не вернули!* (М. Цветаева). Эстетическая нагрузка таких толкований, по-видимому, в том, чтобы подчеркнуть банальность ситуации.

Наиболее часто толкуются глаголы (или краткие причастия), обозначающие действия и состояния человека:

Марфинька не сидела на месте: она то нальет вина кому-нибудь, то попотчует закуской, или старается занять разговором своих приятельниц (И. Гончаров); Что ты лаешься на всех: напал, в самом деле, в чужом доме на женщину — хозяин остановил тебя — не по-дворянски поступаешь! (Он же); Узнав, что она едет, я с нею уже почти не расставалась — брала с утра к ней Алю и присутствовала при всей ее остающейся жизни (М. Цве-

таева); Поехали они на загонки и набросились на врагов, а те, видать, не оробели — оборону устроили (К. Петров-Водкин); Вчера всем досталось от Андрея Ивановича: жене он швырнул в лицо сапогом, квартирную хозяйку обругал (В. Вересаев); И сразу переменилась: из бездушной, то есть счастливой, сделалась несчастной, то есть любящей, — и я убеждена, что он тут же стал меньше любить ее, хотя в сказке этого не сказано (М. Цветаева).

(2) Объяснительная предикативная конструкция дает толкование сочетанию из глагола-предиката (или другого предикатного слова) и его распространителя с объектным значением по отношению к подлежащему, обычно обозначающему человека:

К счастью, спавший всегда вполглаза Цветков успел учуять неладное — услышал сиплый лай розыскных немецких овчарок (Ю. Герман); Весной снег набивал — ступой толок да утрамбовывал (Ф. Абрамов).

Часто толкуются лексически несвободные сочетания типа *совершить подвиг*:

Что с удачей постоянной Теркин подвиг совершил: Русской ложкой деревянной Восемь фрицев уложил! (А. Твардовский); Настасья занимается делом: вынимает из корзины белье и развешивает на веревках (Ф. Достоевский); Капитан занялся делом: он развернул на стойке, помещавшейся под окном против дивана, большую морскую карту и, положив на нее линейку, твердо прорезал алыми чернилами длинную полоску (И. Бунин).

Поясняемый глагол (с распространителем или без него) может быть и при неличностном подлежащем:

Когда старший брат отца Григорий Федорович был принят артелью на ссылку как полномочный работник — положение в доме полегчало: стало возможным подумать и о девятилетнем Сергуньке (К. Петров-Водкин); Как будто вдруг сменился климат: Зима — и все вокруг бело (А. Твардовский); Как бы цезурою зияет этот день: Уже с утра покой и трудные длиноты (О. Мандельштам).

(3) Широко представлены в художественных текстах бессоюзные объяснительные сложные предложения, в которых толкуется глагол со своим обстоятельством:

Он держал крепко слово: не ходил к ней, виделся с ней только за обедом, мало говорил и вовсе не преследовал (И. Гончаров); И эти (больные, попадающие в больницу после праздника) всего легче помирают: вечером принесут его, а утром он уж богу душу отдает (В. Вересаев); Да что там, без него могла бы вести себя поумней — не разжигать, а тушить Кольку (В. Тендряков); Я еще хуже делаю — не подсказываю, а рукам волю даю (Ю. Крелин).

(4) К числу одних из самых активных в КЛЯ принадлежат такие объяснительные бессоюзные сложные предложения, в которых объясняемый компонент — существительное с прилагательным. При этом:

(а) существительное может быть подлежащим, а прилагательное (полное или краткое) — сказуемым:

Мысль доктора вполне ясна: в теории непримиримость хороша и даже необходима, но условия жизни таковы, что человеку волею-неволею приходится съеживаться и становиться в узкую колею (В. Вересаев);

(б) прилагательное является определением при существительном-предикате:

Сегодня у Сергей Андреевича был большой праздник: ему предстояло провести вечер с двумя гостями, каких он редко видел в своей глуши (В. Вересаев).

Содержание толкующей предикативной конструкции предопределяется в первую очередь прилагательным. По своей семантике в данных структурах различаются прилагательные двух типов:

(а) прилагательные, показывающие объективные признаки предмета, названного существительным, объяснительная предикативная конструкция толкует эти признаки; в художественной речи такие конструкции не слишком активны:

Желтый сундук — пуст: на дне желтого сундука только новые ослепительно рыжие детские башмаки (М. Цветаева); Посадила она нас за стол, а на столе чего только нет, а кушанья все незнакомые, непривычные: возьмешь в рот, а от их вкуса страх берет, язык жевать не поворачивается (К. Петров-Водкин); И вешка была теперь не похожа на ту, которая вчера неподвижно и гордо торчала из тихой воды, — теперь это была какая-то дрянная щепка, которая металась по волнам и пропадала и вновь появлялась на мгновение (Ю. Герман);

(б) прилагательные, дающие субъективные характеристики предмету, названному существительным. В выборе таких прилагательных, равно как и в их толковании, последовательно проявляется авторское «я», авторское видение описываемой ситуации:

— Хороша дружба: я ничего не знаю о тебе, — ты ничего мне не поверяешь, никакой сообщительности — как чужая. . . — заметил он (И. Гончаров); Елена — это разновидность типа очень старого: неопределенные порывания вдаль, игнорирование окружающего, искание чего-то эффектного, яркого, необычного — в этом она вся (В. Вересаев); И зал сделался великолепнее: под непотушенной люстрой тлел красный мятый бархат сидений и ярусных барьеров (К. Федин).

Определительный компонент при существительном может быть выражен придаточным предложением:

Выражение бравой независимости и старательности сменилось выражением, которого Левин раньше никогда не видел на лице Шеремета: тупой страх как бы оледенил лицо начсана (Ю. Герман); Со мною произошло то, что всегда бывало, когда я шел на что-нибудь страшное: во мне вдруг все словно замерло и я сделался спокоен (В. Вересаев).

(5) Существительные в предикатной функции, как и прилагательные, могут иметь в объяснительном бессоюзном сложном предложении два значения:

(а) объективное:

Случайно я увидел в зеркале свое отражение: бледное, искаженное страхом лицо глянуло на меня холодно и странно как чужое (В. Вересаев); К нему пришла просто молодая девица с панарицием — палец раздуло, у ногтя явный гной, ночь не спала (Ю. Крелин); Едва мы вышли из-за стана, как увидели идущую прямо на нас группу людей: впереди Ремез, а рядом с ним, стараясь не отстать, твердо ставя палку, вышагивал Бортов (И. Герасимов);

(б) субъективное: Вы у нас, — продолжал неумолимый Нил Андреич, — образец матерям и дочерям: в церкви стоите, с образа глаз не отводите, по сторонам не взглянете, молодых мужчин не замечаете (Он же); Себе не враг никто живой: Тот строит город на Камчатке, А дачу лепит под Москвой (А. Твардовский); Странное со мной случилось в клубе, когда я увидел Лену: вдруг понял, как дорога она мне и как стала недоступна (И. Герасимов); Лиза разложила еду на белом платке, принесла ключевой воды из ручья, и начался пир: слаще всякого пирога показался ломоть ржаного, круто посоленного хлеба, запиваемый холодной водой (Ф. Абрамов).

Среди толкуемых в объяснительном сложном предложении существительных особо выделяются абстрактные существительные со значением явной оценки события, типа *грех*, *беда*:

Вот беда: во всей колонне Завалящей нет гармони, А мороз — ни встать, ни сесть (А. Твардовский); Но и лошади, пес их задери, тоже хороши. Попервости, в тридцатые годы, когда машины на Пинегу пришли, хоть бунтовали. Страхи страшные, что делалось, когда с трактором или автомобилем встречались: из оглобель лезли, телегу вдребезги разносили (Ф. Абрамов).

(6) Особый тип объяснительных бессоюзных сложных предложений представлен в том случае, когда толкуются сравнительные конструкции:

Осмотрелся, точно в хате: Печка теплая в углу, Вдоль стены идут палати (А. Твардовский); Внутри нарядно, как в храме: пол из цветной плитки, стены расписные, зеркала — с ног до головы видишь себя (Ф. Абрамов); Глаза-то у начальства как прожектора — так и рыщут, так и рыщут, все видят, ощупом тебя ощупывают (Он же); И день сгорел, как белая страница: Немного дыма и немного пепла (О. Мандельштам).

Объяснительные бессоюзные сложные предложения широко представлены в публицистике и в научно-популярном изложении. Заметно, что в этих сферах преобладают смысловые разновидности с объективным значением; ср.:

в публицистике (из Лит. газ.): Ситуация противоречивая: в прошлом году исполком запретил движение моторных лодок по Трубежу, но прокурор Манцев опротестовал решение, ибо

оно «существенно нарушает интересы трудящихся»; Число рабочих-иммигрантов в Западной Европе составляет 12 миллионов. Они подвергаются значительно большей эксплуатации, чем местные рабочие. Велика разница и в зарплате: в Бельгии она составляет 20—40 процентов, во Франции доходит до 57 процентов; Перл без утайки признается, что предложил своему шефу Джексону хитроумный способ сорвать сенатскую ратификацию договора по ОСВ-2: добавить к подписанному в Вене документу такие «поправки», которые окажутся наверняка неприемлемыми.

в научно-популярном изложении:

Выявлена важная закономерность: активность ферментов — их способность воздействовать на обменные процессы — повышалась после первых же порций пищи, насыщенной холестерином (А. Поликарпов); Недавно выяснилась еще одна, но наверняка не последняя неожиданность: установлена связь между сердечно-сосудистыми заболеваниями и содержанием минеральных веществ в питьевой воде и продуктах питания (Он же); Пение глухаря относительно тихое: его своеобразную песню можно слышать в тихое утро шагов на двести—двести пятьдесят; редко — дальше, тогда как пение тетеревов разносится на два—три километра (С. Огнев); Белый мех зайца имеет очень большое значение: он помогает ему скрываться от врагов на фоне снежного покрова (Он же).

Субъективные смысловые разновидности в названных сферах языка — средство «оживления» речи:

Иногда диски вообще устраивали «забастовку» — вдруг переставали пропускать импульсы и тем самым блокировали ту или иную группу клеток миокарда, выключая их из активной работы (А. Поликарпов); Но самый интересный и принципиальный факт: у двух третей больных, прошедших обследование и находящихся под наблюдением, результаты были хорошими даже без назначения активных лекарственных средств (Он же); Любопытная деталь: многие больные, перенесшие инфаркт, клиническую смерть, побывавшие «по ту сторону жизни», совсем по-другому начинают относиться к действительности (Он же); Живучесть лягушек прямо поразительна: без вреда для себя они способны переносить очень резкие изменения температуры, голод и прочие невзгоды (С. Огнев).

Объяснительные отношения могут выступать как компонент некоторых недифференцированных значений. Регулярны два типа недифференцированных отношений с объяснительным компонентом.

(1) Бессоюзные сложные предложения с пояснительно-объяснительными отношениями. Эти отношения имеют место в том случае, когда вторая предикативная конструкция относится к группе местоименное определение + существительное. В таких сочетаниях активны следующие местоимения:

(а) неопределенное местоимение *какой-то*, характерное в художественной речи для авторского повествования:

В окружающем мире шло какое-то брожение: орали гуси, блеяли овцы, домашние утки носились над водопольем с резвостью диких своих собратьев (Ю. Нагибин); В Водянах, на том берегу, было какое-то гулянье: из-за реки слышно, как в две гармошки наяривают, пьяные песни орут (Ф. Абрамов);

(б) неопределенное местоимение *один*, синонимичное местоимению *какой-то*, но употребляемое, главным образом, в научной речи, в публицистике и научно-популярном изложении:

Правда, из этого правила есть одно исключение: подмечено, что у детей прослушивается порой слабенький шумок, исходящий всегда из одного и того же участка грудной клетки (А. Поликарпов); Еще одна опасность: в крови может наступить свертывание (Он же); Многие врачи задаются и таким вопросом: пересадка сердца — это научный эксперимент или хирургический метод лечения? (Он же); Это дало повод для следующего объяснения появления болезни: атеросклеротический «нарост» — холестериновая бляшка — постепенно закрывает просвет сосуда, мешает прохождению крови (Он же);

В художественной речи примеры с местоимением редки, ср.:

— Я не прочь, пожалуй, Но одна статья: За телегу, малый, Опасаюсь я (А. Твардовский);

(в) местоимения *такой*, *тот*:

И та опаска всем знакома: В тылу проштрафился чуть-чуть, Глядишь, привет от военкома: Прошу зайти (А. Твардовский); Машины шли, теснясь и пятясь, Держась на той струне тугой: Не сплоховать, Не сбавить натиск, Не проморгать беды лихой (Он же).

(2) Бессоюзные сложные предложения с причинно-объяснительными значениями. Причинное значение «добавляется» к объяснительному при субъективных объясняемых словах; предикативная конструкция при таких словах не только дает толкование слова, но и показывает причину субъективного выбора толкуемого слова или сочетания. Поскольку основная сфера употребления субъективно толкуемых слов — художественная литература, то и причинно-объяснительные бессоюзные сложные предложения представлены прежде всего в языке художественной литературы:

С жилищем — тоже много проще: Дворец ли, погреб — Все твой дом (А. Твардовский) ‘с жилищем просто — это значит везде твой дом’ и ‘с жилищем проще, потому что везде твой дом’; Вера начала рассказывать о своих братьях. Знала она их удивительно: столько в ее рассказах сказалось наблюдательности, столько любви и тонкого психологического чутья, что я слушал с действительным интересом (В. Вересаев).

Особого рода причинно-объяснительные отношения складываются тогда, когда причинные отношения создаются за счет связи второй предикативной конструкции с глаголом первой, а объяснительные отношения дает связь второй предикативной конструкции с существительным первой, ср.:

Сейчас, оторвавшись от бумаг, удивился выражению лица Бортова: на круглых скулах набрякли желваки, но он не был зол, и в глазах стояла настороженность (И. Герасимов) 'удивился выражению лица, потому что на круглых скулах набрякли желваки' . . . и 'выражение лица — это набрякшие на круглых скулах желваки'. . .; Кроме того, проезжающие и пролетающие доктора останавливались у Александра Марковича еще по одной причине, о которой никогда не говорилось, но которую приятно было сознавать: Левин обязательно советовался с любым флагманским специалистом насчет своих раненых, рассказывал, как проходила у каждого операция, как двигается послеоперационное лечение, делился своими опасениями и с интересом выслушивал советы (Ю. Герман).

Другие типы недифференцированных значений с объяснительным компонентом нерегулярны. Отметим недифференцированные объяснительно-следственные отношения:

Самарин забурел — к нему не подступись (И. Герасимов) 'забурел — это значит к нему не подступись' и 'забурел — и поэтому к нему не подступись'; Расходившийся дождь как метлой вымел пекашинские задворки — ни единой души не попалось ему на глаза вплоть до самой конюшни (Ф. Абрамов); Грубиян: сейчас глупость скажет! — шептала она Райскому (И. Гончаров).

Опосредованные отношения для бессоюзных сложных предложений с объяснительными отношениями несвойственны: толкуемый компонент и толкующая часть всегда должны быть представлены вербально.

В РР употребительны только объяснительно-причинные бессоюзные сложные предложения с субъективным «авторским» толкованием: Глупый какой-то кот/ всех боится//; Тополь у нас во дворе высокий растет/ выше этих новых домов девятиэтажных//; Он умный/ он уже за пятый класс задачки щелкает//; Кострома же маленький город/ там тысяч триста наверно жителей/ меньше даже//; На «Ракете» (тип судна на подводных крыльях) удобно до Ярославля ехать/ час она идет всего/ быстрей автобуса в общем//; Эта очень злая собака/ она не подпускает совсем к себе//; У него уже старая машина/ он ее лет десять уж как купил//; Ты очень хорошо загорел/ весь черный прямо//; У него жуткий характер/ ничего не выходит/ он прямо бросается на всех//.

Особенно активны в РР объяснительно-причинные бессоюзные сложные предложения с оценочными толкуемыми словами типа *хорошо* (*хороший*) — *плохо* (*плохой*) и всеми другими расположенными на этой оси: *неважно*, *превосходно*. Следует заметить, что часто толкование этих слов отличается большой субъективностью и может вне данного микроколлектива производить впечатление алогичных толкований, ср.: *Он уже плохо учится/ у него одни четверки/ ни одной пятерки в прошлой четверти не было//* — в данном микроколлективе *учиться хорошо — учиться на пятерки, учиться средне (более или менее хорошо) — учиться преимуще-*

ственно на пятерки, все остальное — *учиться плохо*, что явно расходится с общепринятой оценкой успеваемости. Ср. еще:

Он считает/ она очень плохо работает/ две статьи за год написала// И считается плохо//; (о фильме) Плохой детектив/ всего одно убийство//; Он говорит великолепный фильм/ там сплошные погони/ драки/ стрельба и все эта ковбойская мура//.

Итак, бессоюзные сложные предложения с пояснительными и объяснительными отношениями в структурно-семантическом отношении в РР и КЛЯ почти ничем не отличаются. Собственно разговорные характеристики: недифференцированные значения, опосредованные отношения, развитая функциональная группа — в этих типах бессоюзного сложного предложения либо вообще себя не проявляют, либо проявляют слабо. А другие характеристики данного типа бессоюзного сложного предложения одинаково хорошо вписываются и в систему сложного предложения РР, и в систему сложного предложения КЛЯ. Бессоюзные сложные предложения с пояснительными и объяснительными отношениями не являются в КЛЯ чужеродными элементами. Эти предложения поэтому представлены во всех сферах КЛЯ, в том числе и в таком строго кодифицированном функциональном стиле как научный.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось бы сформулировать ряд проблем, которые проведенное исследование позволяет определить как актуальные и перспективные для дальнейшего развития лингвистической, в первую очередь синтаксической, теории.

(1) Как мы пытались показать, интонация выполняет в бессоюзном сложном предложении особую синтаксическую функцию — она активизирует смысловые отношения, заложенные в лексико-семантическом содержании предикативных конструкций. Эта функция интонации стала бы намного ясней, если бы имелось общее системное описание интонации в функционально-смысловом аспекте. Е. А. Брызгунова сумела представить хорошо упорядоченное формальное описание интонационных конструкций. Кажется весьма важным на этой формальной основе дать последовательное системное описание интонации в функциональном плане. Эта сторона дела разработана еще явно недостаточно.

(2) В КЛЯ, как было показано, бессоюзные сложные предложения представлены прежде всего в сферах, испытывающих влияние РР, и помечены там как разговорные элементы, служащие или целям прямой имитации РР, или целям придания текстам разговорной живости. Совершенно очевидно, что эти цели достигаются не только за счет бессоюзных сложных предложений как показателя разговорности, но и за счет многих других разговорных показателей. Их последовательное описание на собственно разговорной основе многое может дать и в плане общих языковых описаний, и в плане анализа языка художественной литературы.

(3) Бессоюзное сложное предложение является ведущим типом сложного предложения в РР, а в КЛЯ оно (за исключением некоторых разновидностей) занимает периферийное положение. Есть основания думать, что этот факт объясняется не только собственно языковыми различиями РР и КЛЯ, но, по-видимому, и тем, что РР и КЛЯ различны и в плане представленных в них типов языкового мышления. Само семантико-синтаксическое устройство бессоюзного сложного предложения, широкое распространение в нем недифференцированных значений, опосредованных отношений — все это, несомненно, факты, интересные для анализа языкового мышления. А проблема выявления особенностей языкового мышления в текстах РР в свою очередь активизирует тему о структуре разговорных текстов.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Содержание

Введение . . . 3

Исходные посылки . . . 3

О понятии сложного предложения . . . 11

Синтаксические формы сложного предложения с союзами и союзными словами . . . 14

Сочинение / подчинение в сложном предложении . . . 14

Синтаксические формы, определяющие смысловые отношения между частями сложного предложения с союзами и союзными словами . . . 22

Глава первая

Из истории изучения бессоюзного сложного предложения . . . 29

Концепция бессоюзного сложного предложения А. М. Пешковского 29

Концепция бессоюзного сложного предложения Н. С. Поспелова 32

Существует ли бессоюзное сложное предложение? . . . 35

www.ruslang.ru

Глава вторая

Синтаксическая форма бессоюзного сложного предложения . 41

Определение синтаксической формы бессоюзного сложного предложения . . . 41

Интонация как средство активизации смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении . . . 44

Неформальные способы активизации смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении . . . 47

О синтаксической форме бессоюзных сложных предложений с перечислительными отношениями . . . 50

Яркая/неяркая интонация и степень активизации смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении . . . 52

О роли некоторых грамматических показателей в бессоюзном сложном предложении . . . 56

Свободные/несвободные формы бессоюзного сложного предложения 57

Синтаксическая форма бессоюзного сложного предложения и некоторые языковые дихотомии . . . 58

Глава третья

Семантическая структура бессоюзных сложных предложений . 60

Из опыта описания смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении . . . 60

О метаязыке описания смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении 62
Дифференцированные / недифференцированные отношения в бессоюзном сложном предложении 66
Логико-семантические типы смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении 78
Бессоюзные сложные предложения с пропозиционными отношениями 78
Модус/пропозиция и бессоюзные сложные предложения 81
Бессоюзные сложные предложения с отношениями свернутого тождества 82
Идентифицирующие отношения в бессоюзном сложном предложении 84
Предикация и бессоюзные сложные предложения 85
Об одном типе недифференцированных отношений в бессоюзном сложном предложении 90
Непосредственные (прямые) и опосредованные отношения в бессоюзном сложном предложении 94
Еще раз о сочинении/подчинении и бессоюзном сложном предложении 108
Бессоюзные сложные предложения и функциональные группы . 111

Глава четвертая
Бессоюзное сложное предложение в разных языковых сферах . 115
Бессоюзные сложные предложения в разговорной речи 118
Система бессоюзного сложного предложения в разговорной речи и кодифицированный литературный язык 128
Бессоюзные сложные предложения в языке художественной литературы 137
Бессоюзные сложные предложения в речи персонажей 137
Бессоюзные сложные предложения в авторском повествовании 151
Бессоюзные сложные предложения в поэтическом стихотворном языке 157
Бессоюзные сложные предложения в функциональных стилях . 162

Глава пятая
Опыт описания некоторых типов бессоюзного сложного предложения 166
Бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями 166
Бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями в разговорной речи 167
Бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями в кодифицированном литературном языке 170
Ограничения на использование формы бессоюзного изъяснительного сложного предложения 170
Дифференцированные изъяснительные отношения и недифференцированные отношения с изъяснительным компонентом 172
Опосредованные отношения 175
Бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями и чужая речь 180

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

Бессоюзные сложные предложения с причинными отношениями 183
Смысловая структура бессоюзных сложных предложений с причинными отношениями 184
Причинные отношения в составе недифференцированных отношений 190
Опосредованные отношения . 193
Функциональные группы . . 200
Связь свободного соединения 202
Бессоюзные сложные предложения с пояснительными и объяснительными отношениями 203
Бессоюзные сложные предложения с пояснительными отношениями 207
Бессоюзные сложные предложения с объяснительными отношениями 212
Заключение 220

Евгений Николаевич Ширяев

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства Л. М. Гаврилова
Художник Н. Н. Якубовская
Художественный редактор Г. П. Валлас
Технический редактор И. В. Бочарова
Корректоры Р. С. Алимова, Е. В. Шевченко

ИБ № 31718

Сдано в набор 03.02.86
Подписано к печати 07.05.86
Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага офсетная № 2
Гарнитура литературная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 14,0. Усл. кр.-отт. 14,25. Уч.-изд. л. 17,8.
Тираж 3100 экз. Тип. зак. 83. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

1р. 80 к.